

тезис о «случайном» характере своих экономических успехов и их обусловленности «благоприятным стечением обстоятельств».

С началом перестройки в изучении социально-экономического развития Японии появились новые подходы. Центр тяжести сместился с изучения «отрицательных социально-экономических явлений» японской действительности к анализу причин высокого динамизма и адаптивности японской экономики к достижениям НТП. Правда, на этом этапе в силу сохраняющихся идеологических ограничений речь шла об изучении лишь отдельных технико-экономических и организационных сторон японского опыта, например, в области экономии энергии, охраны окружающей среды, утилизации отходов, развития автоматизации производства и т. д.

В годы перестройки сотрудники отдела Японии Института востоковедения АН СССР и сектора Японии Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) АН СССР подготовили не один десяток аналитических записок для Совета министров СССР, Госплана, ЦК КПСС, отдельных министерств и ведомств. В них давался объективный анализ достижений Японии в различных областях с подробным описанием механизмов и инструментов, с помощью которых ей удалось добиться соответствующих результатов.

Материалы, положительно освещавшие опыт Японии в разных сферах, периодически появлялись в эти годы и в открытой печати. В качестве примера можно привести сборник статей «Япония: проблемы научно-технического прогресса», авторами которого стали сотрудники Института востоковедения, ИМЭМО и ряда отраслевых научно-исследовательских институтов¹. Хотя во введении к сборнику, отдавая дань времени, говорится о «многих негативных явлениях и проблемах», сопровождающих развитие научно-технического прогресса в Японии, и об их однозначной связи с «характером капиталистического способа производства как определенной общественно-экономической формации», в целом он явился своего рода прорывом в изучении японского опыта. В нем не только представлена широкая объективная картина достижений Японии в различных областях (например, в развитии «высоких технологий», создании энерго- и материалосберегающей структуры производства, модернизации сельского хозяйства, охране окружающей среды, развитии регионов и т. д.), но и напрямую заявлено о полезности ее опыта «для работников, занимающихся проблемами народного хозяйства нашей страны»².

¹ Япония: проблемы научно-технического прогресса. Отв. ред. акад. *Е. М. Примаков*. М., 1986.

² Там же, с. 9.

Во второй половине 80-х годов в Институте востоковедения АН СССР было решено развить эту инициативу и начать издание специальной серии брошюр под общим заголовком «Японский опыт», в которых бы освещался опыт решения проблем, являющихся наиболее острыми и злободневными для нашей страны. Эту серию открыла брошюра И. С. Тихоцкой «Использование вторичного сырья в Японии» (М., 1988). Затем были изданы еще две работы – Т. Н. Матрусовой «Подготовка кадров в японских фирмах» (М., 1990) и И. Л. Тимониной «Япония: опыт регионального развития» (М., 1991). К сожалению, на этом издание серии прекратилось из-за крайне тяжелого положения, в котором оказалась академическая наука в начале 90-х годов.

Как известно, время перестройки характеризовалось жаркими дискуссиями в сфере общественных наук, в том числе и в области политической экономии современного капитализма. Пересматривались многие незыблемые прежде положения, вытекавшие из теории непрерывного углубления всеобщего кризиса капитализма, которые явно перестали соответствовать действительности и мешали объективному научному анализу тех изменений, которые произошли в социально-экономическом развитии промышленно развитых стран в послевоенный период.

Не остались в стороне от этих дискуссий и российские японоведы, тем более что послевоенное развитие Японии давало обильный материал для размышлений. В 1991 г. – последнем году перестройки – коллектив японоведов ИМЭМО под руководством Я. А. Певзнера, В. Б. Рамзеса и В. К. Зайцева выпустил монографию «Японская экономика в преддверии XXI века»³, которая содержала целый ряд принципиально новых подходов к анализу экономических реалий страны. Главными среди них стали отход от акцента на монополистической сущности и обреченности современного капитализма и, напротив, подчеркивание его конкурентного характера, обеспечивающего динамизм и адаптивность экономик западных стран, новый взгляд на рынок как на «механизм, несравненно более мощный и необходимый для прогресса, чем даже самая совершенная техника»⁴, отказ от оценки государства как «комитета по делам монополий» и признание за ним целого ряда важных общественно-полезных функций и т. д.

Однако значение этой книги не исчерпывалось только вкладом в развитие политэкономии современного капитализма. Отмечая целый ряд сильных сторон японского капитализма, обеспечивающих его динамизм, маневренность, адаптивность к научно-техническому прогрессу,

³ Японская экономика в преддверии XXI века. М., 1991.

⁴ Там же, с. 4.

она, по существу, обозначила и новые направления и проблемы, которые бы могли изучаться как полезные для нашей страны элементы японского опыта. Разумеется, в то время речь могла идти об их «полезности» только с точки зрения задач «борьбы с административно-командной системой» и «создания условий для прогресса по пути социализма».

С распадом СССР и началом демократических реформ в изучении японского опыта наступил качественно новый этап. Прежние идеологические барьеры окончательно рухнули. Россия вступила на путь создания рыночной экономики и построения демократического государства. Естественно, что опыт Японии, оказавшейся после войны во многом в аналогичном положении и достигшей выдающихся успехов, оказался в центре внимания ученых и специалистов самых разных направлений.

При этом значительно раздвинулись и рамки самого понятия «опыт». Наряду с продолжением изучения отдельных технико-экономических и организационных сторон экономического развития Японии стали изучаться с прицелом на заимствование и такие его аспекты, как различные направления государственной политики, государственное регулирование развития отдельных сфер и секторов, теория и практика управления японских компаний и банков, в том числе особенности управления трудом, и т. д.

В то же время границы понятия «опыт» расширились и за счет включения в него наряду с экономикой новых сфер, таких, как образование, культура, здравоохранение, политическое устройство, социальное обеспечение и ряд других, где опыт Японии также дает богатый материал если не для заимствования, то, по крайней мере, для серьезных размышлений.

Следует отметить, что во многих работах, вышедших в постперестроечное время и посвященных исследованию различных аспектов экономического, социального и политического развития современной Японии, в той или иной степени содержатся материалы, представляющие одновременно и несомненный практический интерес. В то же время особенностью последнего десятилетия стало появление специальных работ, авторы которых исследуют японскую действительность именно с целью обнаружения в ней элементов, которые бы могли быть применены и в нашей стране для решения тех или иных задач.

Как показывает анализ, в плане изучения японского опыта наиболее «востребованной» оказалась сфера экономики, что вполне объяснимо, если учесть выдающиеся достижения Японии в послевоенном экономическом развитии. Интересно отметить, что наряду с российскими японоведами в пропаганде японского опыта в этой области активно участвовали и японские экономисты, особенно в последние

годы перестройки и первые годы реформ. Так, в начале 90-х годов было издано несколько коллективных работ, авторы которых – известные японские специалисты, представители научных учреждений и правительственных организаций – предлагали вниманию своих российских коллег те или иные элементы послевоенного японского опыта для ускорения и облегчения процесса перехода России к рыночной экономике. Названия этих книг говорят сами за себя: «“Японское чудо” и советская экономическая реформа. Японские предложения по реформе экономики в Советском Союзе» (Отв. ред. Х. Инаба, С. Цудуми. М., 1991.); «Переход России к рыночной экономике: опыт Японии и интеллектуальное содействие» (Отв. ред. Н. Ёсимура и Ё. Нисимура. Токио, 1992); «О системной экономической реформе в странах бывшего СССР: чему учит послевоенный опыт Японии» (М., 1992, Институт внешней торговли и промышленности); «К вопросу об использовании опыта послевоенного восстановления экономики Японии для России» (Токио, 1995. НИИ промышленной политики, НИИ национальной экономики).

Все эти работы исходили из очевидной посылки. Если Япония, которая оказалась после войны в положении, весьма схожем с точки зрения макроэкономической ситуации с положением России на момент распада Советского Союза, и была вынуждена решать в принципе те же самые задачи, что и наша страна, смогла успешно с ними справиться, то ее опыт, обретенный в свое время методом проб и ошибок, может быть полезен для России.

Действительно, хотя между поражением Японии в войне, поставившим страну перед необходимостью коренных преобразований, и началом реформ в России прошло более 45 лет, с точки зрения условий и задач развития эти периоды поразительно схожи. И в Японии второй половины 40-х годов, и в России начала 90-х годов основными характеристиками макроэкономической ситуации были следующие:

- жесткий и всеохватывающий контроль государства над экономикой;
- высокий уровень милитаризации экономики;
- крайне высокая степень монополизации промышленности, сферы финансов и кредита;
- дезорганизация экономической жизни, разрушение традиционных хозяйственных связей;
- резкое падение объемов промышленного производства;
- раскручивание инфляционной спирали;
- дефицит предметов производственного и личного потребления;
- нехватка внутренних источников капиталонакопления;
- резкое падение жизненного уровня населения;
- высокий уровень безработицы.

Что касается задач, стоявших перед нашими странами, то и России и Японии необходимо было заниматься одновременно двумя сложнейшими проблемами, а именно, переходом от командной экономики к рыночной и стабилизацией экономической ситуации. Для этого необходимо было осуществить целый комплекс конкретных мер, которые можно подразделить на следующие направления.

1. Общая демократизация экономики:

- демилитаризация на основе конверсии военного производства;
- монополизация;
- реформа трудовых отношений, принятие новых законов о труде;
- аграрная реформа (в Японии – ликвидация помещичьего землевладения, в России – преобразование колхозно-совхозного строя).

2. Замена прямого государственного контроля над экономикой рыночными механизмами:

- значительное ослабление прямого государственного контроля над экономикой;
- реорганизация системы органов государственного управления;
- проведение налоговой реформы;
- осуществление реформы финансово-кредитной системы;
- перестройка системы государственных финансов.

3. Восстановление экономики:

- обуздание инфляции и стабилизация денежного обращения;
- мобилизация кредитно-денежных ресурсов для восстановления национального хозяйства;
- приостановление спада в промышленности, модернизация устаревшего и изношенного производственного оборудования;
- стимулирование экспорта, включение в международное разделение труда⁵.

Правда, авторы всех названных выше работ вполне отдавали себе отчет в том, что при всей схожести задач и условий, между нашими странами существовало и важное принципиальное отличие, а именно то, что за плечами у наших стран был опыт хозяйствования в принципиально разных социально-экономических системах. В то время как перед Японией стояла задача восстановления деформированного в годы милитаризации и войны хозяйства рыночного типа, Россия должна была строить его заново⁶.

Это обстоятельство в немалой степени облегчало достижение поставленных целей для Японии и, напротив, существенно осложняло – для России.

⁵ К вопросу об использовании опыта послевоенного восстановления экономики Японии для России. Токио, 1995. НИИ промышленной политики, НИИ национальной экономики, с. 4-6.

⁶ Там же, с. 9.

Итак, какие же именно элементы японского опыта послевоенного восстановления были рекомендованы японскими экспертами для России? При освещении этого вопроса мы будем использовать главным образом работу НИИ промышленной политики и НИИ национальной экономики «К вопросу об использовании опыта послевоенного восстановления экономики Японии для России», о которой упоминалось выше. Значительная часть этой работы написана российским японоведом А. И. Кравцевичем, который, глубоко понимая специфику российских проблем и прекрасно ориентируясь в японских реалиях, смог, на наш взгляд, дать наиболее объективную оценку тех или иных сторон японского опыта с точки зрения возможностей его использования в России. Многие эксперты, в том числе и А. И. Кравцевич, прежде всего, указывают на полезность для России японского опыта восстановления промышленности на основе использования так называемой системы приоритетных производств (кэйся сэйсан хосики). Основная идея этой системы состояла в том, чтобы, дав «толчок» развитию определенных отраслей и производств, постепенно вывести всю экономику из хаоса и разрухи, в которых она пребывала в те годы. Идея «кэйся сэйсан хосики» была предложена профессором Токийского университета Х. Арисава и, как любят подчеркивать японские экономисты, основывалась на марксовской схеме расширенного воспроизводства, а также в таблицах межотраслевого баланса В. Леонтьева.

Сами же приоритетные производства определялись путем довольно простых логических построений. В то время основным энергоносителем был уголь, поэтому для восстановления экономики было наиболее важным наладить и расширить производство угля. Но решение этой задачи упиралось в острую нехватку металла, необходимого для замены крайне изношенного оборудования шахт. В результате две эти отрасли были избраны в качестве наиболее приоритетных и стали пользоваться всемерной поддержкой правительства. С конца 1946 г. вся импортруемая нефть стала направляться в черную металлургию, почти весь металл шел на производство оборудования для шахт, а добываемый уголь, естественно, использовался в черной металлургии. Предполагалось, что итогом «рециркуляции» ресурсов по такой схеме станет быстрое расширение добычи угля и производства металла, что позволит все большую их часть направлять на восстановление других отраслей.

К приоритетным отраслям были также причислены производство удобрений и электроэнергетика, а в следующую по уровню приоритетности группу были включены добыча железной руды, нефтепереработка, производство асбеста, текстиля и красителей, а также морской транспорт⁷.

⁷ Там же, с. 36

Эти отрасли в первоочередном порядке обеспечивались сырьем, материалами, оборудованием, рабочей силой и финансовыми ресурсами, но в то же время государство жестко контролировало производство и распределение продукции, использование сырья и материалов, режим труда, уровень цен на продукцию и т. д.

Оставляя в стороне вопрос о макроэкономических последствиях применения «системы приоритетных производств», отметим вслед за японскими специалистами, что она существенно ускорила восстановительные процессы: уже в 1947 г. спад промышленного производства был остановлен, и началось довольно быстрое расширение его объемов.

Дав «толчок» развитию промышленности, «система приоритетных производств» вскоре была заменена другой формой регулирования развития промышленности – политикой рационализации производства. По мнению японских специалистов, последняя также могла бы успешно применяться в России. Тем более, что она в отличие от «системы приоритетных производств», опиравшейся главным образом на административные методы, основывалась на широком использовании мер стимулирующего характера, в большей степени соответствующих экономике рыночного типа.

Целью политики рационализации провозглашалось повышение эффективности и технического уровня японских промышленных предприятий, главными проблемами которых были высокие издержки производства и крайняя степень изношенности и отсталости оборудования (т. е. проблемы, от которых и сейчас страдают многие российские предприятия). Для достижения этой цели предполагалось сосредоточить усилия на следующих направлениях: повышении качества сырья и материалов, стандартизации производственных процессов и оборудования; обновлении оборудования, в том числе за счет импорта новой техники; модернизации всей системы управления предприятиями.

Главной чертой политики рационализации стал ее селективный характер, а именно тщательный отбор отраслей и производств, которые должны были стать «объектом приложения» политики рационализации, т. е. объектом государственной поддержки и стимулирования. Основными критериями отбора были важность той или иной отрасли с точки зрения наращивания промышленного и экспортного потенциала страны.

Всего было отобрано 32 приоритетных производства (позже их число увеличилось до 50), при этом поддержка предоставлялась в первую очередь крупным, технически передовым фирмам.

В комплексе мер их государственной поддержки можно выделить два важнейших направления. Во-первых, льготное финансирование по линии государственных финансовых институтов и предоставление

субсидий из государственного бюджета (последняя мера носила выборочный характер). Во-вторых, льготное налогообложение (снижение импортных пошлин и ставки налога на основной капитал для машин и оборудования, необходимых для модернизации; создание новых видов резервных фондов и повышение пределов накопления в существовавших ранее; частичное освобождение от налогов доходов от экспорта; применение ускоренной амортизации для определенных видов оборудования и т. д.)

Результаты политики рационализации проявились довольно быстро: уже к концу 50-х годов большинство выделенных отраслей и производств значительно повысили технический уровень и снизили издержки, а некоторые (например, автомобилестроение) стали весьма процветающими. В связи с этим с начала 60-х годов акценты были перенесены на другую проблему – проблему рационализации отраслевой структуры промышленности, при этом создание и поддержка новых отраслей стали основным приоритетом политики государства.

На этом этапе произошло окончательное оформление промышленной политики как особого направления в системе государственного регулирования экономики в Японии. Она сыграла выдающуюся роль в ее превращении в ведущую промышленную державу, и ознаменовалась с философией и инструментарием этой политики руководителей соответствующих ведомств России (до сих пор не имеющей четко сформулированной стратегии развития промышленности) признается крайне желательным как всеми японскими экспертами, так и многими российскими специалистами.

В самом общем виде промышленную политику можно определить как совокупность мер государственного воздействия на экономику, направленных на формирование и перестройку ее отраслевой структуры с целью повысить эффективность использования факторов производства.

Промышленная политика основывалась на концепции «динамических сравнительных преимуществ». Общий смысл концепции состоял в том, что государство должно поддерживать не те отрасли, которые в данный момент обладают сравнительными преимуществами и международной конкурентоспособностью (в России сейчас их представляет почти исключительно топливно-сырьевой комплекс), а те, которые будут обладать ими в будущем. При выборе объектов поддержки министерство внешней торговли и промышленности Японии исходило из двух основных критериев. Во-первых, это – эластичность спроса по доходам (в первую очередь – эластичность экспортного спроса относительно роста реальных доходов населения в разных странах). Во-вторых, это – темпы технического прогресса (т. е. возможность превращения

отрасли в обладающую сравнительными преимуществами на основе внедрения достижений НТП)⁸.

Что касается механизма поддержки и стимулирования предприятий приоритетных отраслей и производств, то в принципе он основывался на тех же средствах и методах, что и прежде, т. е. на льготном государственном финансировании и предоставлении разного рода налоговых льгот, которые в комплексе и обеспечили успех в реализации промышленной политики.

Вслед за А. И. Кравцевичем и рядом японских специалистов хотелось бы также обратить внимание на следующие два момента, которые способствовали успеху этой политики. Во-первых, выработка основных направлений и уточнение инструментария промышленной политики происходили на основе постоянной координации усилий правительства и частного сектора (прежде всего в ходе работы разного рода консультативных комитетов при правительстве), что, безусловно, следовало бы делать и в России. Во-вторых, для направления ресурсов частных банков в отрасли, поощряемые государством, в Японии активно использовалась политика рационализации кредитов, предоставляемых Банком Японии частным банкам (с указанием последним сфер предпочтительного кредитования). Как справедливо отмечает А. И. Кравцевич, острая нехватка источников капиталонакопления на российских предприятиях, с одной стороны, и высокая степень зависимости частных российских банков от привлечения государственных средств (в первую очередь от кредитов Центрального банка) – с другой, создают объективные предпосылки для использования подобной практики и в России с целью реализации тех или иных государственных приоритетов⁹.

Рекомендуя России внимательно присмотреться к названным выше, а также некоторым другим сторонам японского опыта (например, таким, как политика финансовой стабилизации, поддержка развития малого бизнеса, опыт создания законодательной основы реформ и т. д.), японские специалисты неизменно подчеркивают, что те или иные элементы их опыта не могут быть просто «скопированы» в России, а должны использоваться с учетом национальной специфики и национальных условий, а также стадии экономического развития страны.

С середины 90-х годов инициативу японских специалистов по ознакомлению России с японским опытом подхватили и стали активно развивать российские японоведы. В последующие годы исследования тех или иных сторон послевоенной японской действительности с точки

⁸ *Shinohara M. Japanese-type Industrial Policy. Tokyo, 1980, p. 6–8, 15.*

⁹ К вопросу об использовании опыта послевоенного восстановления экономики Японии для России, с. 112–113.

зрения их полезности для нашей страны в качестве позитивного опыта стали одним из важных направлений отечественного японоведения.

Первой «ласточкой» на этом пути явился выход в 1995 г. коллективной монографии «Опыт Японии в решении социально-экономических проблем», подготовленный Центром по изучению современной Японии (созданным в 1991 г. в рамках соглашения между Академией наук и Японским фондом) под руководством Д. В. Петрова. Его авторами стали японоведы трех академических институтов (ИМЭМО, Института востоковедения и Института Дальнего Востока) и Московского университета, представляющие самые разные направления японоведения, что позволило придать исследованию комплексный, многоаспектный характер. При этом, исходя из крайне сложной и напряженной социально-экономической и политической ситуации, в которой пребывала тогда Россия, акцент был сделан, прежде всего, на социальной составляющей опыта Японии, а именно на том, какие механизмы и инструменты использовались и используются в этой стране на макро- и микроуровне для снижения социальной напряженности и обеспечения социально-политической стабильности. В частности, в монографии были рассмотрены такие вопросы, как японская система подготовки кадров и управления рабочей силой, методы стимулирования труда и способы ограничения роста безработицы, система переквалификации работников и содействия в трудоустройстве, методы разрешения трудовых споров, механизмы согласования интересов различных слоев общества, деятельность профсоюзов и других массовых организаций по защите интересов различных групп населения, особенности системы социального страхования, пенсионного и медицинского обеспечения и т. д.¹⁰

По существу, эта монография стала первой крупной работой, в которой социальные проблемы, которые раньше исследовались исключительно с позиций теории классовой борьбы и классовых противоречий, были проанализированы объективно и беспристрастно. Это позволило не только существенно скорректировать прежние стереотипы, но и выявить моменты, которые бы могли быть полезны и для нашей страны. В том же году вышла в свет коллективная монография ИМЭМО РАН «Япония: полвека обновления»¹¹. Один из разделов – «Японский послевоенный опыт и российские экономические реформы», написанный Е. Л. Леонтьевой – напрямую был посвящен изучению опыта Японии первых послевоенных десятилетий. Анализируя ход процесса

¹⁰ Опыт Японии в решении социально-экономических проблем. Научный руководитель проекта Д. В. Петров. М., 1995.

¹¹ Япония: полвека обновления. Отв. ред. В. Б. Рамзес. М., 1995.

восстановления японской экономики, Е. Л. Леонтьева сосредоточивает внимание на таких вопросах, как институциональные реформы, демонаполизация экономики, конверсия военной промышленности, «шоковая терапия», промышленная политика и т. д.

В то же время становилось все более очевидным, что с точки зрения расширения возможностей донесения информации об опыте Японии до тех, кому она была предназначена в первую очередь (работникам российских ведомств, ответственных за выработку и проведение социально-экономической политики), необходимо издание специальных сборников или журналов, в которых бы в доступной, облегченной форме излагались интересные и полезные с точки зрения российских японоведов стороны японского опыта. Благодаря содействию японской фирмы «Искра» эту идею удалось осуществить. С 1995 г. Центр японских исследований Института востоковедения РАН и Ассоциация японоведов России начали издавать сборники под названием «Японский опыт для российских реформ».

К настоящему времени вышло уже 32 выпуска этого сборника. Авторы статей – японоведы, представляющие, по существу, все направления японских исследований – дают взвешенную, объективную оценку различных сторон японского опыта социально-экономического развития, отмечая в нем как позитивные, так и негативные моменты, как достижения, так и ошибки и неудачи. При этом наряду с крупными проблемами (например, теми или иными направлениями государственной политики) освещаются и конкретные, «заземленные» аспекты современной японской действительности (например, такие, как организация сбора мусора в крупных городах, организация защиты прав потребителей и т. д.).

Какие же именно аспекты японского опыта привлекли внимание российских японоведов?

Прежде всего, следует отметить, что статьи сборников «Японский опыт для российских реформ» охватывают практически все сферы жизни современного японского общества. Они знакомят читателей с достижениями и проблемами японской экономики, различными сторонами и явлениями общественной и политической жизни страны, особенностями государственного устройства, деятельностью центральных и местных органов власти, основными направлениями государственной политики, различными сторонами системы управления японских компаний и банков, особенностями деловых отношений и деловой этики и т. д.

В целом материалы, опубликованные в сборниках, можно подразделить на следующие направления:

- государственное регулирование, экономическая политика;
- проблемы научно-технического развития;
- проблемы интернационализации и глобализации экономики;
- взаимоотношения центра и регионов;
- социальные проблемы;
- социальная политика;
- внутренняя политика;
- внешняя политика;
- правовая система;
- правовое регулирование различных сторон жизни общества;
- политическая система, политические партии;
- общественные отношения, общественные движения;
- система управления японских компаний.

Большая часть материалов сборников «Японский опыт для российских реформ» посвящена экономической и социальной проблематике, что не удивительно, если вспомнить, какой была социально-экономическая ситуация в России в 90-е годы. Разумеется, в рамках одной статьи невозможно охватить все вопросы, которые были подняты на страницах сборников, поэтому остановимся лишь на наиболее показательных из них с нашей точки зрения.

Значительная часть статей экономического блока посвящена проблемам государственного регулирования и экономической политике. Наряду с теми направлениями, которые были рекомендованы японскими экспертами (система приоритетных производств, политика рационализации, структурная политика и т. д.), в них получили освещение и другие важные направления. Это – налоговая политика, поддержка мелких и средних предприятий, регулирование рынка труда и трудовых отношений, политика защиты внутреннего рынка и либерализации внешнеэкономических связей, планирование экономического развития в рыночных условиях, политика защиты окружающей среды, поддержка отечественного сельского хозяйства, региональная политика и ряд других. Остановимся на некоторых из них.

Так, в развитие темы промышленной политики в двух выпусках сборника были помещены статьи А. И. Кравцевича, детально анализирующие японскую политику защиты внутреннего рынка и либерализации внешнеэкономических связей (1999, вып.1, 2). Для России эта тема является одной из наиболее острых и дискуссионных, и накопленный Японией за послевоенные десятилетия опыт конфронтации и сотрудничества с мировым сообществом в этой сфере не может не представлять интереса, как с познавательной, так и с чисто практической точки зрения. Подробно анализируя этапы и инструментарий

этой политики и подчеркивая ее тесную взаимосвязь с задачами общей экономической политики правительства, автор в целом весьма высоко оценивает ее результативность. В первые послевоенные десятилетия, т. е. на этапе «догоняющего развития» политика защиты отечественного производства от внешней конкуренции с помощью протекционистских мер предоставила японскому бизнесу время, чтобы более основательно подготовиться к внешней конкуренции, накопить потенциал конкурентоспособности. Этой же цели отвечала и растянутая во времени и строго «дозированная» в отраслевом разрезе политика либерализации внешнеэкономических связей, которая фактически заняла более трех десятилетий. В то же время автор полагает, что было бы большим упрощением считать, что экономический рост Японии состоялся только в результате протекционистской политики. Очевидно, что если бы японская бюрократия, ограничивая конкуренцию «извне», одновременно не стимулировала бы ее «изнутри», протекционизм неминуемо привел бы к застою и стагнации экономики.

Подтверждением правильности этого вывода служит анализ механизма и результатов протекционистской политики в отношении японского сельского хозяйства, содержащийся в статье С. Б. Маркарьян (1999, вып. 3). В ней (а также в ряде других статей) рассматриваются различные виды помощи и поддержки, которые государство оказывало японскому крестьянству в послевоенный период. Среди них – предоставление льготных кредитов и субсидий, поддержка цен на сельскохозяйственную продукцию и скупка большей части товарной продукции, ограничение импорта товаров, конкурирующих с местной продукцией, организация НИОКР в области сельского хозяйства и содействие внедрению их результатов в производство и т. д.). Автор приходит к выводу, что такая политика привела к двойственным результатам. С одной стороны, она способствовала росту сельскохозяйственного производства и уровня доходов крестьянских хозяйств, а с другой – привела к практически полному отсутствию конкуренции в этой сфере и, как следствие, к утрате японским сельским хозяйством международной конкурентоспособности из-за высоких издержек и низкой производительности. С учетом негативного опыта Японии, автор рекомендует соответствующим органам нашей страны выработать разумный, сбалансированный и взвешенный подход к политике поддержки собственного сельскохозяйственного производства, тем более что в России с этой отраслью связана жизнь значительно большей, чем в Японии части населения.

Возвращаясь к сфере промышленного производства, хотелось бы обратить внимание еще на две проблемы, поднятые авторами рассматриваемых сборников: использование налогов как инструмента

промышленной политики и государственное регулирование депрессивных отраслей. Как отмечает А. И. Кравцевич (1997, вып. 4.), на протяжении всего послевоенного периода японское правительство отдавало предпочтение поддержке частного бизнеса посредством облегчения налогового бремени, а не путем дотирования или субсидирования (последние меры распространялись главным образом на предприятия, занятые в лесном, сельском и рыбном хозяйстве, а также на часть малого бизнеса). Хотя в годы оккупации Япония вынуждена была провести налоговую реформу по западному образцу, уже с начала 50-х годов началась корректировка налоговой системы с целью приведения ее в соответствие с реальными нуждами страны. Главную роль в этом процессе сыграл Совещательный комитет по рационализации промышленности (впоследствии его заменил Совещательный комитет по налогообложению), вырабатывавший и представлявший свои рекомендации правительству. О том, какие именно виды льгот были предоставлены японскому предпринимательству в первые послевоенные десятилетия, говорилось выше в контексте рассмотрения политики рационализации промышленности, поэтому, опуская этот аспект, подчеркнем вслед за автором основные принципы налоговой политики в Японии.

1. Применение налоговых льгот не изолированно, а в совокупности с другими инструментами стимулирования.
2. Периодический пересмотр как количественных параметров и механизмов, так и объектов применения налоговых льгот.
3. Законодательное обеспечение налоговой политики (указание конкретных сроков, инструментов и объектов политики).
4. Соблюдение баланса интересов государства и частного сектора в этом вопросе, достижение этого баланса в рамках системы совещательных комитетов.

В частности, упоминавшийся выше Совещательный комитет по налогообложению при министерстве финансов ежегодно рассматривает обоснованность уровней всех видов налогов (включая пределы налогооблагаемого дохода) и предоставляет свои рекомендации правительству.

Что касается регулирования депрессивных отраслей, то опыт Японии в этой области интересен именно потому, что в России, как известно, существует целый комплекс депрессивных отраслей, которые являются не только тяжелым бременем для экономики страны, но и источником постоянных социальных потрясений. Правительство пытается решить эту проблему путем принятия sporadических, разрозненных мер по принципу «латания дыр». Между тем, как показывает опыт Японии, принципиальное значение имеет системный подход к этой проблеме.

Как показано в статье И. П. Лебедевой (1998, вып. 1), в Японии накоплен большой опыт в этой области. В 50–60-е годы правительство (в лице министерства внешней торговли и промышленности) занималось урегулированием проблем угольной и текстильной промышленности, а в 70–80-е годы – целого комплекса энерго- и материалоемких отраслей и производств, пострадавших от роста цен на сырье и топливо. Хотя конкретные меры регулирования различались по отраслям и производствам, общий их смысл сводился к тому, чтобы путем изъятия (на определенное время и на основании специальных законов) отрасли из сферы действия рыночных сил помочь ей справиться со своими трудностями. Обычно для этого применялись такие меры, как санкционирование создания производственных и ценовых картелей, учреждение специальных агентств по скупке нерентабельного оборудования, введение контроля МВТП за расширением мощностей и стандартов в отношении используемого оборудования, льготное государственное финансирование и субсидирование предприятий, осуществляющих рационализацию или переключающихся на другие сферы бизнеса и т. д. Поскольку, как правило, урегулирование положения дел в депрессивных отраслях сопровождалось масштабными увольнениями работников, государство также стремилось смягчить их социальные последствия. В одних случаях оно выплачивало субсидии фирмам, воздерживавшимся от увольнений работников или содействовавшим их трудоустройству, в других – предоставляло компенсации уволенным рабочим или субсидии на переобучение, или само брало на себя заботу об организации переобучения и т. д.

Вопрос о государственном регулировании депрессивных отраслей смыкается с вопросом о решении проблем депрессивных или отсталых районов, который также является одним из наиболее злободневных для России. Этой теме посвящена статья С. Б. Маркарьян и Э. В. Молодяковой «Опыт возрождения заброшенных районов» (1995, вып. 5). На конкретных примерах авторы показывают, каким образом удается решать эти проблемы в Японии. При этом внимание обращается на следующие моменты: солидное законодательное обеспечение правительственной политики в этой области и тщательность проработки всех аспектов проблемы, большое внимание к частностям и деталям.

Целый ряд статей сборников посвящен опыту Японии в такой актуальной для всех развитых стран области, как защита окружающей среды. Их автор, И. Л. Тимонина, исследуя эволюцию государственной политики в этой области в послевоенный период и оценивая ее результаты, отмечает, что в деле защиты окружающей среды опыт Японии заслуживает самого пристального внимания. Будучи второй

по экономической мощи державой мира и обладая крайне незначительной по размерам территорией, она сумела не только «отодвинуть» угрозу экологического кризиса, но и существенно улучшить многие параметры качества природной среды, создать систему экономического и разумного природопользования (см.: 2000, вып. 2; 2002, вып. 2). Эти достижения стали возможными благодаря огромным усилиям, принятым на всех уровнях начиная с центрального правительства и кончая частными предприятиями, и потребовали немалых финансовых затрат. Сейчас проблема сохранения окружающей среды выходит на качественно новый уровень – речь идет о необходимости создания экономической системы «замкнутого цикла», в которой экономика и экология будут сосуществовать, и меры по защите окружающей среды и эффективному использованию ресурсов перестанут рассматриваться как ограничитель экономического роста. Иными словами, подчеркивает автор, речь идет о создании такой экономической системы, в которой меры по охране среды и безотходному использованию ресурсов будут встроены в каждый вид и каждый аспект промышленной и экономической деятельности в рамках рыночного механизма.

Среди прочих проблем, поднятых в статьях экономического блока, хотелось бы отметить такую важную для нашей страны проблему, как регулирование государством условий предпринимательской деятельности. В статьях, посвященных этой теме, рассматриваются не только «правила игры», устанавливаемые для отечественного бизнеса (см., например, статью И. А. Цветовой «Антимонопольное законодательство Японии» – 1998, вып. 4), но и условия деятельности в Японии иностранных компаний и банков (см. статью Е. Л. Леонтьевой «Условия деятельности иностранных предприятий в Японии» – 1995, вып. 1). Что касается второй статьи, то на примере Японии она убедительно опровергает довольно типичное для России представление, что непременным условием для привлечения иностранных инвестиций в Японию является предоставление льгот иностранным инвесторам, создание особых условий для их деятельности.

Особым направлением регулирования условий предпринимательской деятельности является политика в отношении мелких и средних предприятий. Понимая, насколько важную экономическую и социально-политическую роль играет малый бизнес, японское государство с первых же послевоенных лет стало оказывать ему посильную поддержку, создавая в целом более льготные, чем для крупного бизнеса, условия деятельности. Как отмечается в одной из статей по проблемам малого бизнеса (1999, вып. 2), государство оказывает помощь малым предприятиям и в обеспечении финансовыми ресурсами, и в

повышении уровня техники и технологии, и в проведении НИОКР, и в подготовке рабочей силы, и в развитии внешнеэкономических связей, и т. д. При этом особое внимание обращается на то, чтобы информация о мерах и критериях государственной поддержки была доступна для всех желающих ею воспользоваться.

Опыту приватизации государственных предприятий – проблеме, которая в России имеет не только и не столько экономическую, сколько социально-политическую сторону, – посвящены статьи И. Ю. Авдакова, анализирующего процесс приватизации государственных предприятий в сфере связи и транспорта (1998, вып. 1; 4). Рассматривая как положительные, так и отрицательные последствия этой сложной и болезненной меры, автор делает вывод о том, что сама по себе приватизация государственных предприятий не решает всех их проблем. Принятию решения об ее осуществлении должен предшествовать тщательный анализ всех аспектов этого процесса и разработка программы мер по либерализации соответствующих сегментов рынка.

Практически в каждом выпуске сборника «Японский опыт для российских реформ» содержатся статьи, посвященные проблемам научно-технического развития. И это не удивительно, так как с середины 70-х годов научно-технический прогресс стал ведущим фактором экономического роста в Японии. Авторы статей (Ю. Д. Денисов, С. Б. Маркарьян и др.) знакомят читателей с самыми разными аспектами этой проблемы – особенностями государственного регулирования в этой сфере, основными направлениями НТП в Японии, достижениями отдельных отраслей и секторов, использованием НТП для решения разного рода социальных проблем и т. д. При этом наряду с информацией познавательного характера статьи содержат и ряд положений, весьма поучительных для России. Так, отдавая должное научно-технической мощи и научному потенциалу Японии, Ю. Д. Денисов обращает внимание на такое «узкое» место, как слабость или отсутствие научных школ во многих областях фундаментальной науки, которое в 90-е годы стало явным тормозом на пути научно-технического и экономического развития страны. Это – наглядный урок для России, где под предлогом экономии государственных расходов происходит разрушение фундаментальной науки, подрывающее потенциал экономического возрождения страны.

Весьма обширен и набор тем, которые рассматриваются в статьях социального блока. Среди них центральное место занимают, безусловно, вопросы трудовых отношений и социального обеспечения как наиболее значимые для нашей страны.

Вопрос о том, каким образом регулируются в Японии трудовые отношения, представляет несомненный интерес, поскольку среди развитых

стран она выделяется высоким уровнем социально-политической стабильности. Успехи Японии в этой сфере обусловлены взаимодействием целого комплекса факторов. Как отмечает Э. В. Молодякова (1995, вып. 1; 4), решающее значение имеет то, что в Японии регулирование трудовых отношений опирается на прочную, тщательно разработанную правовую базу, и что в стране действуют механизмы, обеспечивающие неукоснительное выполнение принятых законов. Наряду с этим огромную роль играет активное участие государства в регулировании этих процессов. Это – организация системы подготовки и переподготовки кадров, обеспечение условий для высокой занятости населения, принятие мер, направленных на поддержание баланса между спросом и предложением рабочей силы, введение различных схем страхования работников и т. д. Наконец, едва ли не самым главным является то обстоятельство, что на микроуровне, т. е. на уровне предприятий, бизнес и профсоюзы при выработке тех или иных решений или разрешении тех или иных споров проявляют стремление к сотрудничеству и поиску компромисса, отдавая явное предпочтение новой согласительной модели трудовых отношений взамен старой конфронтационной.

Что касается политики государства в области трудовых отношений, то, как подчеркивается в статье Т. Н. Матрусовой (2003, вып. 2), она представляет собой сочетание крайне осторожного подхода к каким-либо изменениям в сложившемся механизме регулирования этой сферы и высокой адаптивности к изменениям во внешней среде. Примером, иллюстрирующим это положение, может служить принятие в 1999 г. поправок к Закону о перенайме рабочей силы и внесение ряда других изменений в трудовое законодательство, которые, по существу, заложили основы новой политики занятости. С учетом либерализации и дерегулирования хозяйственной жизни страны государство сняло барьеры и на пути дерегулирования рынка труда, разрешив, в частности, деятельность частных компаний по перенайму рабочей силы (но оговорив ее одновременно целым рядом условий, гарантирующих высокий уровень социальной защищенности работников).

Среди материалов сборника, посвященных вопросам социальной защиты и социального обеспечения, следует назвать ряд статей Т. Н. Матрусовой по проблемам пенсионного обеспечения в Японии (1995, вып. 1; 5), статьи С. Б. Маркарьян и И. С. Тихоцкой, посвященные политике государства в отношении «стареющего общества» (1997, вып. 2; 2001, вып. 1), статьи М. Я. Корнилова, в которых анализируются социальные аспекты строительства вооруженных сил Японии и социальной защиты военнослужащих (2000, вып. 1; 2).

Среди других проблем, рассматриваемых в статьях социального блока, можно назвать, например, такие, как проблемы японской системы

образования (см. статьи И. С. Тихоцкой – 1997, вып. 1; 1998, вып. 3), политика государства в области рождаемости и охраны детства, а также поддержания здоровья нации (см. статьи Э. В. Молодяковой – 2000, вып. 1; 2003, вып. 2), вопросы семейного и школьного воспитания подрастающих поколений (см. статьи В. Молодяковой и С. Б. Маркарьян, О. Н. Железняк – 1999, вып. 4; 2000, вып. 1), государственная политика в отношении религии и в духовной сфере (см. статьи С. Б. Маркарьян и Э. В. Молодяковой – 1996, вып. 2; 1998, вып. 4) и т. д.

Огромная информация как познавательного, так и практического назначения содержится в статьях, освещающих вопросы права, политической жизни и государственного устройства Японии. Причем многие из них были подготовлены в ответ на возникновение в России тех или иных проблем, вызывающих острые разногласия или дискуссии в обществе. Так, например, в связи с подготовкой в России судебной реформы и пересмотром Уголовного кодекса в сборниках были помещены статьи: О. А. Белявской и В. Н. Еремина «Уголовная политика японского государства» (1995, вып. 3.), Н. П. Тебина «Практика применения в Японии смертной казни» (1999, вып. 1.) и «Японская практика уголовных наказаний» (2000, вып. 2), А. И. Сенаторова «На пути к судебной реформе» (2003, вып. 1). Дискуссия по проблемам реформирования структуры государственного аппарата нашей страны, повышения эффективности и «прозрачности» работы различных его звеньев вызвала к жизни, например, такие статьи, как «Государственный служащий – слуга народа» и «В поисках эффективных способов предупреждения коррупции» А. И. Сенаторова (1995, вып. 6; 1998, вып. 3), «Японская бюрократия: основные черты» Э. А. Молодяковой (1999, вып. 2), «Новые контуры центральной системы административного управления» и «Закон об открытости административной информации» Д. В. Стрельцова (2002, вып. 1; 1999, вып. 4; 2000, вып. 1). А во время острой дискуссии, развернувшейся вокруг вопроса о земле, читателям сборника были предложены статьи А. А. Сенаторова «Основной закон о земле» (1998, вып. 2) и И. Л. Тимониной «Политика и практика регулирования землепользования в Японии» (1999, вып. 1).

Другие статьи этого блока знакомят читателей с теми или иными аспектами политической жизни и политического устройства Японии. Например, с тем, как действует в Японии принцип разделения властей, что представляет собой японская конституция, как работает японский парламент, каким образом строятся отношения между профсоюзами и политическими партиями, как проводятся избирательные кампании и выборы в Японии и т. д., рассказывают статьи Э. В. Молодяковой, А. И. Сенаторова, И. А. Цветовой (1995, вып. 4, 5, 6; 2000, вып. 1; и др.).

Разумеется, мы смогли обозначить лишь часть тем, получивших освещение на страницах сборников «Японский опыт для российских реформ» и других изданий. Но даже по приведенным выше названиям этих статей видно, как тесно перекликаются прошлые и настоящие проблемы Японии с проблемами, стоящими перед новой Россией, и как много полезного (как в плане заимствования удачных решений, так и с точки зрения избежания ошибок и просчетов) мы можем извлечь из более чем полувекового опыта нашего дальневосточного соседа.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ИЗМЕНЕНИЕ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ ЯПОНСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА

Знакомство советских ученых с японским опытом управления в течение длительного времени происходило главным образом из книг американских авторов, что вносило значительную специфику в их знания об этом предмете и даже искажало понимание сути японского менеджмента. Как теперь уже достаточно широко признается, американское видение управления, основанное на собственном мировосприятии, не может быть объективным: взгляды ученых разных стран по-разному интерпретируют зарубежный менеджмент и его ценность. Вместе с тем американцы и сами достаточно долго придавали слишком большое значение тем чертам японского менеджмента, которые особенно ярко выделяли его национальную специфику и тем самым приглушали то общее, что могло быть наиболее ценным объектом внимания. Наконец, самое досадное заключалось в том, что даже такой способ изучения японского опыта в СССР («глазами американцев») запаздывал. Мы принимали за истину то, от чего даже американцы давно отказались.

Все это приводило к гипертрофированному выделению одних сторон японской практики управления, их идеализации и даже мифологизации, и к игнорированию других. В связи с этим данная практика приобретала даже в глазах научной общественности нашей страны вид, весьма далекий от правды, что в свою очередь не всегда способствовало пониманию источников развития такой страны, как Япония.

В частности, в нашем сознании слишком долго господствовал тот образ японской организации, который американский исследователь Дж. Абегглен создал еще в 50-е годы¹. Специфика японской действительности увлекала многих российских исследователей, заставляя их заниматься в первую очередь тем, что так или иначе отвечало

сложившимся представлениям о менеджменте в Японии. Дж. Абегглен подсказал и характер этой специфики и тем самым как бы задал общий тон российским исследованиям. С его легкой руки образ управления японской фирмой прочно обретает в работах наших авторов свой неповторимый «японский стиль», который имеет три неотъемлемых, так сказать «священных», черты, составляющих его суть. Это – пожизненный наем, система продвижения по старшинству и так называемые пофирменные (т. е. встроенные в структуру фирмы) профсоюзы².

О том, что японская система меняется и уже обладает вполне «западными» качествами, российская общественность даже не подозревала. Более чем десятилетний опыт преподавания автором данной главы курса международного менеджмента в Московском государственном открытом университете убедительно свидетельствует, что российские студенты в своем подавляющем большинстве до сих пор представляют себе японскую систему управления «по-абеггленовски». Мимо нашего внимания проходили многие события, характеризующие развитие японского опыта управления.

Проблемой в изучении японского опыта управления в России продолжает оставаться то обстоятельство, что, несмотря на большие достижения в этой области, современная российская наука пока не освещает в должной мере тех изменений, которые произошли в управлении японскими фирмами в последние 15–20 лет. Между тем эти изменения огромны. Даже такая «типично японская, консервативная» корпорация, как «Тоёта», или идеолог «японского стиля управления» фирма «Мацусита» значительно изменились за последние десятилетия. Теоретические осмысление практики управления не успевает за темпами ее изменений, и, хуже того, исследователи порой даже не знают, что эти изменения вообще имеют место.

С укреплением влияния японских транснациональных компаний на мировую экономику усилилась и исследовательская работа по их изучению сначала в СССР, а затем и в России. Наряду с этим возросло внимание к теориям, объясняющим те особенности японского менеджмента, которые способствуют его приспособлению к условиям функционирования в иной культурной среде.

Межстрановые сопоставления менеджмента, которые в настоящее время привлекают в нашей стране все большее внимание, показывают, что имеются и некоторые общие, относительно не зависящие от социокультурных условий показатели состояния того или иного общества. Эти показатели либо способствуют, либо препятствуют переносу опыта управления из одной страны в другую. Результатами таких исследований

¹ *Abbeglen James. The Japanese Factory. Glencoe, 1956.*

² См. например: *Курицын А. Н. Управление японскими фирмами. М., 1980.*

уже довольно широко пользуются российские исследователи для того, чтобы составить представление о возможных перспективах внедрения зарубежного опыта менеджмента, в частности японского, в России.

Самым известным и цитируемым циклом сопоставительных исследований оказались работы известного американского ученого Г. Хофштеда и его последователей³. В них содержатся интересные данные, характеризующие Россию и Японию по ряду национально-нейтральных критериев, важных для восприятия тех или иных моделей управления. Эти данные сопоставляются по ряду относительно независимых переменных, позволяющих сравнивать страны друг с другом в перекрестных матрицах.

С известной долей удивления приходится констатировать, что по целому ряду показателей, которые представляются важными с точки зрения формирования смешанных форм менеджмента в процессе возможного проникновения иностранного капитала в нашу страну, российский персонал проявляет поведенческие характеристики, гораздо более сходные с японским типом поведения, чем, скажем, с американским. Так, например, согласно результатам исследования американского ученого Дж. Скарборо, Россия и Япония находятся в одной и той же группе стран по соотношению таких переменных, как удаленность властей от основной массы своих обществ или стремление народов этих стран избегать различных факторов, вносящих в их жизнь неопределенность и неуверенность в завтрашнем дне. По своей приверженности к коллективным ценностям российское общество также гораздо ближе к японскому, чем, например, к американскому или французскому обществу⁴. Эта информация звучит обнадеживающе и может служить серьезным аргументом в пользу более пристального изучения опыта японского управления в нашей стране или, по крайней мере, его не меньшей значимости для нашего бизнеса, чем опыта американского управления, столь популярного в России в настоящее время.

Изучение японского опыта управления приобретает новое качество в 90-е годы, когда с распадом СССР и образованием Российской Федерации как самостоятельного государства в новую фазу развития перешли и отношения нашей страны с Японией. Правительство Японии быстро отреагировало на изменения в России и откликнулось на ее просьбы о содействии в проведении рыночных реформ. Полагая, что

³ Более подробно см.: *Hofstede Geert. Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values.* Beverly Hills, 1980.

⁴ Более подробно см.: *Scarborough Jack. The Origin of Cultural Differences and their Impact on Management.* Westport, 1998, p. 21–45, 165–185, 187–234, а также: *Hofstede Geert. Culture's Consequences...*

в обеспечении успеха этих реформ особенно большую роль играет подготовка кадров, японское государство организует в Москве и в ряде других городов страны сеть японских центров, основная деятельность которых сосредоточивается на этом важнейшем направлении. Эти центры были задуманы как база для обучения в России специалистов, компетентных в области японского менеджмента. Начиная с этого времени изучение японского опыта управления становится практическим делом российских бизнесменов и менеджеров.

Следует сказать, что кроме стремления помочь России в трудный для нее период перехода к рыночной экономике, японская сторона руководствовалась и другими соображениями, в основе которых лежали причины внутреннего характера. Дело в том, что создание Японских центров в России являлось частью политики японского государства в его отношениях с внешним миром в это время.

Конец XX – начало XXI в. стали особым периодом развития Японии: усилившийся процесс глобализации заставлял ее элиту по-новому взглянуть на проблему использования иностранной рабочей силы как внутри страны, так и за ее пределами. Перед Японией стоял целый ряд проблем в этой области. С одной стороны, экономика страны все более нуждалась в притоке квалифицированной рабочей силы из других стран. Однако, с другой стороны, страну захлестывала волна нелегальных иммигрантов из соседних стран, обладающих отнюдь не самой высокой квалификацией и необходимыми профессиями. Законодательство Японии и те меры, которые предпринимало правительство в отношении иностранной рабочей силы, явно не соответствовали масштабу стоявших перед ним задач.

«Какой страной мы хотим стать?» – задавал риторический для себя вопрос самый авторитетный в этом вопросе профессор университета Хосэй Харуо Симادا. При этом он имел в виду, что при принятом общеполитическом курсе на либерализацию отечественной экономики у Японии нет иного пути, кроме полного открытия рынка труда для иностранцев⁵. Однако многие видные политики и консервативно настроенное общественное мнение далеко не сразу могли воспринять идею массового приема иностранцев.

Известно, что Япония прошла значительный период самоизоляции (начиная с XVII в. вплоть до 1868 г.). Обладая, как ни одна страна в мире, мононациональным населением, Япония всегда была склонна с опасением встречать иноземцев, которые в ее глазах нарушали вековые устои и традиции. Даже после окончания этого периода и вступления страны в эпоху капитализма, когда для ее развития потребовались

⁵ *Haruo Shimada. Japan's «Guest Workers». Issues and Public Policies.* Tokyo, 1994, p. 201.

западные технологии и стали налаживаться регулярные сношения с другими странами, политическая элита еще долгое время была разделена на два противоположно настроенных лагеря. И в спорах, которые они вели друг с другом, и в принимаемых ими решениях идея «закрытой Японии» и «сохранения красивых национальных обычаев» звучала вполне отчетливо.

С конца 80-х годов в Японии проводится активная подготовка к реформированию политики по отношению к иностранной рабочей силе. В рамках этой программы под эгидой правительственных и предпринимательских кругов работало несколько исследовательских групп и был осуществлен ряд мероприятий.

В 1989 г. одно из наиболее влиятельных предпринимательских объединений в Японии, занимающихся научно-практическими изысканиями, Кэйдзай доюкай (Ассоциация японских предпринимателей) выступило с инициативой подготовить вариант такой политики, которая была бы направлена на обеспечение бизнеса квалифицированными кадрами за счет иностранной рабочей силы. Одним из комитетов этой ассоциации во главе с президентом крупнейшей электротехнической корпорации Японии «NEC» Сэкимото Масахиро была разработана программа по обучению иностранцев на рабочих местах в японских фирмах. Эта программа, подготовленная самими работодателями, отличалась большой практичностью и поэтому удостоилась пристального внимания со стороны правительства. В настоящее время она считается одной из самых перспективных программ и отчасти уже получила свое отражение в соответствующем законодательстве.

Основная идея состояла в необходимости создания программы обязательной профессиональной подготовки иностранцев, с помощью которой можно было решить вопрос не только о контроле над притоком иммигрантов, но и об их превращении в квалифицированную рабочую силу. Для этого предлагалось принимаемых на работу иностранцев вовлекать во внутрифирменные системы профессиональной подготовки без отрыва от производственного труда (on-job-training).

К финансированию этой программы, кроме расходов предпринимателей, предлагалось привлекать средства специальных государственных фондов. Эти средства были необходимы, помимо всего прочего, для создания в крупных городах Японии и тех стран, которые будут присылать туда своих граждан, так называемых центров начальной подготовки (basic training centers), где будущим иммигрантам стали бы преподавать японский язык и основы знаний о Японии. Общее руководство деятельностью этих центров возлагалось на вновь создаваемую Японскую организацию содействия международному обучению (Japan International Training Cooperation Organization – JITCO).

Программой предусматривалось создание системы аккредитационных тестов для претендентов на въезд в Японию, сдача которых предвляла бы получение визы. Эти тесты должны определить готовность претендентов к пребыванию в Японии с точки зрения знаний, полученных в центрах начальной подготовки у себя дома, а также состояние их здоровья. В двустороннем соглашении между Японией и посылающей стороной предлагалось предусмотреть специальную статью, которая бы регулировала порядок возвращения иностранцев домой. Здесь особое внимание уделялось созданию режима благоприятствования для тех, кто возвращается на родину, в частности в их дальнейшем устройстве на работу. Для гарантирования такого режима предлагалось заключение предварительных соглашений с местными работодателями о соблюдении приоритета в трудоустройстве таких контингентов.

В 1993 г. в соответствии с положениями, разработанными во втором докладе Временного комитета по административной реформе, в Японии принимается полугосударственная Программа международного технического обучения (Technical Intern Traineeship Program – TITP), которая основывалась на предложениях Кэйдзай доюкай и развивала их. Кроме того, примерно в это же время принимается новый закон об иммиграции в Японию, значительным образом облегчающий въезд и использование некоторых категорий иностранной рабочей силы в стране. Все это легло в основу новой политики японского государства в отношении иностранной рабочей силы именно в то время, когда отношения Японии и России переживали новый этап развития.

В России японские центры, которые представляют собой вариант центров начальной подготовки, о которых речь шла выше, были созданы под эгидой так называемой Комиссии по содействию – специального международного органа при правительстве Японии, возглавлявшегося депутатом японского парламента Судзуки Мунэо. Все средства на финансирование российского проекта поступали из государственного бюджета Японии через эту комиссию.

Первый центр был образован в октябре 1994 г. в Москве на базе Московской международной высшей школы бизнеса (хорошо известной как «МИРБИС») при Экономической академии им. Г. В. Плеханова. Затем последовало открытие центров в Хабаровске (ноябрь 1994 г.), во Владивостоке (апрель 1996 г.), на Сахалине (сентябрь 1999 г.), в Петербурге (март 2001 г.). В 2001 г. на базе МГУ им. М. В. Ломоносова был открыт еще один японский центр в Москве, который объединил деятельность всех центров, созданных в России под его началом. В 2003 г. в России функционировало около десятка таких центров. Кроме

того, с помощью правительства Японии сеть этих учреждений развивалась и в других республиках бывшего Советского Союза.

С самого начала своего создания в России работа японских центров отличалась большой спецификой по сравнению с деятельностью аналогичных организаций в других странах и была ориентирована на особенности российской действительности. Вместе с тем следует сказать, что при этом центры так же, как и в других странах, выполняли функцию подготовки российских граждан для дальнейшего обучения и работы в Японии. В частности, совместно с министерством образования Японии эти центры приняли активное участие в программах подготовки студентов старших курсов российских ВУЗов к дальнейшему повышению квалификации в Японии, в результате чего многие из них смогли найти там интересную работу.

Деятельность японских центров по обучению российских граждан развивается по нескольким направлениям. Подготовка российских бизнесменов и менеджеров является основным, но не единственным видом этой деятельности. Большое место, как и в других странах, занимают программы обучения японскому языку, что для японцев имеет особое значение как фактор развития разносторонних отношений между нашими странами. Япония, будучи заинтересована в притоке квалифицированных кадров из России, предпринимает меры, чтобы снять то основное препятствие, которое представляет собой незнание японского языка. Одновременно происходит знакомство российских предпринимателей и менеджеров с культурой и историей Японии.

Одним из весьма интересных и необычных направлений деятельности японских центров в России является обучение учащихся средней школы по так называемой программе «Учитель» в Москве на базе Высшей школы бизнеса при МГУ. Цель такого обучения состоит в получении учащимися знаний в области микро- и макроэкономики и бизнеса. Эта программа, рассчитанная на преподавателей российской средней школы, впервые стала осуществляться в 1993 г., когда в России еще мало кто представлял реалии рыночной экономики. В российских школах тех лет не было преподавателей данного профиля. Никто из них не представлял, что такое маркетинг, менеджмент, стратегия рынка или деловая игра. Директора школ направляли на обучение преподавателей других дисциплин, так или иначе связанных со знанием экономических процессов.

Постепенно программа совершенствовалась и давала возможность получить не только современные знания в области бизнеса, но и включала методическую основу преподавания экономики и бизнеса. Это позволяло участникам программы успешно передавать свои знания

учащимся. На сегодняшний день программу «Учитель» освоили более 1500 преподавателей общеобразовательных школ, гимназий, лицеев и профессиональных училищ не только Москвы и Московской области, но еще пяти областей Центральной России.

Программа обучения состояла из двух уровней. Первый уровень посвящен основам рыночной экономики и бизнеса. Туда входят следующие дисциплины: экономика рынка, управление организацией в условиях рыночной экономики, экономика Японии, стратегия поведения фирмы в условиях рыночного окружения, маркетинг, управление персоналом, деловая игра. На втором уровне дается методика преподавания этих дисциплин, а также рассматриваются особенности обучения в области бизнес-образования.

Обязательным условием при отборе слушателей программы является работа в общеобразовательной школе. Как правило, большинство учителей, обучавшихся по этой программе, в настоящее время ведут предмет «Экономика». Программа постоянно совершенствуется, и в настоящее время идет работа над новой концепцией курса, которая бы отвечала современным требованиям российской системы образования.

В обучении российских бизнесменов, руководителей предприятий и менеджеров среднего звена – основном направлении деятельности японских центров – принимают участие лучшие японские специалисты, командируемые в Россию из ведущих университетов и корпораций страны, а также видные российские ученые и преподаватели. Слушатели приобретают знания в тех областях, которые наиболее актуальны для периода перехода нашей страны к рыночной экономике. В их числе – знания, которые касаются практики внешней торговли, бухгалтерского учета, аудита, проблем финансирования, владения PR-технологиями и др. Особое место принадлежит дисциплинам, связанным собственно с управлением предприятием, таким, как стратегическое планирование, маркетинг, управление финансами, кадровый менеджмент.

Практикуются также командировки японских и российских лекторов для проведения выездных учебных курсов в тех городах, где японские центры отсутствуют. Для особо отличившихся слушателей лекционно-семинарских курсов организуются учебные поездки в Японию.

Центры представляют собой высоко оснащенные в техническом отношении организации, где весь учебный процесс обеспечен новейшими средствами обучения – видеотехникой и видеоматериалами, доступом к последней экономической информации через Интернет и каналы спутниковой связи. В каждом центре имеются библиотека и читальный зал, научная литература на японском, русском и английском языках, учебные тексты и пособия.

Учебная деятельность японских курсов в области бизнеса и менеджмента строится по двум программам. Одна из них – так называемая

Президентская программа. Другая, как заявил руководитель японскими центрами в России Аояма Мития, занимается организацией «рыночных курсов».

Идея организации программы подготовки управленческих кадров для предприятий России была выдвинута в июле 1997 г. Б. Ельциным. Президент обратился к руководству промышленно развитых стран, в том числе к Японии, с просьбой оказать содействие в ее реализации. Япония оказалась в числе первых, откликнувшихся на эту просьбу и объявивших о поддержке программы. В результате эта программа стала одним из ключевых моментов «Плана Хасимото–Ельцин», принятого на состоявшейся в ноябре того же года неформальной японо-российской встрече в Красноярске на высшем уровне.

Президентская программа ставит своей целью подготовку работников предприятий руководящего звена управления и кандидатов на эти посты, т. е. тех кадров, которые играют главную роль в российском предпринимательстве в условиях перехода к рыночной экономике. Содействие Японии в осуществлении Президентской программы имеет, в свою очередь, два направления. Одно из них заключается в организации японскими центрами лекционных курсов и семинаров по различным темам, связанным с проблемами организации бизнеса и управления им. Другим направлением является организация стажировок в Японии для особо отличившихся слушателей.

Основной задачей лекционных курсов в японских центрах является преподавание теоретических знаний в области менеджмента. Цель стажировок в Японии – приобретение практических навыков ведения бизнеса на основе непосредственного знакомства с японскими методами управления. Стажеры посещают предприятия, обмениваются мнениями с руководством фирм и т. п. Благодаря подобному сочетанию теоретических занятий в России и стажировок в Японии обеспечивается накопление систематических и ценных в практическом отношении управленческих знаний и технологий. Слушатели курсов и стажеры, усвоившие требуемый объем знаний, получают сертификаты-удостоверения об успешном завершении курса обучения.

Отбор кандидатов на обучение по Президентской программе в японских центрах производится с учетом рекомендаций Комиссии по организации подготовки управленческих кадров для народного хозяйства при министерстве экономического развития и торговли РФ. Обычно – это лица в возрасте от 25 до 40 лет из числа тех, кто уже прошел определенную программу обучения в области бизнеса в высших учебных заведениях или в школах бизнеса России. Кроме того, при наличии свободных мест производится дополнительный набор

слушателей курса Президентской программы на общих основаниях по результатам конкурсных испытаний.

За период с 1997 по 2000 г. общее число слушателей лекционных курсов, организованных японскими центрами по Президентской программе, составило почти 6 тыс. человек, а число стажеров – около 2 тыс. человек. Кроме того, за это время 8,5 тыс. человек стали участниками других программ обучения в японских центрах в России, из них более 6 тыс. обучалось по программам в области бизнеса и управления (см. табл. 1). Всего на апрель 2004 г. в японских центрах прошли подготовку по управлению бизнесом около 22 тыс. российских граждан.

Кроме Президентской программы, японские центры организуют так называемые «рыночные курсы», контингент которых формируется из числа тех предпринимателей и менеджеров российских компаний, которые желают повысить свою квалификацию в области управления бизнесом. Желающих обучаться на этих курсах очень много: конкурсе достигает трех человек на одно место.

Принимая во внимание региональную специфику российского бизнеса и его потребности, а также местные возможности образовательной системы, японские центры стремятся разрабатывать оригинальные курсы лекций, адаптированные к потребностям и возможностям тех или иных регионов России. В этом им помогают местные власти, образовательные и научные учреждения регионов. Так, московские отделения, которые ориентируются на высококвалифицированные преподавательские кадры и на довольно хорошо подготовленных слушателей, организуют лекции и семинарские занятия по весьма широкой тематике, охватывающей весь спектр управленческой науки и практики. Японский центр, организованный на базе МГУ, наладил сотрудничество с Высшей школой бизнеса (ВШБ) при МГУ и с одной из аналогичных японских организаций – Школой бизнеса университета Кэйо. С участием лекторов из этих школ центр проводит два раза в год совместный семинар МГУ – Кэйо. Каждый такой семинар состоит из двух частей. В первой части выступают преподаватели МГУ, лекции которых посвящены основам теории управления предприятиями. Во второй части ученые из Кэйо объясняют на конкретных примерах, каким образом осуществляется управление японскими предприятиями. В результате обучающиеся (в основном это топ-менеджеры российского бизнеса) получают полное представление не только о принципах управления вообще, но и о специфике их применения в японском бизнесе.

В Японском центре во Владивостоке курсы лекций, организуются с привлечением преподавателей Дальневосточного государственного университета. В целом не только тематика лекций для Дальневосточного

Таблица 1

Численность обучающихся на курсах в японских центрах в России*

Название и/или местонахождение японского центра	Название курса, программы	Годы							Всего
		1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	
МИРБИС (Москва)	Президентская программа	–	–	–	166	348	628	605	1747
	Другие курсы по бизнесу	146	301	391	231	153	96	86	1404
	Японский язык	19	65	97	135	161	214	191	882
Хабаровск	Президентская программа	–	–	–	144	456	619	328	1547
	Другие курсы по бизнесу	76	260	327	194	95	100	0	1052
	Японский язык	56	53	51	96	111	142	128	637
Владивосток	Президентская программа	–	–	–	166	360	443	380	1349
	Другие курсы по бизнесу	–	–	284	554	272	706	360	2176
	Японский язык	–	–	60	75	105	121	124	485
Ю-Сахалинск	Президентская программа	–	–	–	104	242	292	234	872
	Другие курсы по бизнесу	–	–	112	114	24	38	0	288
	Японский язык	–	–	45	75	70	91	90	371
МГУ (Москва)	Президентская программа	–	–	–	–	–	238	120	358
	Другие курсы по бизнесу	–	–	25	208	186	452	252	1123
	Японский язык	–	–	–	–	–	–	–	–
ВСЕГО		297	679	1392	2262	2583	4180	2898	14291

* Деятельность японских центров в странах СНГ. МИД Японии. Секретариат Комиссии по содействию. Токио, май 2001, с. 8.

региона отличается своей спецификой. На потребности данного географического района России и всего Зауралья ориентированы структура и сам характер обучения, состав и численность аудитории. Поскольку Дальневосточный регион ближе всех расположен к Японии, в лекциях на базе ДВГУ особенно большое внимание уделяется, в частности,

управлению внешнеторговой деятельностью и проблемам деловых отношений российских предпринимателей со своими зарубежными партнерами, а также организации в регионе туристического и гостиничного бизнеса.

С июня 1998 г. организуются выездные курсы в тех крупнейших городах страны, где пока еще нет японских центров. В основном это города, расположенные в Сибири и на Дальнем Востоке России.

В организации процесса обучения в рамках японских центров много специфически «японского», взятого из практики профессионального обучения в крупных корпорациях этой страны. Это, в частности, большое внимание к практическому обучению, которое ведет свое начало от известной формы on-job-training, широко практикуемому в японских фирмах. В почете также изучение тем в режиме коллективных обсуждений и другие групповые виды подготовки. Даже разбор конкретных ситуаций, взятых из жизни (так называемый метод case study) широко применяемый на западных курсах менеджмента (например, в Гарвардской школе менеджмента в США), приобретает здесь специфически японский стиль благодаря особому умению японцев построить учебный процесс как коллективное творчество.

Одной из излюбленных форм обучения персонала в Японии, которую японские центры привнесли в Россию, является проведение курса в режиме «двух дней – одной ночи» с обязательным открытием слушателей от привычной бытовой, учебной и производственной среды. Обучение в специализированных центрах обеспечивает их полное погружение в творческую атмосферу исследования изучаемого предмета. В России этот выездной семинар (follow-up seminar) завершает учебный процесс в каком-либо доме отдыха и предназначается для тех, кто, успешно пройдя курс обучения в России, готовится продолжить его в Японии.

Следует подчеркнуть, что при довольно жестком отборе кандидатов само обучение вполне доступно для поступивших, поскольку является бесплатным, в том числе в рамках Президентской программы. Безвозмездно предоставляются и учебные материалы, используемые слушателями в процессе обучения. Расходы, связанные с организацией стажировок в Японии, также большей частью возмещаются японскими центрами. Они берут на себя оплату обучения и проживания стажеров в Японии, а Россия обеспечивает их проезд туда и обратно.

Содержание учебного процесса в рамках Президентской программы и «рыночных курсов» согласуется с потребностями российского бизнеса. Тематика лекционных курсов, посвященных бизнесу и менеджменту, весьма обширна, отличается гибкостью и с каждым годом становится все более разнообразной. В учебные программы включаются

темы, имеющие не только широкую теоретическую направленность, но и, главным образом, глубокую специализацию и практическое значение. Последнее особенно важно для российской аудитории, состоящей из людей, занятых практическим делом. Поэтому слушатели курсов высоко оценивают результаты своего обучения, отзываясь о приобретаемых знаниях как полезных и очень важных в их практической деятельности.

В своих отзывах российская аудитория неизменно выделяет высокий уровень организации обучения в японских центрах. Она считает удачным те подходы, которые японская сторона использует при формировании групп слушателей, при составлении программ обучения, учебных планов и т. п. Многие слушатели, прошедшие обучение в японских центрах, отмечают то новое, что пришлось им узнать на занятиях в России и в Японии. В частности, они отмечают, что лекции, читаемые профессионалами в своей области, позволили им узнать о новых методах маркетинга, которые используются в Японии и которые, несомненно, станут актуальными для России в ближайшей перспективе.

Особенно яркие впечатления остаются у стажеров из России от посещения японских предприятий и самой страны. Высокий уровень мероприятий, организуемых японской стороной, способствует, по их мнению, формированию действительно новых взглядов российских бизнесменов на многие аспекты своей работы. Они с удовлетворением пользовались редкой возможностью взглянуть на себя со стороны. Широкий спектр посещаемых в Японии компаний, по их отзывам, позволил каждому участнику стажировки почерпнуть те новые и полезные знания, которые он сможет применить именно в своей работе.

Других стажеров привлек опыт работы малых и средних японских предприятий и те методы менеджмента и маркетинга, которые используются там для успешного развития бизнеса. Некоторые с удивлением осознали, что предприятия в Японии в разной степени отвечают требованиям нового общества и что на их примере можно проследить хронологию становления японского рынка, а также предвидеть тенденции развития рынка в России и быть готовым грамотно и адекватно реагировать на его изменения⁶.

Только за последние пять лет (1999–2003) в разных городах России было прочитано 225 лекций по самым различным областям бизнеса и менеджмента, тематика которых приведена в таблице 2.

К числу наиболее популярных тем в области менеджмента и бизнеса среди российских предпринимателей относятся темы, связанные

⁶ Деятельность японских центров в странах СНГ, с. 7.

Таблица 2

**Содержание и количество лекций и семинаров
для российских бизнесменов и менеджеров, организованных
при содействии японских центров в 1999–2003 гг.***

Содержание лекций и семинаров	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	1999 – 2003 гг.
Маркетинг и удовлетворение запросов потребителей	6	6	12	13	6	43
Управление предприятием в том числе:	9	14	8	8	6	45
малыми предприятиями	–	3	3	3	3	12
венчурным предприятием	–	–	–	5	3	8
Управление внешнеэкономической деятельностью	3	4	3	3	3	16
Управление корпоративными финансами в том числе:	7	4	4	3	–	18
кредитно-финансовая сфера и ценные бумаги	1	–	–	–	–	1
Бухгалтерский учет и отчетность	10	5	5	2	–	22
Укрепление конкурентоспособности предприятия	–	–	–	–	3	3
Кадровый менеджмент (включая топ-менеджмент)	3	6	11	6	3	29
Управление производством и контроль качеством	2	6	7	–	–	15
Связи с общественностью на предприятии (PR)	2	1	–	4	–	7
Информационные технологии	–	–	4	5	3	12
Практика работы юридических инстанций	–	–	–	–	3	3
Туристический и гостиничный бизнес	–	–	4	5	3	12
Итого	42	46	58	49	30	225

*Составлено по материалам, предоставленным автору Японским центром при МГУ

с управлением предприятием, маркетингом, кадровым менеджментом и бухгалтерским учетом. И это понятно, если иметь в виду особенности формирования частного бизнеса в нашей стране. В значительном числе случаев российские предприниматели никогда не имели дело с организацией бизнеса и начинали все с нуля. Внимание к этим областям

управления объясняется и тем обстоятельством, что незнание рыночных механизмов, доставшееся нам от эпохи социализма, вылилось в необходимость постигать все области управления одновременно, в том числе и стратегическое, и оперативное управление.

На одном из первых мест по тому вниманию, которое привлекают к себе проблемы управления со стороны российских предпринимателей в настоящее время, находятся проблемы маркетинга. С учетом этого в рамках данной тематики были выделены две темы, соответствующие двум крупным хозяйственным блокам, – сфера потребительского товарообращения и сфера производства, различающиеся особенностями маркетинга. При этом вполне понятно, что и аудитории слушателей курсов, различаются между собой.

Так, например, основным направлением курсов лекций по маркетингу в сфере потребительского товарообращения, которые систематически организуют японские центры на местах и во время выездных сессий, является изучение маркетинговой деятельности крупных японских супермаркетов, универсальных магазинов, магазинов круглосуточной торговли товарами первой необходимости. Эти лекции обычно содержат обширный конкретный материал, иллюстрирующий специфику маркетинга и его инструментария в сфере потребительского товарообращения в Японии.

В лекционном курсе, посвященном маркетингу в сфере производства, упор делается на вопросах разработки новой продукции и, особенно, освоения новых рынков сбыта. Эти вопросы всегда являются актуальными и для самой Японии. В ходе обучения слушатели знакомятся с проблемами маркетинговой стратегии ряда крупных японских компаний и участвуют в обсуждениях этой стратегии.

Во время стажировок в Японии проводятся лекции с учетом тех знаний, которые были получены участниками соответствующих программ обучения еще в России. В ходе поездок стажеры имели возможность самостоятельно сверить полученные теоретические знания предмета с живыми впечатлениями. Для участников лекций и семинаров по проблемам маркетинга в сфере обращения акцент делается на практическом знакомстве с этими проблемами непосредственно на объектах сети розничной торговли. Для тех, чей интерес был связан с маркетингом в сфере производства, дальнейшее освещение темы осуществлялось в ходе их знакомства с различными промышленными предприятиями. Ответы на такие вопросы, как разработка товаров, стратегия создания устойчивого образа торговой марки (так называемого «бренда»), стратегия и организация товарных перевозок и др., стажеры могли получить на местах, в ходе общения с самими товаропроизводителями.

Деятельность японских центров постоянно совершенствуется, и новый их руководитель в Москве Асадзума намерен решительно преодолевать имеющиеся проблемы. Между тем эти проблемы – финансовые, организационные и собственно учебные – действительно существуют. В 2002 и 2003 гг. объем финансирования японских центров в России заметно сократился. К счастью, это не было вызвано какими-то политическими проблемами в российско-японских отношениях, а связано со скандалом в японском парламенте. Однако, поскольку это событие было связано с нарушениями в расходовании средств Комиссии по содействию, произошло изменение порядка финансирования японских центров в России. Теперь финансирование осуществляется непосредственно из бюджета на ежегодной основе и под строгим контролем со стороны правительства Японии. В результате объем деятельности японских центров в России в начале XX в. также значительно сократился.

Однако в беседе с автором г-н Асадзума сказал, что эти временные трудности не меняют стратегической заинтересованности японского правительства в развитии японских центров. Более того, как он полагает, число японских центров должно быть увеличено и, прежде всего, в европейской части России, где, несмотря на конкуренцию со стороны других государств, Япония выдвигает новые задачи и надеется достигнуть определенных успехов. В будущем в японских центрах, кроме программ обучения российских бизнесменов, планируется создать еще одно направление, задачей которого станет содействие расширению торговых отношений с Россией.

В подготовке управленческого персонала в России, кроме японского государства, принимают участие и японские компании, работающие у нас в стране. Причем помимо той подготовки, которая обычно обеспечивается нанятому ими персоналу в своих компаниях, они нередко оказывают помощь российскому бизнесу в обучении менеджеров. Японские компании самостоятельно устанавливают связи с высшими учебными заведениями России, где, используя их базу, организуют соответствующие курсы. Обучение затем продолжается в Японии. В настоящее время определенная часть этой деятельности японских компаний осуществляется под эгидой РОТОБО, которая предоставляет им организационную помощь.

Одним из ярких примеров в этом отношении может служить деятельность японской компании «Искра». Отношения нашей страны с «Искрой» имеют уникальную и давнюю историю, которая началась еще в 1961 г. в связи с эпидемией детского полиомиелита в Японии. Тогда эта небольшая японская компания при поддержке общественности

своей страны с огромным трудом добилась разрешения от правительств обеих стран на поставки в Японию галантамина – сыворотки от полиомиелита, производимой в СССР. В середине 70-х годов на долю фирмы «Искра» приходилось около 30% объема советско-японской торговли продукцией химической промышленности, 90% торговли медицинским оборудованием и 98% торговли лекарственными препаратами.

В 90-е годы компания «Искра» создает школу бизнеса в Японии, в населенном пункте Ономура префектуры Ибараки с главной (и единственной!) целью – обучение российских предпринимателей и руководителей государственных предприятий медицинской промышленности. Интерес со стороны наших специалистов, руководителей предприятий и предпринимательства к японскому менеджменту был настолько велик, что руководство фирмы было вынуждено ежегодно организовывать все новые формы обучения и предлагать новые по содержанию курсы, чтобы удовлетворить этот спрос на знания в области управления.

Так, сначала в учебном центре «Искры» был организован шестимесячный курс обучения с полным набором дисциплин, удовлетворявших требованиям квалификации менеджера международного класса MBA (Management of Business Administration). Предварительные занятия с группой слушателей проводились в Москве, на базе школы бизнеса в Академии народного хозяйства при правительстве РФ. На этих занятиях, организованных с привлечением преподавателей не только из Академии, но также ведущих специалистов из Института Востоковедения РАН, они знакомились с самыми общими проблемами управления в России и получали знания по различным отраслям экономики и управления в Японии.

В Японии слушатели интенсивно занимались в учебном центре фирмы и получали фундаментальные и систематические знания в области менеджмента, поскольку здесь занятия велись преподавателями японских университетов (в первую очередь университета Кокусай кйорисуту кё дайгаку), а также крупными специалистами министерства промышленности и внешней торговли Японии. Кроме того, в центр приглашались высшие менеджеры крупных японских банков, страховых и брокерских компаний, что давало возможность обогатить знания слушателей из России самой разнообразной и свежей информацией по экономике Японии.

По своей форме занятия в школе бизнеса в совокупности представляли собой комплексные программы теоретического и практического характера и состояли из лекций, деловых игр и посещений предприятий. Заключительной частью обучения служило написание

дипломных работ и их защита. Характерно, что содержание этих работ в своем большинстве было посвящено анализу практических проблем российских организаций и предприятий и попыткам решения этих проблем слушателями с применением полученных знаний.

Деятельность школы бизнеса фирмы «Искра» оказалась весьма эффективной, о чем свидетельствовал тот факт, что всем слушателям удавалось удачно защитить свои работы и получать звания MBA (Master of Business Administration). Отзывы о программе со стороны российских бизнесменов и руководителей государственных учреждений были самыми благоприятными. В таком режиме школа продолжала свою деятельность в течение четырех с половиной лет. Однако по мере изменения экономики нашей страны, в частности, развития рыночных отношений и укрепления частного бизнеса, становилось все более очевидным, что в эту деятельность необходимо вносить коррективы. Государственные организации в области медицины в России уступали место частным компаниям, а владельцы российских фирм и их сотрудники уже не могли, как некогда руководители советских предприятий, надолго отрываться от своих дел, даже на такое важное дело, как обучение.

В ответ на эти изменения фирма «Искра» переходит к ускоренным формам обучения: сначала к трехмесячным, а впоследствии к трех- и двухнедельным курсам. Сокращается и длительность командировок на японские предприятия. Соответственно изменяется содержание программ и контингент обучаемых. Российский бизнес нуждается в бухгалтерях, юристах, аудиторах международного класса и, понимая это, японская фирма стремится соответствующим образом ответить на эти потребности нашей экономики и перестроить свое обучение. Она сама инициирует новые программы, организует обучение для молодых предпринимателей и менеджеров, предлагает своим торговым партнерам ежегодно посылать в Японию, прежде всего, молодежь.

Деятельность таких фирм, как «Искра», в деле подготовки российского менеджмента трудно переоценить, хотя нельзя не отметить, что постепенно эта деятельность свертывается. Вице-президент компании «Искра», ее представитель в Москве, г-н Угаи Кадзуси в беседе с автором в числе причин, вызывающих подобное развитие ситуации, назвал финансовые трудности компании, экономический застой в японской экономике в целом, проблемы вынужденной перестройки японского бизнеса и др. Все это, несомненно, соответствует действительности и названные проблемы нельзя исключать из числа неблагоприятных факторов, влияющих на этот процесс. Вместе с тем нельзя не видеть и того обстоятельства, что российский бизнес, получивший

эффективную помощь, в том числе и от своих японских партнеров, уже меньше, чем прежде, нуждается в ней. За десять лет своей деятельности в этом направлении фирма «Искра» подготовила 450 российских специалистов в различных областях менеджмента.

В деятельности государственных японских центров и частных фирм, посвященной обучению российских предпринимателей управлению бизнесом, имеются большие резервы, которые все еще далеко не полностью осознаны в России. Те аспекты управления, которые по заказу наших бизнесменов поднимаются, в частности, на занятиях в японских центрах, пока еще мало относятся к тем проблемам, в решении которых японский менеджмент особенно силен. Речь идет, прежде всего, об уникальной системе управления качеством продукции, благодаря которой японскому бизнесу удалось победить многих своих конкурентов на внешних рынках. Наша страна, которая по давней традиции привыкла решать проблемы контроля качества устаревшими американскими методами начала прошлого века, к сожалению, может упустить те возможности, которые сулит знакомство в японских центрах с этим ценнейшим опытом. Будем надеяться, что Россия сумеет вовремя оценить и извлечь новые уроки из опыта нашего восточного соседа.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ПРОМЫШЛЕННОЕ И НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Переход российской экономики к инновационной модели развития предполагает существенное расширение делового сотрудничества России с индустриально развитыми странами. Несомненно, на новый, более высокий уровень следовало бы вывести деловые отношения с Японией – нашим непосредственным соседом и давним партнером. Сегодня для этого имеются особенно благоприятные перспективы, поскольку в январе 2003 г. в ходе встречи между президентом России и премьер-министром Японии был принят «Российско-японский план действий», предполагающий энергичное развитие двусторонних отношений. Осуществлению этого плана, в частности, должно способствовать создание Российско-японской организации по содействию торговле и инвестициям, призванной обеспечивать более интенсивную деятельность в этих сферах. Особенно большое значение для нашей страны имело бы промышленное и научное сотрудничество с Японией в таких областях, как энергетика, транспорт, связь, охрана окружающей среды, ядерные технологии, освоение космоса.

Сегодня как в России, так и в Японии ощущается большая заинтересованность в расширении и углублении сотрудничества между нашими странами. Все ведомства и организации, действующие в сфере международных экономических отношений, безусловно, могут и должны внести свой вклад в развитие этого сотрудничества. Значительно возрастает роль Торгового представительства Российской Федерации в Японии, призванного оказывать предпринимателям широкий комплекс практических услуг, соблюдая при этом принципы невмешательства в коммерческую и хозяйственную деятельность частных компаний.

Торгпредство РФ, подчиненное министерству экономического развития и торговли, представляя и обеспечивая интересы и права России в области внешнеэкономических связей в Японии, осуществляет

свою работу по весьма широкому спектру направлений. Среди них предоставление необходимой информации по экономике, внешней торговле, законодательной и нормативной базе Японии, а также по вопросам регулирования различных видов практической деятельности на японском рынке. Торгпредство помогает в выборе партнеров и проведении переговоров по заключению сделок и контрактов. Оно осуществляет посреднические услуги в установлении контактов с потенциальными инвесторами, обеспечивает консультативное сопровождение проектов на всех этапах их реализации. Важным направлением его деятельности является привлечение японских инвестиций в российскую экономику и поиск соответствующих японских партнеров. Кроме того, его специалисты активно помогают продвигать российские товары в Японию и на рынки третьих стран, содействуют участию отечественных предприятий в проводимых в Японии выставках и ярмарках, симпозиумах и семинарах, организуют презентации, встречи и переговоры.

Поскольку в развитии российско-японских экономических отношений постоянно возрастает роль регионального сотрудничества, Торгпредство РФ усиливает работу на этом направлении. Оно подготавливает для российских регионов необходимую внешнеторговую информацию, помогает в поиске партнеров, за счет средств местных администраций организует стажировки специалистов в Японии. С целью широкого показа производственных и научно-технических возможностей субъектов Российской Федерации расширилась практика проведения в Японии соответствующих презентаций. Так, при содействии Торгпредства были организованы презентации Иркутской, Свердловской, Московской и Амурской областей, Красноярского края и свободной экономической зоны «Находка». Это позволило расширить сферу взаимовыгодного сотрудничества, стимулировать поиск и изучение новых совместных проектов, в частности в области высоких технологий¹.

Чтобы облегчить нашим предпринимателям работу с японскими фирмами, Торгпредство подготовило для них весьма полезный перечень советов и практических рекомендаций². В первую очередь обращается внимание на необходимость *хорошо знать базовые документы в области внешнеэкономического сотрудничества России и Японии*. Из них, в частности, следует, что наши страны гарантируют предоставление друг другу режима наибольшего благоприятствования в отношении всех видов таможенных пошлин, сборов, таможенных

формальностей и других правил, связанных с экспортом и импортом товаров. На товары обеих сторон во всех случаях, связанных с внутренними налогами или другими внутренними сборами, также распространяется режим наибольшего благоприятствования. Имеются документы, направленные на исключение двойного налогообложения, а также на поощрение и защиту капиталовложений. Положения всех этих документов должны в полной мере учитываться при составлении контракта и согласовании его условий с японскими партнерами.

Следующая рекомендация обращает внимание на важность *досконального изучения партнера, его правового статуса и всех его особенностей*. Вступая в контакт с японским партнером, необходимо знать, что он собой представляет в юридическом плане – объем его правоспособности, финансовое положение, коммерческая репутация, полномочия его представителя при заключении контракта и т. д. Наиболее простым способом получения такой информации является обращение непосредственно к партнеру, воспринимаемое обычно с полным пониманием. Игнорирование этого правила может привести к серьезным проблемам, например, к невозможности получить плату за поставленные товары.

Особо подчеркивается *недопустимость установления сотрудничества с анонимными партнерами*. Речь идет о таких случаях, когда в контрактах не указываются юридические адреса сторон или известно, что в них содержится фиктивный юридический адрес японского партнера, а также когда в качестве адреса для направления корреспонденции указывается «до востребования». В результате возникает ситуация, при которой в дальнейшем могут стать безуспешными попытки найти своего партнера, например, для вызова его в арбитраж или вручения исковых материалов.

Практика показывает, что при составлении контрактов российские бизнесмены не всегда считают с тем, что *российский и японский* подходы к решению одних и тех же правовых вопросов могут во многом *не совпадать*. Поэтому следует заранее решить, правовыми нормами какой из стран-партнеров или, возможно, какого-либо третьего государства будут регулироваться отношения по заключаемому контракту, и указать это в нем.

Очень серьезного внимания требуют вопросы *обеспечения гарантий выполнения партнерами принятых ими обязательств*. Как правило, каждая из сторон обычно полагает, что ее партнеры будут выполнять принятые обязательства добросовестно и в полном соответствии с условиями контракта. Однако на практике в силу целого ряда объективных либо субъективных причин этого порой не происходит. Поэтому надо сосредоточить максимум внимания на всех деталях контракта, особенно на пунктах, определяющих условия расчетов и ответственность сторон.

¹ Япония. Путеводитель для бизнесмена. М., 2001, с. 22.

² Там же, с. 25–29.

В силу самых различных обстоятельств между сотрудничающими сторонами могут возникать разногласия. Для их устранения необходимо *в полной мере использовать возможности переговоров*. Вместе с тем переговоры не всегда приводят к результатам, устраивающим обе стороны, и тогда *для разрешения спора целесообразно использовать третейский суд*. В одних случаях это может быть суд, избираемый самими спорящими сторонами, в других – международный арбитраж. Конфиденциальность арбитражной процедуры и быстрота ее проведения делают этот вид разрешения спора весьма эффективным. При этом следует иметь в виду, что *исполнение арбитражных решений имеет свои процедуры и законы*. Арбитражные решения будут исполняться в соответствии с условиями, предусмотренными законами страны, в которой испрашивается их исполнение.

Практика последнего времени подтвердила целесообразность заключения двусторонних соглашений между национальными арбитражными центрами. В сентябре 1995 г. вступило в силу Российско-японское коммерческое арбитражное соглашение, подписанное Торгово-промышленной палатой Российской Федерации и Японской коммерческой арбитражной ассоциацией. Эти организации рекомендуют физическим и юридическим лицам, занятым в торговле и инвестиционном сотрудничестве между нашими странами, *включать в контракты арбитражную оговорку*. Суть ее заключается в том, что все споры, противоречия или разногласия между сторонами подлежат урегулированию арбитражем в соответствии с Российско-японским коммерческим арбитражным соглашением, а вынесенное решение является окончательным и обязательным для сторон.

Наконец, заключительная рекомендация – всем российским участникам внешнеэкономической деятельности на японском рынке в целях повышения ее эффективности следует *активнее использовать возможности Торгового представительства России в Японии*. Как уже отмечалось, оно может оказать существенную помощь российским бизнесменам и в расширении традиционных сфер взаимодействия с японскими партнерами, и в установлении новых форм делового сотрудничества.

С японской стороны в развитие деловых связей между нашими странами крупный вклад вносит ДЖЕТРО – Японская организация по развитию внешней торговли (JETRO – Japan External Trade Organization), руководитель которой назначается министерством экономики, промышленности и торговли Японии. Благодаря широкой сети зарубежных представительств, действующих в 60 странах, ДЖЕТРО имеет возможность осуществлять информационную и организационную деятельность в интересах японских компаний весьма оперативно и в глобальных масштабах.

Российские предприниматели, которые в процессе своей практической деятельности ощущают потребность в конкретной информации о японской экономике и юридических нормах в сфере деловых отношений, а также о потенциальных японских партнерах, имеют возможность получить ее в представительствах ДЖЕТРО как в форме специально подготовленных печатных материалов, так и в виде устных консультаций³. Одним из наиболее солидных изданий ДЖЕТРО, предназначенных для ознакомления зарубежных бизнесменов с деятельностью японских производителей, является ежегодник «Japan Trade Directory». В нем содержатся сведения о направлениях деятельности 2 тыс. ведущих японских компаний и производимой ими продукции (свыше 22 тыс. наименований), а также дается вся необходимая информация для установления контактов с руководством и ведущими менеджерами. Вместе с тем в настоящее время самым оперативным способом поиска партнеров является организованная ДЖЕТРО «Программа развития коммерческих связей через Интернет», ставшая признанным средством простого и удобного обмена информацией о намерениях и возможностях предпринимателей⁴.

При активном участии ДЖЕТРО в России осуществляются мероприятия по разворачиванию совместной деятельности российских и японских компаний в машиностроительной сфере. Так, в марте 2004 г. в Елабуге и Тольятти состоялись семинары, на которых рассматривались вопросы сотрудничества российских автомобилестроительных предприятий с японскими компаниями. В частности, речь шла о модернизации производства автомобильных деталей и компонентов. Специалисты из Японии сделали также доклады по современным технологиям холодной штамповки и методам модернизации имеющегося оборудования для перехода к этим технологиям.

В материалах, которые ДЖЕТРО представляет на организуемых ею семинарах и выставках, разъясняется, каким образом можно привлечь в Россию инвестиции мелких и средних японских фирм, рассказывается о передовых организационных концепциях. Среди них, безусловно, заслуживает внимания весьма эффективная концепция создания в регионах «техноцентров» – своего рода точек притяжения новых технологий и инвестиций из Японии.

³ Среди публикаций на русском языке, представляющих несомненный практический интерес, можно назвать «Искусство делового общения с японскими партнерами», «Как наладить деловые связи с японскими фирмами», «Как делать бизнес в Японии», а также подготовленный для японских импортеров, но весьма полезный и для российских экспортеров справочник «Импорт товаров и обеспечение сбыта: вопросы и ответы».

⁴ Для ознакомления с возможностями этой программы и участия в ней следует воспользоваться адресом <http://www.jetro.go.jp/tppe/>.

Конкретная деятельность японского бизнеса на территории России в промышленной сфере может быть наглядно охарактеризована на примере компании «Мицуи буссан» (далее «Мицуи»), являющейся нашим давним деловым партнером. Являясь центром одной из крупнейших финансово-промышленных групп Японии, она способна оказывать значительное влияние на экономический процесс не только у себя в стране, но и в немалой степени в тех зарубежных странах, где национальные компании осуществляют с ней тесное сотрудничество. Результатом является реализация крупных торговых операций, строительство важных промышленных объектов, организация широкомаштабных коммерческих проектов.

С самого начала XX в. «Мицуи» энергично вкладывала капиталы в текстильные, деревообрабатывающие и пищевые предприятия, электростанции и судостроение, а также обеспечивала крупные транспортные перевозки, необходимые для их функционирования. В компании были созданы производственные отделы, через которые осуществлялось руководство и управление промышленными предприятиями. На базе этих отделов в дальнейшем сформировался целый ряд промышленных компаний. Используя свои твердые позиции в области поставок импортного сырья, сбыта продукции, транспорта и кредита, «Мицуи» непосредственно, а также через дочерние фирмы стала контролировать значительную часть промышленного производства Японии.

После окончания второй мировой войны компания в рамках политики, направленной на ликвидацию крупных монополий («дзайбацу»), была преобразована в более чем 200 мелких компаний. В 1959 г. произошло объединение основной массы этих компаний, точнее, их присоединение к зарегистрированной 25 июля 1947 г. фирме «Дайити буссан». Эта дата считается и датой создания «Мицуи»⁵. Выступая в качестве организатора сделок между продавцами и покупателями в торговых операциях внутри страны и за рубежом, «Мицуи» решала такие задачи, как подготовка рыночной почвы за рубежом с целью продвижения сюда японских товаров и выбора поставщиков сырья или готовой продукции для японских фирм. Как правило, компания непосредственно участвовала во всем цикле осуществления сделок, принимая на себя ответственность за всевозможные риски.

Для успешного проведения сделок компания тщательно изучает мировые рынки товаров и услуг, предоставляя своим клиентам исчерпывающую деловую информацию, а также консультируя их по всем вопросам, связанным с состоянием и особенностями различных сегментов мирового рынка. Так, «Мицуи» постоянно накапливает и

⁵ Мицуи Ко. Лтд. (Справочник по услугам «Мицуи»). Издание «Мицуи», с. 2.

обновляет информацию о деловой надежности и кредитоспособности возможных покупателей и продавцов, причем точность экспертизы, проводимой компанией, весьма высока.

Перечень товаров и услуг, с которыми сегодня оперирует компания, широк и разнообразен. Это черные и цветные металлы, машины и промышленное оборудование, электронная и информационная техника, энергоносители и химикаты, строительные материалы, текстильная продукция, стройматериалы, продовольствие. Кроме того, фирма осуществляет операции с недвижимостью, инженерно-строительные работы, организацию общественного питания и др.

Вместе с тем руководство «Мицуи», чутко реагируя на развитие мирового экономического процесса, сориентировало деятельность компании еще на одно, чрезвычайно актуальное направление, а именно, на расширение производственной и торговой деятельности клиентов и ее глобализацию. Так, «Мицуи» содействует привлечению инвесторов в новые производства, оказывает помощь в учреждении совместных предприятий и найме персонала, в переводе предприятий за рубеж. Эта ее деятельность распространяется не только на японских, но и на зарубежных клиентов. В частности, компания помогает последним занять устойчивое положение на японском рынке, создавая совместные предприятия для экспорта товаров в Японию. Она предоставляет им информацию о рынке, предлагает маркетинговые услуги, способствует установлению деловых связей с компаниями сервисного обслуживания, обеспечивает регистрацию лицензий, принимает меры к тому, чтобы обезопасить своих клиентов от рыночных рисков.

Деловые связи «Мицуи» с Россией возникли еще в начале XX в. В 1907 г. было открыто ее торговое представительство во Владивостоке, а в 1916 г. – в Петрограде. В конце 50-х годов компания одной из первых начала свою деятельность в Советском Союзе, установив прочные связи с его внешнеторговыми объединениями. В 1964 г. она заключила контракт на строительство завода азотных удобрений, а еще через некоторое время поставила в СССР 32 аммиачных завода и пять нефтехимических комплексов. В 1975 г. «Мицуи» организовала крупные кредиты в иенах и долларах⁶.

В наши дни компания успешно сотрудничает с «Газпромом». Работы начались с крупного контракта стоимостью более 100 млн. долл., предусматривавшего поставки «Газпрому» дорожно-строительной техники: бульдозеров, экскаваторов и трубоукладчиков⁷. Она предназначалась как для строительства новых газопроводов, так и для ремонта существующих. Финансирование осуществлялось посредством

⁶ Управление персоналом. 1999, № 10, с. 5.

⁷ Бизнес. Международный журнал менеджеров. 2001, спецвыпуск, с. 15.

привлечения кредитов экспортно-кредитных агентств США и Японии. Опыт сотрудничества с «Газпромом» оказался весьма удачным, и оно продолжает развиваться.

В середине 90-х годов был осуществлен новый проект, финансирующийся японскими банками. Он предусматривал поставку двух уникальных буровых установок глубокого бурения с целью освоения Астраханского нефтегазового месторождения.

В конце 90-х годов «Мицуи» выиграла тендер на организацию финансирования и поставку оборудования и материалов для строительства международного газопровода «Голубой поток», который должен обеспечивать поставки российского газа в Турцию. Коррозионностойкие толстостенные трубы, предназначенные для прокладки по дну Черного моря и произведенные по передовой бесшовной технологии в Японии, были поставлены компанией «Мицуи». Она также организовала финансирование для строительства сухопутного участка газопровода на российской территории⁸. Помимо работы с «Газпромом», осуществляется весьма тесное сотрудничество и с его дочерней компанией «Газкомплекстимпэкс».

Еще одно важное направление деятельности компании – это продвижение в Россию техники, которая применяется в целях обеспечения безопасности и контроля процессов, связанных с поставками газа и его потреблением. Это – датчики для измерения давления газа, уровня вибрации, герметичности стыков, газовые счетчики, устройства блокировки на случай возникновения аварийных ситуаций и др. Кроме того, из Японии поступает оборудование для охраны окружающей среды и ресурсосбережения.

«Мицуи» не только расширяет номенклатуру поставляемых в Россию изделий, но и развивает здесь сервисные услуги. При строительстве новых и реконструкции действующих объектов постоянно возникают сложные, нестандартные инженерные проблемы. Часто они усугубляются климатическими условиями – необычайная жара в Астраханской зоне и суровые морозы Заполярья. Компания помогает решать эти проблемы, находя и привлекая соответствующих специалистов. Кроме того, она проводит большую работу по обучению российского персонала передовым технологиям и приемам работы с новейшей техникой.

В частности, весной 2003 г. компания организовала семинар по вопросам решения экологических проблем и модернизации производства. К семинару были привлечены специалисты семи японских промышленных компаний, принадлежащих к так называемой группе Мицуи по обмену опытом в области технологий (Mitsui Group for

⁸ Там же, с 16.

Technical Exchange – МТЕСН), образованной в 1965 г. Деятельность МТЕСН осуществляется в широком спектре отраслей – в химической промышленности, черной металлургии, энергетике, судостроении, строительном машиностроении, производстве электрооборудования и приборов, в торговой и финансовой сферах. В последний период группа подключилась к модернизации зарубежных предприятий химической промышленности и энергетики на основе электронных и информационных технологий. Прошедший семинар продемонстрировал ее интерес и к модернизации российских предприятий.

Нельзя не отметить активного участия «Мицуи» в экономическом сотрудничестве на Дальнем Востоке, в частности в сахалинских проектах. Особенно заметны успехи в реализации проекта «Сахалин–2». Этот проект с объемом прямых инвестиций в 10 млрд. долл. является крупнейшим инвестиционным проектом «Мицуи» в России (доля «Мицуи» в проекте составляет 25%).

Можно привести и другие примеры инвестиционной деятельности «Мицуи» в России. Так, еще в мае 1991 г. при участии «Мицуи» была организована компания «ООО ТМ Байкал», осуществляющая производство и экспорт пиломатериалов с годовым объемом реализации продукции около 20 млн. долл. Уставный капитал компании распределялся следующим образом: «Мицуи» – 19%, японская фирма «Тадзима Ламберс Ко. Лтд.» – 30%, министерство имущественных отношений России – 51%. Для поддержки этой компании «Мицуи» обеспечила получение ею необходимого банковского кредита.

Существуют еще две компании, в создании которых участвовала «Мицуи». Обе имеют статус российской компании со стопроцентным иностранным капиталом. Одна из них, «ООО Мицуи – Рико СНГ» основана в октябре 1997 г., а другая «ООО Фанук Мицуи Автоматизация СНГ» – в январе нынешнего года. В обоих случаях на долю «Мицуи» приходится половина капитала. Другая половина принадлежит японским фирмам «Рико» и «Фанук». Заслуживает внимания то, что они относятся к разряду высокотехнологичных компаний.

«Мицуи – Рико» предлагает потребителям из России и стран СНГ разнообразную офисную аппаратуру и запасные части к ней. Кроме того, она производит обучение и сертификацию своих партнеров для успешной работы с аппаратурой марки «Ricoh». Особое внимание компания уделяет продвижению на рынок России и СНГ лазерных принтеров и цифровых многофункциональных устройств, объединяющих в одном аппарате принтер, копир, сканер и факс.

На компанию «Фанук Мицуи» возлагаются функции, которые ранее выполняла «Мицуи» по продвижению на наш рынок продукции фирмы «Фанук». Последней принадлежит 50% мирового рынка устройств

числового программного управления и 70% – японского⁹. По данным ассоциации «Станкоинструмент», к 1990 г. в нашу страну было поставлено более 4 тыс. таких устройств. Фирма широко известна производством промышленных роботов, машин для литья под давлением, электроэрозионных машин, лазерной аппаратуры для обработки металлов и др. Оживление в экономике России было воспринято как свидетельство предстоящего подъема ее машиностроительных отраслей, которым, естественно, потребуется передовая производственная техника. Чтобы ее продажи и послепродажное обслуживание осуществлялись оперативно и бесперебойно, было принято решение о создании специализированной компании «Фанук Мицуи». Однако следует заметить, что нынешняя обстановка на российском рынке пока складывается для нее не слишком благоприятно ввиду чрезвычайно сильной конкуренции со стороны германской фирмы «Сименс».

В научных лабораториях «Мицуи» с 2001 г. начаты работы по чрезвычайно актуальной сегодня проблематике нанотехнологий. В основу этих работ – от исследований до коммерциализации – положена организационная модель, предусматривающая активное обсуждение ключевых вопросов всей цепочки «наука–техника–производство» с компетентными представителями из таких сфер, как правительство Японии, национальные исследовательские институты, университеты, исследовательские лаборатории других компаний. Считается необходимым привлечь специалистов из ведущих фирм, малых и средних предприятий¹⁰, предпринимателей из сферы венчурного бизнеса, представителей зарубежных научных кругов. Думается, и работы наших специалистов вполне могли бы заинтересовать японскую сторону.

Одна из трудностей, с которой работники компании встречаются в России (как, впрочем, и в США), состоит в том, что получить необходимое решение на низовом уровне обычно не удается и, как правило, приходится выходить на руководство. В результате у японской стороны складывается мнение, что управленческий аппарат наших предприятий в основном занят подготовкой материалов для начальства. Это серьезно противоречит основному правилу современного японского менеджмента, в соответствии с которым за каждым работником закрепляются определенные права и полномочия, в пределах которых он должен принимать реальные решения по своей работе и нести за них персональную ответственность¹¹.

Таким образом, клиентам «Мицуи» в целях получения необходимого решения не приходится апеллировать к вышестоящему руководству.

⁹ Japan Company Handbook. First Section. Autumn 2003, p. 906.

¹⁰ Mitsui in Action. 2001, December, p. 3–4.

¹¹ Управление персоналом. 1999, № 10, с. 8.

Вопросы грамотно и оперативно решаются на том уровне, на котором их предписывает решать должностная инструкция для сотрудников компании, что значительно повышает эффективность ее деятельности. Хотя существование проблем подобного рода общеизвестно, решаются они с большим трудом и крайне медленно. Но когда они все же будут решены, результативность взаимодействия с такими авторитетными и сильными партнерами, как «Мицуи», несомненно, намного возрастет.

Важнейшая задача, стоящая перед российской экономикой, – это подъем ее на качественно новый уровень и, в первую очередь, создание условий для крупномасштабного выпуска современной, наукоемкой продукции. Требуется существенно потеснить многих зарубежных производителей, обосновавшихся на российском рынке, а также в кратчайшие сроки выйти на зарубежные рынки. Однако этого можно добиться лишь при условии существенного обновления производственного оборудования на наших заводах, так как его возраст недопустимо высок и его технические характеристики не соответствуют требованиям сегодняшнего дня. Произвести его массовую замену на новое не представляется возможным ввиду отсутствия необходимых для этого финансовых средств, тем более что производственные возможности отечественного станкостроения, несмотря на все усилия наших станкостроителей, остаются на весьма скромном уровне.

Реальный выход из создавшегося сложного положения заключается не в замене имеющегося оборудования, а в его модернизации. Решению этой задачи и служит недавнее создание японской фирмы «Джапан тул сервис» («Japan Tool Service»). Она обеспечивает диагностирование состояния станков, имеющихся на российских предприятиях, и замену их устаревших частей современными высокоэффективными компонентами. К их поставкам в Россию привлечены, в частности, такие широко известные японские машиностроительные компании, как «Никкэн», «Ти Эйч Кэй» («ТНК») и «Нитидай». Их продукцию и технологии отечественные специалисты имели возможность оценить на проведенных в Москве международных выставках «Машиностроение – 2003» и «Металлообработка – 2004».

Общеизвестно, что установлению доверительных отношений между партнерами в огромной мере способствует соблюдение ими правил и норм делового общения. Вместе с тем подход японских бизнесменов к налаживанию деловых связей сильно отличается от западного. По свидетельству департамента международных связей ДЖЕТРО, недопонимания, причина которых кроется именно в различных стилях общения, нередко приводят к тому, что иностранные бизнесмены упускают возможности заключения сделок. Все сказанное выше действительно не только для случая выхода отечественных производителей

на японский рынок, но и тогда, когда при организации работ на нашем внутреннем рынке привлекаются участники из Японии.

Так, важнейшим принципом поведения в японской среде является стремление всемерно избегать резкого столкновения взглядов, открытых споров, конфронтации, т. е. всего, что может привести к «потере лица» кем-либо из собеседников. Более того, уже одно только нарушение внутригрупповой гармонии, вызванное упорным отстаиванием особой точки зрения или слишком бурными эмоциями, в Японии осуждается. Волевым и зрелым здесь считается тот, кто умеет учитывать мнение всей группы и способствует внутригрупповому единству. Выработанная годами привычка к подобному поведению стала для японцев частью их деловой этики и сформировала особый стиль переговорного процесса. Даже если собеседники придерживаются во многом противоположных взглядов, переговоры идут в русле терпимых, корректных и доброжелательных отношений.

Для деловой японской практики свойственно стремление хорошо узнать партнера, в частности, его характер как человека и даже его прошлое. Нередко на первых встречах основное время уходит на установление доверительных отношений, и только после этого можно попытаться получить у японского собеседника необходимую информацию или выяснить его мнение.

Американский специалист по проблемам межэтнического общения доктор Эрнест Гундлинг выполнил очень интересную работу, систематизировав неувязки и недоразумения, возникающие в общении с японскими бизнесменами. Проанализировав японский стиль принятия решений, довольно длительный и преследующий цель достижения общего согласия между их будущими исполнителями, он дает целый ряд практических советов. В первую очередь, предлагается иметь в виду, что процесс принятия решений займет достаточно много времени и потребует интенсивных переговоров и обширной переписки. Кроме того, необходимо быть готовым в любой момент предоставить японской стороне самую подробную дополнительную информацию – терпение и готовность к сотрудничеству могут стать решающими факторами на пути к успеху. Рекомендуется регулярно выходить на связь с японскими партнерами, энергично демонстрируя свою заинтересованность в сотрудничестве, а также отвечая на любые возникающие вопросы. Несомненную пользу может принести и установление неформальных отношений. Также подчеркивается недопустимость проявления разногласий со своими коллегами в присутствии представителей японской стороны.

В отдельную группу выделяются рекомендации, относящиеся к составлению договоров. В Японии договор рассматривается главным

образом как выражение готовности к деловому сотрудничеству, поэтому требование более детально изложить условия договора может повредить добрым отношениям с партнером. Следовательно, надо быть готовым к тому, что отдельные положения договора окажутся сформулированными не очень четко. Необходимо проявлять гибкость и готовность внести в него различные изменения в соответствии с возможным изменением внешних обстоятельств. В первую очередь это относится к договорам, заключаемым с небольшими компаниями.

Особенно подробно д-р Гундлинг останавливается на тактике ведения деловых встреч, связанных с обменом информацией. Здесь приходится считаться с особенностями японского стиля изложения материала. Так, бизнесмены из США и стран Западной Европы часто считают объяснения и доклады японских партнеров весьма сложными для восприятия. Они буквально запутываются в получаемой информации, не находя в ней четко сформулированных выводов. Между тем, по мнению американского исследователя, это связано с особенностями японского стиля изложения материала: слушатели или читатели подводятся к основной мысли через последовательное введение отдельных деталей, нередко второстепенных, а выводы им предлагается сделать самим. Выход из этого положения достаточно прост – нужно тактично запрашивать необходимую информацию несколько раз, несколько не стесняясь этого. Вместе с тем необходимо стараться предоставлять японским партнерам как можно больше полезных сведений, специально уточняя, что конкретно их интересует¹².

Особо следует подчеркнуть, что незнание японского языка и в связи с этим общение с японцами на английском языке многократно усложняет деловые отношения. Будучи не очень уверены в своем знании английского языка, японцы проявляют непонятную для иностранца лаконичность, в то время как от них ждут обстоятельного разговора. Много лет работавший в Японии нашим торговым представителем В. Б. Спандарьян разъясняет, что иностранные коммерсанты напрасно жалуются на трудности выхода на рынок Японии: если уточнить у них, на каком языке они ведут переговоры, то окажется, что отнюдь не на японском¹³.

Но как ни важны знания правил межличностного общения с японскими партнерами, ничто не может заменить компетентности в делах, четкости в работе и ее высокого качества. Даже самая незначительная мелочь, а точнее, то, что на первый взгляд кажется мелочью, может

¹² Искусство делового общения с японскими партнерами. Издание ДЖЕТРО, с. 14–15.

¹³ Спандарьян В. Деловая Япония. М., 1991, с. 202.

вызвать резкое неприятие со стороны японцев. Так, однажды японский контролер, обратив внимание на «косметические» дефекты упаковки партии полупроводников, изготовленных на американском предприятии, отказался принимать ее. С его точки зрения эти дефекты свидетельствовали о низкой культуре производства, а отсюда недалеко и до низкого качества самих изделий¹⁴.

О том, что качество продукции было и остается в Японии высшим приоритетом, общеизвестно. Очевидно, что для полноценного сотрудничества с японскими партнерами необходимо выйти на столь же высокие стандарты качества, чему вполне могли бы способствовать конкретные рекомендации Японской ассоциации производственного обслуживания. Согласно этим рекомендациям в первую очередь следует сформировать на предприятии особую производственную культуру, стимулирующую моральный настрой на всестороннее повышение эффективности производства. В этом должны принять участие все службы предприятия – производственные, инженерно-технические, управленческие, а также службы сбыта продукции. Целевая установка должна формулироваться не как общий призыв к повышению качества как такового, а как достижение «нуля потерь», «нуля поломок» и «нуля несчастных случаев». В этот процесс органически встраиваются меры по обеспечению «нуля брака». И что особенно важно – в реализации указанной целевой установки участвуют все без исключения работники предприятия. Следует отметить, что эта система менеджмента качества приобрела широкое распространение в мировом масштабе и начинает применяться на российских предприятиях¹⁵.

Развитие научно-технического сотрудничества с Японией, пока еще явно недостаточное, является крупным резервом развития деловых отношений, поскольку его результатом могло бы стать создание новых высоких технологий и их совместное внедрение в производство. Реализации этого резерва вполне мог бы послужить немалый опыт совместной деятельности в ряде областей науки и техники, накопленный в относительно недалеком прошлом. Обращение к основным фактам ее истории наглядно свидетельствует о том, что она была достаточно масштабной и ориентированной на глубокие научные изыскания и инженерные разработки.

Так, после подписания в октябре 1973 г. межправительственного соглашения началось наше научно-техническое сотрудничество в области атомной энергетики и сельского хозяйства. Развивались связи между нашими академическими институтами и японскими научными

учреждениями, проводились научные симпозиумы, публиковались результаты совместных научных исследований. Тематика научных обменов включала в себя физику, металлургию, микробиологию, океанологию, сейсмологию, историю, экономику. В 1979 г. был подписан меморандум, в котором отмечалось положительное значение обмена учеными для развития научных исследований и укрепления добрососедских отношений между нашими странами, а также подчеркивалось обоюдное стремление к расширению такого обмена¹⁶. Был заключен ряд соглашений о сотрудничестве с японскими промышленными компаниями. В частности, на японских металлургических предприятиях были внедрены разработанные в СССР новейшие технологические процессы – метод непрерывной разливки стали, испарительное охлаждение доменных печей, способ сухого тушения кокса. К концу 80-х годов действовало 17 соглашений о научно-техническом сотрудничестве с японскими фирмами и промышленно-финансовыми группами. Среди них – «Мицуи», «Мицубиси», «Сумитомо», «Марубэни», «Комацу», «Искра сангё», «Кобэ сэйтэцу» и др.¹⁷ В наши дни наиболее активное сотрудничество осуществляется по таким направлениям, как сельское и лесное хозяйство, физика плазмы и термоядерный синтез, физика высоких энергий и ускорители, радиационная медицина, охрана окружающей среды, науки о Земле, науки о жизни. Совместные проекты осуществляются также в области океанологии, фундаментальной химии, материаловедения, механики.

В этих работах участвуют институты Российской академии наук и Российской академии сельскохозяйственных наук, Российский научный центр «Курчатовский институт», Государственный научный центр «Институт биофизики», ведущие НИИ и вузы. Участники с японской стороны – государственные исследовательские центры и университеты. Вместе с тем предстоит еще многое сделать для того, чтобы активными участниками двустороннего сотрудничества в научно-технической сфере стали российские предпринимательские структуры. Нужно отыскивать пути и к тому, чтобы отечественные научно-технические разработки вызывали интерес у японских промышленных компаний, а последние размещали заказы на проведение серьезных научных исследований в российских НИИ и лабораториях.

Следует отметить, что имеются достаточно весомые основания для того, чтобы в Японии начали рассматривать российский научно-технический потенциал в качестве весомого резерва своей экономики. Действительно, если обратиться к регулярно публикуемым результатам

¹⁴ Искусство делового общения с японскими партнерами, с. 8.

¹⁵ Методы менеджмента качества. 2003, № 7, с. 6.

¹⁶ СССР и Япония. М., 1987, с. 354–355.

¹⁷ Япония (Наши деловые партнеры). М., 1991, с. 68.

экспертного анализа уровня японских исследований и разработок в сравнении с уровнем аналогичных зарубежных работ, то будет нетрудно увидеть, что по всем направлениям фундаментальных исследований Япония постоянно уступает США, а по таким направлениям, как науки о жизни и экология – также и Западной Европе¹⁸.

Японские прикладные исследования и инженерные разработки в целом также отстают от американских, особенно в таких областях, как высокофункциональные компьютеры, искусственный интеллект, защита информации от несанкционированного доступа, возобновляемые экологически чистые источники энергии, биоматериалы¹⁹.

Так что российско-японское научное сотрудничество, несомненно, могло бы способствовать улучшению позиций японской науки. Особенно, если бы оно сопровождалось поступлением из Японии современного научного оборудования, по крайней мере, на период выполнения соответствующих экспериментальных работ.

Нельзя не отметить, что это было бы полезным и для японских промышленных фирм, поскольку импорт технологии сегодня уже не является высокоэффективным средством укрепления производственных позиций – ведь приходится считаться с серьезными ограничениями в отношении объемов выпуска лицензионной продукции и мест ее сбыта. Кроме того, затраты на приобретение лицензий весьма высоки. Например, за пятилетний период (1997–2001) японские компании, производящие электронную продукцию и средства связи, импортировали технологию на сумму более 730 млрд. иен (в 5 раз больше, чем экспортировали)²⁰. Следует также отметить, что в настоящее время многие ключевые технологии довольно долго используются исключительно их создателями и не поступают на рынок торговли технологиями до тех пор, пока не устареют.

Поэтому и для нас, и для японской стороны становятся все более актуальными предложения отечественных специалистов по внешне-экономическим проблемам (которые они настойчиво излагали и ранее) организовать сотрудничество с японскими компаниями, обладающими немалым опытом во внедрении в массовое производство заимствованных научных идей и технических решений. Организация кооперации по полному циклу «разработка – внедрение – производство – сбыт» могла бы стать важнейшей составной частью российско-японского экономического сотрудничества. Причем отечественным разработчикам новых технологий и высокотехнологичной продукции следовало

¹⁸ Вага кун-но кэнкю кацудо-но дзйттай-ни кансору тэса хококу (Доклад о положении в сфере исследовательской деятельности в Японии). Токио, 2001, с. 41–45.

¹⁹ Там же, с. 46–49.

²⁰ White Paper on Science and Technology. Tokyo, 2003, p. 189.

бы самим проявлять больше инициативы в поиске японских партнеров и в установлении конкретных форм взаимодействия с ними. Одним из испытанных способов налаживания деловых контактов является участие в специализированных выставках, которые организуются Торгово-промышленной палатой России и отраслевыми организациями.

Развитие событий в последний период дают вполне резонные основания для оптимизма. По мнению бывшего посла Японии в России Т. Того, отношения между нашими странами приближаются к важному поворотному пункту, и в ближайшем будущем можно ожидать значительных японских инвестиций в такие отрасли российской экономики, как химическая промышленность и машиностроение, в частности, автомобилестроение²¹.

Думается, что настало время подготовить широкую, комплексную программу развития деловых отношений с нашим дальневосточным соседом, сориентировав ее на ускорение решения важнейших задач, стоящих перед Россией и Японией. К ее подготовке следовало бы привлечь не только специалистов государственных ведомств и практических организаций, но и ученых из институтов Российской академии наук и системы высшего образования. Безусловно, большую пользу принесло бы участие в этой работе отечественных японоведов, всесторонне и глубоко исследующих как историю Японии, так и ее современные проблемы.

²¹ Бюллетень иностранной коммерческой информации. 26. 02. 2004, с. 4.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

СОВРЕМЕННЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ РОССИИ И ЯПОНИИ

В самого начала возникновения русско-японские литературные связи складывались вполне успешно. В середине XX в., когда Япония стала знакомиться с культурой Запада, русских писателей и даже поэтов переводили на японский язык лучшие переводчики страны. Пушкин, Тургенев, Достоевский, Гончаров, Чехов, открыли японцам не только другую жизнь другой страны и другого общества, но и неизвестные японской литературе возможности различных литературных жанров.

В России с японской литературой познакомились значительно позднее. Стараниями отечественных ученых-японистов, которые и были первыми переводчиками, русским читателям открылось новое видение мира и красоты. На протяжении десятилетий шло взаимное узнавание друг друга через лучшие произведения литературы. Не будет ошибкой сказать, что русская литература была наиболее мощным фактором, обусловившим существование определенного парадокса во взаимоотношениях между двумя народами: политической конфронтации, сочетавшейся с глубоким взаимным интересом к духовной жизни друг друга.

Однако за последнее десятилетие, по свидетельству японских русистов, интерес к нашей литературе в Японии резко снизился, в то время как в постсоветской России увлеченность японской литературой не только осталась на прежнем уровне, но и значительно выросла. Об этом красноречиво свидетельствуют тиражи, которыми издавалась японская литература в нелегкие постперестроечные годы, когда в условиях экономических трудностей, как правило, издавалось лишь то, что коммерчески было выгодно – детективы, фантастика, любовные романы. В связи с этим издание японских детективных повестей и

рассказов, безусловно, вписывалось в общую струю издательского дела. Однако обращает на себя внимание то, что именно в этот период один за другим стали выходить памятники классической японской литературы – прозы и поэзии в переводах нового поколения японоведов – учеников прославленных учителей, на исследовательских работах и переводах которых выросла вся советская и российская японистика.

Очевиднее всего о востребованности японской литературы в России, будь то развлекательный жанр или серьезная литература, свидетельствует статистика¹. Она же является доказательством устойчивого интереса в России к Японии. Так, в 1990 г. были изданы и переизданы в Петербурге, который в то время еще именовался Ленинградом, довольно большими тиражами сборники детективных повестей и рассказов Мацумото Сэйтё «В тени», «Стена глаз» (Лениздат) – 250 тыс. экз., а вскоре еще 100 тыс. экз. В Москве любители детективов получили сборники «Убийство на Розовый вилле» (50 тыс. экз.), «Чудовище во мраке» (300 тыс. экз.) и «Происшествие в Никко» (250 тыс. экз.).

Сборник «Чудовище во мраке», в который вошли повести Эдогава Рампо и Мацумото Сэйтё разошелся настолько быстро, что после первой публикации был переиздан тем же издательством в том же 1990 г. (общий тираж двух выпусков составил 550 тыс. экз.). Более того, издательство «Правда» выпустило этот же сборник тиражом 500 тыс. экз.

Издавать литературу подобными тиражами в ту пору могли позволить себе известные крупные издательства. Относительно скромное издательство «Радуга», в те годы только разворачивавшее издательское дело, тоже решилось выпустить сборник детективных рассказов «Убийство на Розовый вилле». Правда, тираж этого сборника был значительно меньший – всего 50 тыс. экз., но для начинающего издательства это был немалый риск, и выбор должен был быть беспримысленным.

Список развлекательной литературы дополняет и японская фантастическая проза (том 22-й), которая вышла в серии «Библиотека фантаста», издаваемой в 24 томах издательством «Мир».

Что касается собственно художественной литературы, то издательства «Правда» и «Радуга» соответственно переиздали уже известные советским читателям и оцененные ими «Футбол 1860» и «Опоздавшая молодежь» Оэ Кэндзабуро (100 тыс. экз.) и сборник рассказов Ямамото

¹ Данная работа строится на данных, представленных Российской книжной палатой, из которых следует, что в то экономически трудное время книги продолжали издаваться в Москве и Ленинграде. Даже если книги японских авторов были выпущены какими-либо издательствами в других городах России, их тиражи были настолько незначительными, что не смогли повлиять на общую картину книжного рынка.

Сюгоро (50 тыс. экз.), прославившегося как автор «Красной бороды», экранизированной Куросава Акира.

Таким образом, если говорить об общем количестве изданных переводов, то произведений, требующих вдумчивого чтения и размышлений, в тот год было в десятки, если не в сотни раз меньше чем тех, которые отвлекали и развлекали.

Однако интересно отметить, что в подготовке этих сборников принимали участие хорошо известные в стране ученые-японисты, литераторы и журналисты. Так, сборник «Убийство на Розовой вилле», составил и перевел Григорий Чхартишвили, прославившийся вскоре и в России и за рубежом, в том числе в Японии, как автор детективных романов о Фандорине и исследователь японской литературы. Предисловие к сборнику написал Евгений Маевский, известный не только как переводчик, но и как исследователь в области японского языка, а также японской культуры. Переводами Мацумото Сэйтё и Сиина Макото занимался исследователь японской прозы *сэцува* Георгий Свиридов, а сборник «Чудовище во мраке» предваряло предисловие, написанное известным журналистом Владимиром Цветовым. Этот факт имеет немаловажное значение, поскольку российский читатель получал развлекательную литературу вкуче с довольно серьезными предисловиями и комментариями, которые расширяли его знания о Японии.

Сложившаяся в 1990 г. тенденция издавать в основном детективы и фантастику и периодически подлинно художественную литературу, к которой у серьезно читающей публики был огромный интерес, продолжалась еще некоторое время. Тиражи, которыми издавалась классическая японская литература или произведения современных авторов, таких, как Оэ Кэндзабуро, Абэ Кобо, были значительно ниже тиражей литературы более легкого жанра. Однако тот факт, что в то время они все-таки издавались, говорит о многом.

Следует отметить, что в литературном «активе» русского читателя была не только отечественная, но и переводная литература, оказавшая определенное влияние на формирование его характера, жизненных позиций и вкусов. Наряду с произведениями Данте, Шекспира, Байрона, Гюго, Бальзака, Гарсиа Лорки и других западных писателей и поэтов это были пятистишия антологии «Манъёсю» и трехстишия *хайку*, дневниковые записи придворной дамы Сэй Сёнагон, драмы Тикамацу Мондзаэмон, новеллы Акутагава Рюноскэ и др.

Переводы произведений японской литературы были выполнены первоклассными учеными-японистами А. Е. Глускиной, В. Н. Марковой, И. Л. Львовой, Е. М. Пинус, В. С. Гривниным. Они сопровождались подробным комментарием и предисловием, в котором рассказывалось об авторах, эпохе, нравах и обычаях, о литературных и художественных

традициях. Словом, эти переводы имели большую академическую ценность.

Этот факт особенно важен в свете рассматриваемых нами российско-японских литературных связей в 90-е годы, поскольку большинство произведений, которые были изданы в этот период, переведены учениками этих корифеев российского японоведения. Пришедшие вслед за ними поколения японоведов унаследовали от них отношение к тексту как к знаковому явлению и не просто переводили его, а определяли место в духовной и культурной жизни общества. В этом смысле особое значение имел 1992 год. Это было время, когда экономические трудности, связанные с перестройкой, заставляли больше думать о хлебе насущном. Но именно в этот год издательство «Наука» выпустило «Повесть о Гэндзи» Мурасаки Сикибу. Перевод первого в истории мировой литературы романа, который называют энциклопедией японской жизни XII в. был выполнен Т. Л. Соколовой-Делюсиной, преемницей школы русского японоведения не только в смысле высокой художественности перевода, но и в отношении тщательно подготовленных комментариев, приложения и пр. И хотя тираж был в четыре раза меньше (25 тыс. экз.), чем тираж сборника фантастических повестей «Черная эмблема сакуры» (100 тыс. экз.), выход в свет трех томов этого романа с приложением говорит об уверенности издателей в востребованности подобной литературы. Действительно, тираж разошелся довольно быстро, и впоследствии этот роман переиздавался несколько раз.

Постепенно доля развлекательной литературы заметно стала снижаться, в то время как классика, проза и поэзия по-прежнему занимали большое место. Можно сказать, что с 1994 г. наблюдается резкое повышение интереса к произведениям классической литературы. Переиздаются произведения японской прозы и поэзии. Появляется множество новых переводов А. А. Долина, В. Сановича, Г. Дуткиной, продолжавших академические традиции российской японистики. Это – «Сто стихотворений ста поэтов» (Хякунин иссю. Старинный изборник японской поэзии VII–XII вв. Предисловие и комментарий В. С. Сановича. СПб., 1994.); «Собрание старых и новых песен Японии». Перевод и комментарий А. Долина. М., т. 1–3, 1995).

Со временем переводная литература стала приближаться к нашим дням и становиться все разнообразнее по жанрам. Появилась тенденция выпускать переводные произведения сериями. Так, в московском издательском центре «Терра» стала выходить серия «Сокровища мировой литературы», в которую был включен том «Японская литература XX века». В него вошли романы Мисима Юкио: «Исповедь маски»,

«Золотой храм»; новеллы: «Смерть в середине лета», «Патриотизм»; одноактные пьесы: «Ханьданьская подушка», «Надгробие Комати», «Парчовый барабан»; пьесы: «Маркиза де Сад»; «Мой друг Гитлер» (перевод Г. Чхартишвили). В издательстве «Гиперион» стала издаваться серия «Японская классическая библиотека», в которой с 1996 по 2003 год вышли стихи и проза Кобаяси Исса и Ёсса Бусона, дневник Мурасаки Сикибу, лирика «веселых кварталов» в сборнике под названием «Алая камелия», классические *танка* в сборнике «Ветер в соснах», стихи, созданные на поэтических турнирах в средневековой Японии, поэзия дзэнских монастырей, стихи и проза Масаока Сики, поэзия хайку, дневник дочери Сугавара-но Такасуэ «Одинокая луна в Сарасина», «Путаница Торикаэбая моногатари».

В Петербурге в издательстве «Северо-Запад» стала выходить серия «Золотой фонд японской литературы». В нее вошли сборники «Японский театр», «Японские дзуйхицу», а также японская поэзия в переводах А. Е. Глускиной, с предисловием Т. Л. Соколовой–Делюсиной. Словом, и в Москве и в Петербурге переиздавались и издавались вновь произведения японской классики.

Что касается литературы нового времени, то гораздо меньшими тиражами и значительно реже издавались произведения Акутагава Рюноске, Кавабата Ясунари, Мисима Юкио, Оэ Кэндзабуро и Абэ Кобо, которых принято относить к классикам современной литературы. Впоследствии этот список пополнился произведениями Мураками Харуки, который вскоре стал одним из самых издаваемых в России зарубежных авторов. Только первые пять книг были выпущены совокупным тиражом в 250 тыс. экз.

В результате явного преобладания произведений японской классики в издаваемой литературе оказалось, что русский читатель, достаточно хорошо знакомый с ними и с творчеством писателей традиционного толка, высоко оценивающий их художественную самобытность, мало знает современных писателей, за исключением романов Абэ Кобо, Оэ Кэндзабуро и Мураками Харуки.

Особо следует остановиться на творчестве Мураками Харуки и его восприятию в России, поскольку по степени популярности он далеко опередил всех ранее известных японских писателей, пользующихся вниманием наших читателей. Произведения Мураками, которые трудно отнести к какому-либо жанру, так как в них есть элементы и психологического триллера, и оккультного детектива, и «антиутопии», стали бестселлерами. Не будет преувеличением сказать, что среди читающей публики в России сложилось мнение, что «Мураками должен прочитать каждый».

Статьи и в серьезных, и в популярных журналах, дискуссии в Интернете и на встречах книголюбов позволяют говорить о своеобразном «феномене Мураками». Писатель считал, что современная японская литература должна перестать быть литературой «для внутреннего пользования» и превратиться в литературу «общемирового масштаба». По его мнению, это означало бы, что она по-настоящему стала современной.

Художественное пространство его произведений абсолютно лишено всего, что создает специфически японский колорит. Старшее поколение читателей в Японии полагает, что произведения Мураками чересчур «современны» и называет их «*бата кусай*» (букв. «отдающий маслом»). Для японцев, традиционная пища которых не знает молока и масла, «*бата кусай*» означает «вычурно-пришлый», иначе говоря «не-японский». Японская молодежь же считает, что он как никто другой выражает их чувства и настроения. Переводчик произведений Мураками Дмитрий Коваленин убежден, главный секрет его популярности у японской молодежи заключается в том, что «это – первый японский писатель нового времени (80–90-х годов), который открыто предлагает молодежи, ни много, ни мало, «героя своего времени с прочувствованной и осознанной позицией» (статья «Космополитические анархии Харуки Мураками»²). Именно эта яркая и индивидуальная позиция, считает Дмитрий Коваленин, особенно импонирует японской молодежи, измотанной доктринами «группового сознания». Иными словами, наибольший отклик у молодежи находит то, что в произведениях Мураками «с самобичеванием и самоиронией маленький человек постепенно сознает: все вызубренные идеалы – дым, а главные ценности в жизни – лишь те, что ты сам взрастил в себе ценой собственных разочарований, слез и потерь...»³.

Интересно отметить, что Д. Коваленин проводит параллель между самосознанием молодежи Японии и России в конце 80–90-х годов. Он считает, что в обеих странах имело место крушение идеалов: в России в результате краха советского строя, а в Японии в результате кризиса системы пожизненного найма, гарантировавшей человеку определенные блага. Обе страны активнее стали выходить в окружающий мир и смотреть на себя со стороны. Вследствие этих причин у молодежи обеих стран вызывает сочувствие герой, который сталкивается с ситуациями, для выхода из которых нет общественных рекомендаций, чьи поступки, мысли, сомнения в поисках выхода – всегда импровизация. Импровизацию как наиболее естественную форму бытия и предлагает молодежи Мураками, заключает Д. Коваленин.

² См. <http://www.susi.ru/HM>.

³ Там же.

Однако сами читатели, не отрицая того, о чем говорит Коваленин, называют и другие причины привлекательности его творчества. В Интернете, на сайте Мураками Харуки его читателями, в основном молодыми людьми, написаны отзывы, замечания, критические статьи, очень разные по стилю и по степени профессиональности литературоведческого анализа, но в равной степени равнодушные. Обобщая эти материалы, можно заключить, что читателей привлекает, с одной стороны, ощущение собственной схожести на героев Мураками, о чем и говорит Коваленин, а с другой – то неуловимо японское, что присутствует в его произведениях, несмотря на изобилие популярных в среде молодежи всего мира названий и реалий западного происхождения, из-за которых трудно понять, где именно происходит действие.

Один из читателей (М. Немцов), возражая Д. Коваленину по поводу наличия в произведениях Мураками «яркой и индивидуальной позиции» и «героя своего времени», соглашается с тем, что у героя много общего с ним самим и окружающими его молодыми людьми. Вот что он пишет: «Нет “героя своего времени”. Нет “прочувствованной и осознанной позиции”, есть маленький человечек, и ему по-настоящему страшно. Одному. Потому что ни толпы, ни, тем более, читателей вокруг тоже нет. Вернее, ему до них нет дела, как никому другому в этих многомиллионных метрополиях нет дела до него. Они – такие же чудовища... Поэтому, среди прочего, абсолютно все равно, где происходит действие романов Мураками... Он подводит к вопросам, а не задает и, тем паче, не отвечает на них. Такое себе приглашение к танцу. Invitation to the blues. А дальше он пока не придумал. Оттого-то и тоска, оттого и блюз неплохого человека, которому довольно плохо. Такого же маленького человека из толпы, как ты и я, дружок, которому хочется стать еще меньше...»⁴.

Другой читатель особо подчеркивает, что в произведениях Мураками подкупает «таинство современной Японии, любовь к которой должен испытывать каждый россиянин. А связывает нас с Японией множество историй и сказок, похожесть которых и кидает нас в объятия прозы Мураками Харуки»⁵. Судя по количеству отзывов, помещенных на сайте Мураками Харуки, большинство читателей разделяют приведенные выше мнения.

Похоже на то, что русский читатель в «отдающем Западом» Мураками все-таки находит нечто абсолютно японское, и оно является для него не менее притягательным, чем узнавание себя в его героях.

Правомерность вывода о том, что с точки зрения русского читателя (речь идет не о тех, кто, находясь в плену определенных стереотипов,

ищет специфически японский, экзотический колорит, а о читателях, вдумчивых и размышляющих, готовых делиться своими размышлениями) вся японская проза от раннего средневековья до настоящего времени имеет общие характерные особенности, подтверждает и статья, опубликованная на сайте «Книжная витрина в Интернете»⁶. Ее автор – критик Екатерина Гринько. Статья называется «Не только Мураками» и посвящена она сборнику «Он. Она», вышедшему в издательстве «Иностранка» в 2001 г.

Составители сборника профессор-русист из Токийского университета Нумано Мицүёси и Григорий Чхартишвили при его подготовке руководствовались следующими принципами: отобрать произведения, созданные в 80–90-х годах XX в. и неизвестные российскому читателю, дабы он мог получить представление о современной японской литературе, познакомиться с разными направлениями – от классики до авангарда. Действие рассказов происходит либо в современных городах, либо в фантастических пространствах. Герои – обыкновенные люди, озадаченные обычными проблемами. От японского колорита, как и в произведениях Мураками, нет и следа, и все же мнение автора статьи, как и читателей, сводится к тому, что «традиционность, задумчивость, причудливость, эстетизм остались неотъемлемыми признаками японской прозы». Даже в мистических рассказах Эдогава Рампо (это – псевдоним в честь Эдгара Алана По, а настоящее имя писателя Хираи Таро) русский читатель находит то общее, что пронизывает всю японскую литературу. Его произведения несут на себе несомненную печать влияния знаменитого романтика и фантаста. Об этом также пишет Екатерина Гринько, называя японского писателя «мастером ощущений», и, судя по отзывам читателей, находит у них полное одобрение: «Японская литература во многом построена на ощущениях, поэтому трудно писать об этом. Ибо ощущения сложно передавать текстом, да еще и нехудожественным. Эдогава силен именно этим – после прочтения его рассказов остается память образов, красок, запахов и... чего-то еще, неуловимого... Очарование японской прозы составляет отнюдь не железная логика и остросюжетность... Мне кажется, Эдогава Рампо – это больше, чем “детектив плюс мистика”. А вот, чем больше – трудно объяснить. Наверное, потому что он мастер ощущений, а ощущения не поддаются “проверке алгеброй”»⁷. Действительно, недосказанность, присущая японской литературе, требует особой

⁶ Не только Мураками – Ежедневный информационный бюллетень «Книжная витрина». – <http://optkniga.ru/kv/review.asp?book>.

⁷ <http://opt-kniga.ru/kv/review.asp?book=917> Мастер ощущений. – Ежедневный информационный бюллетень «Книжная витрина».

⁴ <http://www.susi.ru/HM/nemtsov.html> – Немцов М. Блюз простого человека.

⁵ <http://9-03.olo.ru/news/culture/9405.html> – Пикунцова Елена. Квесты по «Норвежскому лесу».

выразительности образов, воспринимаемой не столько рационально, сколько эмоционально.

Возвращаясь к ставшему культовым писателем Мураками Харуки, хочется подчеркнуть, что он также выводит читателя на некий интуитивно-эмоциональный уровень познания категорий, неподвластных логическому объяснению. Однако, апеллируя к чувствам и воображению сегодняшнего читателя в лучших традициях японской литературы, он составляет коллажи из современных реалий. Западные реалии не вводят читателей в заблуждение, и при всем узнавании себя в героях Мураками они называют его произведения «японскими» по духу.

В связи с этим встает принципиально важный вопрос о том, что в России понимают под «японским». Многие исследователи, как в России, так и в Японии, считают, что в восприятии образа Японии в России есть определенные стереотипы. В частности, японский русист Нумано Мицуёси отмечает его присутствие в сознании российских читателей, которые «не подозревают, насколько изменилась японская литература», и по-прежнему хотят видеть «красоту Японии». Однако здесь необходимо подчеркнуть, что в России достаточно широк круг людей, которые в отличие от массы «поклонников» японской культуры, действительно находящихся в плену устоявшихся стереотипов и ищущих, прежде всего, экзотику, далеки от искания пресловутой «японской красоты». Национальное своеобразие (независимо от того, о каком народе идет речь) в принципе воспринимается ими не как видимая экзотика, а как особенность мировосприятия и порожденная народом система нравственных и художественных ценностей. Эта категория читателей умеет различить в произведении талантливого автора свойственную его народу «манеру понимать вещи», которая, как говорил Белинский, отличает один народ от другого.

Исследование читательских мнений позволяет сделать вывод о том, что российский читатель находит как в прозе, так и в поэзии, новую для себя, но неизменную в основе своей «манеру понимать вещи». Это дает ему возможность посмотреть на мир сквозь призму новых идейных и эстетических ценностей. Именно это обстоятельство дает основание считать, что отношения русского читателя с японской литературой состоялись.

Специфические черты японской литературы, то характерное, что несет она в себе независимо от времени создания конкретных произведений, восприняты в России и стали одним из факторов, формирующих сегодня ее интеллектуальный климат. Об этом свидетельствуют проводимые периодически конкурсы среди поэтов, пишущих в жанре *хайку* на русском языке.

Как известно, *хайку* – это не просто короткое стихотворение, создаваемое по особым поэтическим канонам, оно несет в себе глубокий философско-поэтический смысл. Эта форма, соответствующая определенному мировоззрению, оказалась особенно привлекательной для русских поэтов, и попытка увидеть мир сквозь призму *хайку* неожиданно дала замечательные результаты.

Тон был задан достаточно давно, когда В. Н. Маркова, благодаря переводам которой жанр *хайку* получил известность и завоевал популярность в России, написала коротенькое стихотворение:

Охалпа осенн, х л, стьев,
Сячмятыгтягаешья,
Кн, га,якн, га?!я

Его можно было бы принять за *хайку* японского поэта. Действительно, по лаконичности формы, глубине мысли, по содержащемуся в нем чувству любви и восхищения природой оно напоминает стихотворения этого жанра. Русскому читателю, традиционно воспитанному на поэзии со строго определенной формой стиха, одним из условий которой является рифма, благодаря этим переводам впервые открылась возможность нового видения и понимания мира. В силу необычности формы оригинала, стало очевидно, что поэтическое чувство может быть призмой, через которую привычный мир открывается новыми гранями.

В 1998–1999 гг. на конкурс, объявленный посольством Японии в России, были присланы 12 тыс. работ. Их авторы – поэты и просто любители. Конечно, далеко не все работы можно отнести к поэзии *хайку*, но есть среди них прекрасные образцы. Вот, к примеру, один из них:

Водаяпрозрачна.я
Вянейярыбкаянеподв, жная
Толькоячтоябыла.яя

Жительнице Санкт-Петербурга Вере Есауловой удалось на русском языке так же, как и японским поэтам на японском, в лаконичной форме выразить не только красоту природы и мгновения, но и ее неуловимость.

Марина Гаген из Челябинска в своем *хайку* показала, каким причудливым может быть самое обыкновенное явление:

Вятен, яветвейя
Скачетяя
Теньяворобья.яя

И, наконец, два *хайку*, присланные на конкурс, проводимый среди детей. Их авторы – Алеша Киященко из Белгорода и Юра Шелков из Красноярска:

Речкаязамерла.яя
 Русалк, я
 Катаютсяаяняжонька. .я
 Т, . , йяутренн, йяснег.я
 Л, шьяфортчкая. лопнулаягде-то.яя
 Первыйяпро. ож, йя, дет.я

Вполне поэтично и нетрадиционно для русской поэзии переданы и волшебство русской зимы, и атмосфера тихого зимнего утра⁸.

Приведенные примеры в полной мере говорят о том, что форма хайку воспринята в России так же, как некогда был воспринят и освоен сонет.

Более того, этот жанр настолько прижился в России, что в пору говорить не о хайку на русском языке, а о русских хайку. Они в большом количестве печатаются в Интернете в журнале «Лягушатник» (само название которого является реминисценцией из хайку Басё), на сайте, специально посвященном этому жанру, а с некоторых пор в альманахе поэзии хайку «ХАЙКУМЕНА».

Помимо по-настоящему поэтических хайку, создаются иронические, сатирические, подражательные, пародийные хайку. Словом, в России не только воспринято поэтическое видение сквозь призму хайку, но и происходит своеобразное «обыгрывание» этого жанра. Примером может служить преподнесенный читателям издательством «Красный матрос» сборник «Бабочки полет или хокку плюс» Германа Лукомникова (Москва–Санкт-Петербург, 2001), который представлен читателям как «соавтор знаменитых японских поэтов». Используя переводы В. Н. Марковой из сборника хайку «Бабочки полет», который неоднократно переиздавался в 90-е годы, Герман Лукомников продолжает трехстишия, приписывая к ним четвертую строку. Получаются более привычные для русского уха четверостишия с рифмой, в которых лирический «запев» неожиданно находит парадоксально-сатирическое завершение:

Цветьясурепк, явокруг,я
 Паязападеягаснетясолнце,я
 Лунаяявостокеявстает.я
 Спокойнойяноч, ,японцы.я

Завершает этот сборник следующее четверостишие:

Сред, ягустоиятравья
 Л, шьяпосо. , япаломн, ковя
 Дв, жутсяявдал, . . .я
 Доп, саляЛукомн, ковя

⁸ Материалы конкурса 1998–1999 гг.

Появление подобного рода сборников является еще одним свидетельством того, что японская литература вписалась в интеллектуальную жизнь русских читателей, и что спектр ее функционирования стал чрезвычайно богат, а порою парадоксален. Она стала необходимым атрибутом всего модного, в чем необходимо разбираться для того, чтобы «быть на уровне». Намек на подобное положение вещей содержится в романе Александра Соколова «Школа дураков», в котором рассказывается о том, как двое машинистов беседуют о хайку Басё. Обсуждая вопрос, что такое лаконизм, они приходят к выводу о том, что можно сократить число вагонов.

В то время как в России усиливался интерес к Японии и ко всему японскому, в Японии, наоборот, интерес к русской литературе заметно шел на спад. В частности, профессор Нумано Мицуюси в статье «От стереотипов к творческому осмыслению», опубликованной в журнале «Джапон» в 2003 г., подчеркивая роль русской литературы в формировании современной японской литературы, пишет: «К сожалению, русская классическая литература уже не пользуется такой огромной популярностью... Исключение составляет маленькая школа писателей русофилов, многие из которых учились на отделениях русской литературы в различных университетах (большой частью в университете Васэда)». Тем не менее, крупные издательства, такие, как «Гундзосья», «Иванами», по-прежнему издают русскую классику вперемежку с произведениями писателей русского зарубежья и произведениями современных российских писателей, чьи имена появились в самое последнее время, но очень небольшими, «осторожными» тиражами.

Удивительно то, что снижение интереса к русской литературе происходило в период, когда стал меняться стереотип, существовавший в сознании японцев по отношению к самой России, когда добрососедские отношения перестали казаться невозможными, и зародился интерес к России, к ее нравам и обычаям. В этих условиях более востребованной оказалась конкретная информация. Многочисленные выставки и передачи по телевидению, посвященные России стали пользоваться большим успехом у японцев.

Причину снижения интереса к русской литературе японские русисты видят в том, что литература советского периода не отвечала вкусам японских читателей, не отличалась особой художественностью и поэтому не вызвала интереса у исследователей, в результате чего сократилось число переводов и, соответственно, читателей. Образовался своеобразный замкнутый круг, как говорит один из самых активных исследователей русской литературы Нумано Мицуюси.

В 60-е годы на японский язык были переведены получившие всемирную известность произведения Солженицына, Евтушенко, Аксенова,

которые даже пользовались определенной популярностью. Для японцев, воспитанных на Тургеневе, Чехове Толстом и Достоевском, произведения этих литераторов были привлекательны новизной и заключенной в них информацией о жизни в советской России, несущей как горькую правду, так и надежды. Однако в 70–80-е годы число переводных изданий резко сократилось. Единственным читаемым современным русским писателем оставался Солженицын.

Во время перестройки, когда в СССР была провозглашена гласность, среди определенной части любителей русской литературы в Японии наблюдался стойкий интерес к особенностям литературного процесса этого периода в России.

С советской и новой русской литературой японских читателей в течение долгого времени продолжал знакомить выпускаемый раз в квартал издательством «Гундзося» журнал «Советская литература», который вряд ли пользовался популярностью у широкого читателя.

Следует отметить, что большая часть произведений русской литературы, издаваемой сегодня в Японии, приходится на долю этого издательства. Стремясь привлечь внимание читателей к произведениям русских авторов, в различные материалы рекламного характера издательство помещает следующую «характеристику» русской литературы: «Произведения русских писателей удивительны, занимательны и вместе с тем философски глубоки. Когда возникает желание поразмышлять о том, кто вы есть, когда переполняет возмущение несправедливостью царящей в мире, читайте произведения русской художественной литературы. Русская литература говорит словами, передающими и радость бытия, и пережитую боль. Основой художественного произведения в России становятся как глубокие идеи, так и длинные истории, занимательные настолько, что проглатываются в один миг». Получается, что подобно тому, как читатели в России ищут в японской литературе новое видение мира, в Японии хотели бы находить в русской литературе «глубокие идеи» и раздумья над тем, что волнует человека. Что же было предложено японскому читателю в 90-е годы, помимо хорошо ему известных Достоевского и Толстого?

Список произведений русской литературы, вышедшей в различных японских издательствах (кроме «Гундзося», произведения русской литературы печатают издательства «Дзидзицусинся», «Иванами») достаточно разнообразен и не поддается никакой систематизации, в нем представлены произведения, относящиеся как к подлинной литературе, так и к аудиозной, не имеющей однозначного признания и оценки в России⁹. Здесь и Бабель с его самобытным юмором и иронией,

⁹ К сожалению, не удалось выяснить, каким тиражами издавались те или иные произведения.

представленный «Одесскими рассказами», и М. Булгаков с его знаменитыми романами «Мастер и Маргарита» и «Белая гвардия», и Иван Бунин, и спорный В. Сорокин, и фантастика братьев Стругацких, и женская проза Л. Петрушевской, Т. Толстой, В. Нарбиковой, и детективы Б. Акунина, и современная «литературная поппа», и рождественские рассказы И. Шмелева, и «Медный всадник» А. Пушкина, и стихотворный «Дневник Вероники» Г. Айги, и переписка Бориса Пастернака с Ольгой Фрейденберг, и многое другое.

Казалось бы, в Японии переводится русская литература на все вкусы и возрасты. Тем не менее, собрать большую аудиторию в Японии русской литературе не удалось. Следует признать, что современная русская литература, построенная на боли и надеждах, а порой и на отчаянии, понятных лишь тем, кто варится в котле российских перемен, могла быть по-настоящему понятна лишь той части японских читателей, которые, будучи хорошо знакомы с русской литературой прошлых лет, в особенности с литературой XIX – начала XX в., с интересом следили за событиями, происходящими в России, и за исканиями современных русских авторов, ищущих новые способы художественной выразительности для изображения нашей новой действительности.

Что касается спорной с точки зрения художественности литературы с неформальными, а порой, и не цезурными выражениями, которыми не пренебрегают многие авторы, обыгрывающие сложности нашей жизни, то вряд ли она могла взволновать японского читателя. К современной русской литературе вполне применимы слова Оэ Кэндзабуро: «У каждой эпохи есть свои произведения – символы. Они вовсе не являются шедеврами художественности. Но подобно чуткому сейсмографу точно регистрируют сотрясения почвы и именно потому остаются в истории литературы и прозы». (Интересно отметить, что характерной особенностью японской прозы последних двух десятилетий Оэ Кэндзабуро считает безыдейность, ломку традиционных ценностей, намеренную углубленность в повседневность и детали быта.) Не удивительно поэтому, что сегодня современная русская литература вызывает интерес, если не сказать любопытство, либо у тех, кто хорошо знаком, с классической русской литературой, либо интересуется состоянием дел в нашей стране, а обычные читатели нашим сиюминутным «произведениям-сейсмографам» предпочитают Бунина, Шмелева и Пастернака. Может быть, и есть сегодня в России произведения, которые могли бы увлечь читателя в высокий мир идей, однако японский читатель с ними пока не знаком.

Однако взаимодействие сил в мире литературы не ограничивается читательским интересом. Есть и другой уровень, на котором происходит взаимодействие литератур, – собственно филологический, предпола-

гающий не только идейное, эстетическое и познавательное воздействие на читателя, но и обогащающее взаимовлияние на литературный процесс в целом.

Вопрос о взаимодействии литератур с чисто филологических позиций выходит за рамки данной статьи, но он настолько значителен, что должен быть обозначен хотя бы кратко. Российская японоведческая школа по праву гордится многочисленными исследованиями в области, как творчества отдельных японских писателей, так и истории японской литературы, ее жанров и поэтики. Однако за последние десять лет она не очень обогатилась новыми работами¹⁰, тогда как в Японии исследования, посвященные русской литературе, как художественной, так и теоретической по вопросам литературоведения, удивляют своим количеством и разнообразием. Достаточно посмотреть сборники «Славистика» и журнал «Васэда бунгаку», выпускаемый университетом Васэда.

Остается надеяться, что подобный дисбаланс – явление временное, вызванное конкретными обстоятельствами, и состояние, когда две литературы гармонично дополняли одна другую, обогащая духовный мир обоих народов, будет восстановлено.

Список произведений русской литературы, вышедшей в различных издательствах Японии в 90-е годы

Абрамов Ф. Деревянная лошадка; Пелагея
 Акунин Б. Азазель; Падший ангел
 Айги Г. Сборник стихотворений; Дневник Вероники
 Ахматова А. Белая стая
 Бабель И. Одесские рассказы
 Белов В. Жители деревни
 Бродский И. Римская элегия; Мрамор; Стихи о Венеции
 Булгаков М. Мастер и Маргарита; Белая армия
 Вампилов А. Прошлым летом в Чулымске
 Гоголь Н. Ревизор; Женитьба
 Чехов А. Чайка
 Гранин Д. Зубр
 Довлатов С. Чемодан; Наши
 Ерофеев Венедикт; Москва – Петушки

¹⁰ Нельзя сказать, чтобы совсем не было исследований в этой области, но в основном они относились к памятникам древней и средневековой литературы и выполнены были средним поколением японистов, как правило, авторами, опубликовавшими художественные переводы. Исследовательских работ по новой и современной японской литературе почти нет.

Ерофеев Виктор. Русская красавица
 Каверин В. Верлиока
 Кедров К. Записки звезды
 Ким А. Белка
 Максимов С. Времена года на Волге
 Набоков В. Сборник рассказов
 Нарбикова В. Около эколо
 Окуджава Б. Путешествия дилетантов
 Орлов В. Альтист Данилов
 Пастернак Б. Сестра моя жизнь; Переписка с Ольгой Фрейденберг
 Пелевин В. Жизнь насекомого
 Петрушевская Л. Время ночь
 Платонов А. Сборник произведений
 Пушкин А. Медный всадник; Евгений Онегин (подстрочник)
 Приставкин А. Ночевала тучка золотая
 Распутин В. Прощание с Матёрой
 Рыбаков А. Дети Арбата
 Семенов Ю. Семнадцать мгновений весны
 Солженицын А. Сборник произведений
 Сорокин В. Роман; Любовь
 Стругацкий А., Стругацкий Б. Волны гасят ветер; Сказка о тройке; Юноша, пришедший из ада; Город исчезновения;
 Пикник на обочине
 Трифонов Ю. Ее жизнь
 Толстая Т. У Золотого подъезда
 Цветаева М. Тебе через сто лет
 Шмелев И. Русские рождественские рассказы

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ РОССИИ И ЯПОНИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

В XX веке интерес и тяготение России к японской культуре были отмечены двумя упущенными возможностями. Одна из них относится к рубежу веков. То, что Америка и Франция в эпоху Мэйдзи черпали горстями, до России дошло в усеченной форме и недостаточном объеме, отразившись в уникальном, но узком секторе культуры Серебряного века (восприимчивого, впрочем, ко всем общемировым культурным влияниям) и породив русский «капонизм». В этом смысле показательно, что интерес к японской культуре пришел в Россию через посредничество Франции, поскольку прямой культурной цепочки Россия–Япония не существовало. Эти разрозненные веяния были осложнены войной 1904–1905 гг. В то же время Западная Европа без ограничений импортировала японскую культуру и вполне смогла интегрировать ее в собственное социокультурное пространство, где ею воспользовались и художники-импрессионисты и философы-экзистенциалисты.

Русско-японская война только подтолкнула интерес общества к Японии, сделав импортированную фантазию реальным, а значит, более привлекательным явлением. Но когда Европа после первой мировой войны восстанавливала разрушенные связи, Россия уже выпала из этого сообщества. Революция поставила политический барьер, в том числе культурному сближению России и Японии.

В год столетия реставрации Мэйдзи (1968) Запад и Япония, которая к тому времени в течение 17 лет была членом ЮНЕСКО, уже могли подводить промежуточные итоги взаимного культурного влияния в архитектуре, декоративном и изобразительном искусстве: «С давних пор японское искусство испытывало в тех или иных формах влияние европейского искусства. Но сегодня европейское видение мира, традиционное со времен Ренессанса, переживает кризис, и теперь уже японское искусство, со всей его глубиной и подлинностью, предлагает

художникам Запада возможный выход из тупика... Столетний опыт взаимного влияния западного и японского искусства стал основой сегодняшнего небывало тесного их сближения. Запад заново открывает для себя философию искусства Востока и находится в поиске, пытаясь соединить западную и незападную культуры. В то же время западные художественные принципы уже восприняты в Японии и пускают новые корни»¹.

Безусловно, свою существенную роль в этой интеграции Японии в мировое сообщество сыграла экспансия американских ценностей и образа жизни в послевоенный период.

Советскому Союзу повезло едва ли не на единственную официальную выставку современного японского искусства (1957 г.), которая проводилась в ознаменование восстановления дипломатических отношений России и Японии. Что касается неофициальной стороны знакомства советских людей с японской культурой, оно носило «трофейный» характер (причем куда более ограниченный, чем в случае с Германией), к тому же благополучно перемешивалось с идеологически близкой СССР китайской культурой. В немногих популярных изданиях тех лет неизменно, как того требовала советская политическая логика, подчеркивалось «огромное влияние великого Китая» на японскую культуру.

Количественный фактор в перспективе жизни и истории всегда получает перевес над качественным. Последующее развитие культурных русско-японских связей демонстрирует, что прерывание этого процесса на самой ранней стадии имело драматические последствия для совместного будущего России и Японии. Нужно сразу оговориться, что этот процесс, как, впрочем, и сегодня, был, скорее, односторонним. В этом тоже большое отличие по сравнению с развитием отношений между Японией и Европой или США, где процессы влияния были взаимными.

Итак, столетие Мэйдзи подвело итог внешнему, декоративному периоду освоения Западом Японии, и Россия пришла к нему практически с нулевым счетом. Превращение Японии в экономическую сверхдержаву – время второго упущенного Россией шанса. В 80-е годы Запад переболел Японией в более тяжелой форме. Вот как описывает это британский исследователь Ян Бурума: «Японские авторы писали книги о грядущем японском веке: сегодня Япония, завтра весь мир. Иностранцы писали о грядущей войне с Японией, или о всепобеждающей иене, или о неукротимой японской системе, которая может быть обуздана только ее же собственной, равной по воинственности, индустриальной

¹ Mutual influences between Japanese and Western Art. National Museum of Modern Art. Tokyo, 1968.

полицией. Западные бизнесмены зачитывались трактатами XVII в. о стратегии самураев. Книги по японскому менеджменту незамедлительно становились бестселлерами. Казалось, что великому японскому процветанию не будет конца². До России опять же докатилось лишь слабое эхо этого панического восторга, отразившись только в двух публицистических работах В. Овчинникова и В. Цветова.

С начала 70-х годов в Советском Союзе уже издавалась апробированная японская классика, время от времени выходила специальная и популярная литература, состоялось знакомство с японским кино, было представлено об икэбана и бонсай. При этом все предметы узнавания проходили через предварительный идеологический фильтр. Культурный японский продукт, предлагаемый советскому вниманию, должен был отвечать двум признакам: либо проверенный идеологической близостью (пролетарский писатель, народный промысел), либо классической далью. И первое, и второе означали снижение актуальности.

В утративших былую динамику США и Европе экономический взлет Японии стимулировал общекультурный интерес к ней, некоторым образом поиск духовных корней ее материального благополучия. В Советском Союзе этот период был осознан в первую очередь идеологически – как факт выдвижения страны в первые ряды экономически развитых капиталистических держав. И осознание этого факта, напротив, подтачивало даже самые невинные культурные связи и призывало к большей осмотрительности, в том числе в культурных обменах. Немного позже испытания имперского развала пресекли на время культурную любознательность россиян, поставив перед ними проблемы личного выживания (как материального, так и духовного).

Несколько последних лет в России активно и широко идет процесс освоения японской культуры, как ее традиционных художественных форм, так и потребительских, бытовых. По интенсивности его трудно назвать иначе, чем культурным реваншем за период долгой разобщенности обеих стран и, как минимум, за две названные упущенные возможности. Причем этот процесс носит последовательный характер одомашнивания когда-то экзотической культуры. Несмотря на то, что европейцы приобщились к японской культуре в ее разнообразных формах намного раньше россиян, они и по сей день сохраняют благоразумную дистанцию, вполне разделяя артефакты на свое и чужое. Впрочем, энтузиасты и фанатики найдутся в любой нации, есть также люди, которым время от времени нужна инокультурная вакцина, и чем она экзотичней, тем лучше. Однако между холодной благосклонностью

² *Buruma Ian. Inventing Japan. L., 2003, p. 143.*

и фанатизмом лежат восприимчивость и высокая способность к адаптации, столь свойственная русскому характеру, который стремится максимально обжить среду и отыскать единство в противоположностях.

Между тем такое отсутствие дистанции довольно иллюзорно. Пока это поверхностная любознательность, она не порождает культурных конфликтов. Но чем дальше, перефразируя Умберто Эко, в культурные леса, тем лучше понимаешь, что там действуют определенные правила игры, а также, что там нужно разумно выбирать пути, или же мы «обречены заблудиться в лесу, раз за разом неправильно выбирая дорогу»³.

Говоря о знакомстве советского (а затем российского) общества с культурой Японии, хотелось бы сознательно оставить немного в стороне российское японоведение, традиционно высоко ценимое во всем мире. В течение советского времени в России развивалась в основном академическая сторона изучения японской культуры, литературы и обычаев, и эти вопросы находились в ведении узкого круга профессионалов. Формат цехового знания, глубокого, но неприменимого практически, не вносит существенной доли в культурное взаимопонимание двух народов. (Хочется надеяться, что сегодня наступает тот благоприятный момент, когда представители масскультуры и профессиональное сообщество готовы вместе осваивать некую единую культурную территорию в интересах общего развития.)

Что касается широкой общественности, то хотя культурные интересы советского народа поддерживались на очень приличном уровне, именно Япония оставалась предельно камерным направлением для узкого круга любителей. Зачем Япония, когда под боком неисследованная Европа, которая стала доступнее благодаря странам социалистического лагеря? Бесспорно, что культурные связи сохраняют жизнеспособность и актуальность даже в эпохи, когда связи другого рода (экономические, политические, торговые) ущемлены в правах. Тем не менее, в ситуации, когда умозрительное знание не подтверждено эмпирикой, недалеко до чувства, что Японию картографы придумали. В этом смысле ближе и понятнее была даже Африка, поскольку советские специалисты занимались там мелиорацией пустынь и строительством АЭС.

Корюсай в Киевском музее или Хиросигэ в Эрмитаже, японская поэзия в Библиотеке мировой литературы или даже нэцкэ, которыми прибыльно спекулировали в конце 70-х годов, создавали очень фрагментарную картину, существуя вне контекста. Следовательно, не было шанса на их понимание. Такие культурные осколки оставляли большое

³ *Эко Умберто. Шесть прогулок в литературных лесах. СПб., 2002, с. 16.*

пространство для искажений и фантазий и могли (как и происходило) в лучшем случае деформировать картину японской жизни и культуры в частности. Деформация при этом не означает негативного восприятия, скорее наоборот, она ведет к идеализации, построению фантома и, как следствие, к грядущему разочарованию. В худшем случае такая неполнота картины отталкивала неподготовленного к ее восприятию инородца.

Во всех сферах культуры происходило примерно то, что директор Музея кино Н. Клейман описал применительно к участи японского кинематографа в СССР: «Было представление, что Куросава – одинокий гений: как гора Фудзи – также стоит Куросава, а больше никого и нет. Мы никогда не знали даже имен Идзикава или Kobayasi. Не только простые зрители – и специалисты не знали. Все поменялось только в 80-е годы, в перестройку. Во-первых, посольство активизировалось, а во-вторых, появились возможности, которые уже не были ориентированы только на членов компартии, на социально-значимые проблемы»⁴.

Принято считать, что перестройка открыла широкие возможности для ощущения единства бывших советских граждан с остальным миром, упразднила идеологические предубеждения, открыла границы, что и произвело переворот в их умах и предпочтениях. Не отрицая этого, важно учитывать, что 97% населения не смогли воспользоваться своими новыми возможностями, а преимущественное большинство не может сделать этого и сейчас, спустя почти 20 лет. Скорее, более правильно говорить, что был запущен не только экономический движок, но и зачастую куда более мощный другой механизм – внутренней работы нации, переоценки и осмысления своего багажа. Чувство культурной истощенности совпадает, как правило, с периодами кризисов. Это и происходило в России в последние десятилетия. Преодоление духовного кризиса может совершаться разными путями. Один из них, условно говоря, вертикальный, или интенсивный – погружение в собственные корни, историю. Другой – горизонтальный/экстенсивный – попытка выхода за пределы собственной культуры и поиски в чужих культурах.

Здесь возникает одна невыгодная параллель, порожденная новейшей историей. Автору приходилось слышать мнение образованных японцев, что «русские тянутся к Японии, растеряв свои ценности». И тянутся к ней потому, что Япония в эпохи кризисов свои ценности не только не растеряла, но обновила и упрочила. Такой обобщенный подход побуждает прибегнуть к математике. Если подсчитать скрупулезно, то выяснится, что, может быть, всего 7–9% населения в России явно

⁴ Интервью автору главы, март 2004 г.

и активно потянулись именно к Японии (преимущественно в крупных городах с более высоким уровнем жизни), но в нашей многомиллионной стране даже эта мелкая цифра дает высокий количественный показатель, лестный для японцев.

Ради объективности стоит отметить, что поворот к Востоку и Японии в частности произошел у россиян не вдруг, с наступлением 1987 г. Первый кризис, который породила перестройка, был более насущный – потребительский. В этот период потребительского кризиса обделенные массы тянулись, скорее, к Западу с его закромами, нежели к мифологическому Востоку. Духовный голод осознали, когда был утолен физический, и тогда состоялся поворот к Востоку. Выбор направления для русских, по счастью, широк. Но как бы широк он ни был, никуда не деться от географической закономерности. Как и раньше, чтобы дойти, докатиться до Японии, иноземные племена преодолевают срединную равнину Китая. Первые рестораны экзотической кухни, появившиеся в постперестроечное время, были китайскими, первый зеленый (после калмыцкого) чай, был тоже китайским. Первые книжки с невнятным иероглифом на форзаце, были сборниками китайских поэтов. И сейчас процент синофилов не ниже, а то и выше, чем японофилов. Хотя уже сейчас можно сделать вывод, что китайская волна схлынула, продержавшись куда меньше, чем японская. Это сегодня виден бесспорный перевес всего японского над всем китайским, но еще три-четыре года назад официальные японские лица убеждали российских журналистов не путать две такие разные нации и культуры. Однако и сейчас одна из свежих тем на профильных форумах в Рунете звучит как «Что кому ближе – Китай или Япония?» (www.tus.ru от 07.03.04). Вот один из характерных комментариев: «А я теперь уж и определиться не могу. Поначалу изучал культуру Китая, но вот стал смотреть аниме и... пока одно другому не мешает».

Все это говорит к тому, что Японии следует осознавать по-прежнему важную роль Китая как культурного посредника между собой и Россией. Среди актеров, журналистов и (что особенно важно) литераторов молодого поколения очень много тех, кто на первом этапе прошел через увлечение китайской классической культурой, затем переориентировавшись на Японию. Другими словами, затягивая европейскую личность в культуру Дальнего Востока, красочный, яркий Китай хорошо использовать в качестве приманки, но подлинной западной является Япония. Во всяком случае, Китай как посредник выглядит более аутентичным по сравнению с США, популяризирующими Японию посредством «Kill Bill», «Last Samurai», и «Lost in translation» (последний пример, впрочем, несправедливый и не заслуживает быть в этой связке). Америка оказала России также дурную фонетическую

услугу, почти вытеснив классическую русскую традицию произнесения «с/з», а не «ш/ж» (Цусима, Куроисио и Фудзи) в словах с балансирующей японской фонемой, и теперь большинство русских произносят суШи, КикудЖиро, ТоШиба, переключившись с классической на фонетику потребительского рынка. Словесники не могут не скорбеть об этом факте.

Хотя сегодняшнее развитие русско-японских связей в целом внушает оптимизм, существуют объективные трудности для взаимопонимания таких полных народов, как русские и японцы. Прежде всего, это диктуется абсолютной разницей культурных кодов: Россия как страна преимущественно словесной культуры и Япония как страна преимущественно ремесел должны испытывать неминуемые затруднения при любой попытке взаимопонимания.

Иностранность культуры проявляется уже на самом поверхностном уровне и в простых признаках – что же говорить о базовых артефактах. Каллиграфия в Японии является одним из видов искусства; т. е., пусть даже ныне архаичное, японское письмо самоценно, приравнено к художественным работам. Если особым, искусным начертанием русских букв наслаждается, пожалуй, только Акакий Акакиевич⁵, потому что других радостей в его жизни мало, то искусство каллиграфии в японской литературе любой эпохи поминается многократно. Для японца стройность символа и точность кисти рожают особый смысл. А вот мнение европейского поэта.

...Ная- онеяеячеловекауродл, вя
я, ястрашен, якая, ерогл, -⁶.

Точно так же лица самураев на знаменитых гравюрах Утагава Кунисэи неискушенный русский наблюдатель вряд ли опишет иначе, чем уголовные, хотя вероятно, даже гротескным методом, их выражение было призвано передать высоту духа и твердую решимость. На выставке японской гравюры из собрания Музея Востока, представленной в галерее Сергея Андрияки в 2001 г., приблизительно такие недоуменные оценки посетителей и приходилось слышать. Точно так же, как полунасмешливую реакцию вызывали одутловатые лица и искаженная анатомия японских красавиц. Красоту, в конце концов, можно найти во всем, но проблема именно такова, что для рожденных в другой эстетической системе эта красота не самоочевидна. Отсюда проистекают и другие каноны уродства. Идя дальше, необходимо признать, что понятия о добре и зле у нас тоже различаются.

⁵ Персонаж повести Н. Гоголя «Шинель».

⁶ Бродский И. «Письма династии Минь». Перемена Империи. Стихотворения 1960–1996. М., 2001.

Можно вспомнить и другие примеры. На фестивале японского кино–2001 с аншлагом прошел фильм Нагиса Осима «Табу» (по восьми сеансов в день с ночным нон-стопом). В фильме использовалась, в частности, стилистика подписей и крупных портретных планов в духе якуся-э (гравюры, изображающие актеров). Раз за разом этот прием вызывал смех в зале, хотя публика пришла не самая случайная. Но даже куда более интернациональный и доступный, чудесный фильм «Все о нашем доме» на Фестивале японского кино–2003 был понят едва ли наполовину, поскольку большая часть зрителей не имеет представления о принципах существования японской семьи, проблемах с землей и недвижимостью, или формате японского телевидения, для которого пишет сценарий главный герой.

Точно так же не самоочевидны и принципы межличностного общения – слишком разные у русских и японцев. Вертикальная иерархия в межличностных отношениях – это меньшее, что можно сказать о японском формате общения.

И, наконец, крайне важный аспект – это религия как базис для общей культуры. В постперестроечной России к религии вернулась ее бывшая важная роль, в то время как в Японии, пожалуй, вопросы веры сейчас трактуются в облегченной манере. Но даже не присутствуя в активной форме в жизни современного человека, религия переходит в бытовую культуру, в ежедневную речь с ее пословицами и поговорками, превращается в суеверие и прячется в инстинктивном поведении. Каждодневная жизнь современного, пусть и неверующего, человека определяется религиозными корнями его нации больше, чем он может себе представить. Нет смысла говорить, насколько разнятся в качестве культурной базы христианство и буддизм (или синтоизм); гораздо сильнее, нежели колокольный звон и барабанный бой – два традиционных призыва верующих на религиозный праздник в России и Японии.

Словом, требуется большая подготовительная работа для преодоления всех этих противоречий. Идти напролом, не сознавая культурной топографии, простительно на первом этапе неофитства. В дальнейшем чужая культура ставит тебя перед выбором: или ты начинаешь разбираться в ней лучше, уважительно принимая требования, которые она выдвигает, или же ты отторгаешься ею в числе многих других культурных мигрантов, меняющих одну этнографию на другую в поисках собственного смысла.

Хорошим примером в этом смысле служат языковые курсы. Японская конъюнктура дошла до той стадии, что уже в московских спальных районах на подъездах домов висят объявления: «Японский язык. Любый уровень. Рядом с метро». Это – показатель перехода из элитарной

группы предложений в массовую. На коммерческих языковых курсах в течение первого семестра группа может состоять из 35–40 человек, но в конце полугодия она неминуемо сокращается вдвое, а ко второму курсу от этой увлеченной массы остается едва 6–8 учеников.

Во второй половине 90-х годов ключевым словом для японского присутствия в России было слово «случайность». Несколько известных вариантов звучали примерно так (градация зависела от профессиональной деятельности и уровня доходов): «Мне случайно попал в руки альбом суримоно, и я очень увлеклась японской гравюрой»; «Случайно прочла Акутагаву и теперь покупаю все переводы японской прозы»; «Я хотел купить “Фольксваген”, но так получилось, что купил “Ниссан”». Таких примеров становилось все больше. Случайность, приобретающая подобные масштабы, нуждалась в другом названии.

Японская культура завоевывает российские пространства исподволь. Что касается официальных японских структур, то они (в полном соответствии со своими неписаными деловыми принципами) осторожно продвигаются навстречу интересу, или говоря более практичным языком, спросу российской аудитории, при этом очевидно, что их побуждают двигаться все быстрее и быстрее. Один небольшой шаг со стороны посольства вызывает десять встречных шагов со стороны российских регионов, городских администраций, образовательных учреждений, частных лиц – художников, музыкантов, теле- и кинорежиссеров. В 2001 г. фестиваль японской культуры проходил в течение всего двух дней, 1–2 сентября. (Правда, в том же году с сентября по декабрь проходил другой фестиваль, уже третий по счету, музыкальный: «Душа Японии».) Этот двухдневный фестиваль включал апробированные мероприятия – экспозицию работ по каллиграфии, икэбана, народные промыслы, традиционные танцы и т. п. – и носил куда более монотонный характер по сравнению с тем, что мы наблюдали во время проведения Фестиваля–2003. Так называемая «Японская осень» (2003 г.) не имела никакой определенной концепции и в реальности просто объединила ряд разрозненных мероприятий – от выставки оригами до Кубка посла по игре в го. Способность российской публики воспринять японскую культуру в ее разнообразных жанрах – не только сямисэн цугару, но и произведения современных японских композиторов, не только прикладное искусство, но и авангардный танец – подвергалась, по-видимому, серьезному сомнению японцами. Всего же с октября по декабрь таких разнохарактерных японских событий прошло едва ли больше десяти.

Оценивая организационный уровень их проведения в конце 1990-х – начале 2000-х годов, приходится отметить, что информационно-рекламная поддержка практически не оказывалась, сведения о возможных

выставках, конкурсах и лекциях распространялись практически изустно, что и определяло узкий круг посетителей из числа друзей и партнеров посольства, немногочисленных студентов-востоковедов, а также музейных завсегдатаев. О спорадическом характере таких просветительских попыток, и о том, что до некоторых пор они не носили сознательного программного формата, говорит факт отсутствия, условно говоря, летописи развития того же Фестиваля или хотя бы неких графиков японских культурных событий в Москве и в России ранее 2001 г. Тем не менее, в 2001 г. ландшафт разнообразили цикл лекций «Красотой Японии рожденный» в Политехническом музее, ретроспектива Ясудзиро и Нарусэ, приезд японских писателей (Симада, Ямада, Тавада) и выход двухтомника новой японской прозы, представленного составителями как беспрецедентное для России издание. Достаточно важно, что в том же году состоялся первый российско-японский форум – позитив в политике стимулирует культурные обмены.

В 2002 г. время проведения очередного фестиваля увеличили еще на один день (1–3 сентября), что, вероятно, и побудило организаторов присвоить ему звание Большого фестиваля японской культуры в Москве. Кроме того, 2002 год запомнился театральным акцентом – несколько спектаклей современного японского театра в рамках чеховского театрального фестиваля были отмечены особым вниманием москвичей. При этом интересы публики проходили проверку на прочность. Так, скажем, весьма специфический спектакль «Медея» (театральная компания KU NA'UKA, режиссер Мияги Сатоси) шел без перевода, что превратило его в своего рода двухчасовой сеанс гипноза, впрочем, вполне успешный. Авангардные спектакли Судзуки в Театральном центре на Сретенке половина партерной публики смотрела, сидя перед сценой на дзабутонах, которые, очевидно, были призваны создать атмосферу достоверности. По наблюдениям, некоторая часть зрителей делала честные попытки проникнуть в суть современной театральной культуры в Японии, но большинство относилось к этому, как к модному экзотическому шоу.

Число мероприятий увеличивалось год от года, Состоялась и закрепились монополизация целого сезона, хотя название «Японская осень» нигде не утверждалось официально, и никто не может вспомнить, кто именно предложил так назвать сезон японских мероприятий. Тем не менее, сегодня уже невозможно представить, что осень в Москве может быть финской, голландской или осенью Буркина-Фасо.

А в Петербурге в отличие от Москвы проводится фестиваль «Японская весна». Что же касается других городов, среди них есть весьма активные (такие, как Екатеринбург, Ижевск, Пермь, Чебоксары,

Пятигорск, оба Новгорода – Великий и Нижний, Йошкар-Ола и ряд других), которые зачастую задним числом сообщают японскому посольству о проведении семинаров, фестивалей, чайных классов и выставок. Как правило, наиболее активную политику осуществляют регионы, где есть отделения Общества российско-японской дружбы, но немало примеров действительно частной инициативы, к чему мы еще вернемся.

Вся логика этих нарастающих событий в результате привела к тому, что 2003 год был объявлен Годом Японии в России. Фестиваль японской культуры–2003 длился целый год – с апреля по март. Было проведено уже свыше 120 мероприятий не только в Москве и Петербурге, а также в дальневосточных городах, но и на Урале, в Тюменский регионе, в среднеполосной России. Были даже осчастливлены небольшие города Подмосковья (Коломна, Электросталь). Можно без риска утверждать, что к 2003 г. российское общественное мнение было уже хорошо подготовленным к большому японскому дефиле. Тому есть ряд доказательств: прежде всего, приход любителей Японии на культурные площадки превзошла расчеты организаторов, – попросту говоря, не всем хватало билетов и мест, поскольку спрос превысил предложение. Еще пять лет назад на фестиваль японского кино в Москве вполне можно было купить билет перед сеансом, во всяком случае, по свидетельству очевидцев, мест в зале никогда не было больше, чем желающих. Сегодня это соотношение в явном дисбалансе: жаждущих зрителей где-нибудь процентов на 30 больше, чем мест. Билеты приобретаются заранее, и тенденция такова, что зрительский поток будет только расти.

В прежние годы были фестивали, где прокатывали всего 4–5 фильмов. Надежда Котова, PR-директор Центрального дома предпринимателя, утверждает, что Фестиваль японского кино поднялся на свой широкомасштабный уровень после саммита на Окинаве в 1999 г. В то же время свою роль сыграло общее развитие рынка – реконструкция кинотеатров, появление мультиплексов (тип современного кинотеатра). Кроме того, по ее мнению, «растет понимание японской культуры в целом». Фестиваль 2004 г., 37-й по счету, с обширной программой, ретроспективной фильмом с участием и по сценариям Мисима Юкио подтвердил неуклонное увеличение спроса на японское кино. Тем не менее, даже в условиях этого роста, по оценкам экспертов, японское кино все еще занимает лишь около 10% рынка, уступая голливудскому и европейскому кино. Как обнадеживающий фактор Н. Котова отмечает омоложение аудитории, которая «приходит смотреть арт-хаус (т. е. японское кино), а не попкорн (т. е., американское)». Остается

сожалеть, что японский кинобизнес все еще настороженно оценивает возможности сотрудничества с продюсерами и прокатчиками из России.

Помимо количественных показателей есть и качественные. Наиболее выразительный пример – это гастроли театров Кабуки и Но. В прежние годы российская публика с удовольствием принимала Кабуки, как более яркое и динамичное зрелище, и браковала монотонные спектакли Но, которые, к слову сказать, способен воспринять не каждый современный японец. В этом году стилистика Но не вызвала никаких упреков в занудстве и театр воспринимался действительно как образец высокого традиционного искусства – хотя, надо признать, что в такое отношение вносит свою долю модная тенденция. Стало плохим тоном признаваться в непонимании японского духа и философии. И все же процент случайных зрителей был очень невелик, тем более что высокая цена билета побуждала осмотрительно относиться к своему художественному выбору.

Одним из приятных открытий фестиваля оказался спектакль «Канадэон Гамлет» (организатор театральная компания «Кияма») – трагикомический пример столкновения японской и европейской традиционных культур, отраженный с хорошей самоиронией. Сюжет пьесы, к тому же, вполне запараллелен с попытками современной России примерить на себя Японию, которые подчас являются весьма неуклюжими, как монолог Гамлета, прочитанный в стилистике «Тюсингура». В то же время искусство комического рассказа – Ракуго, при всем уважении к вековым традициям школы, показалось публике слишком скабрёзным и плебейским. Здесь нужно учитывать фактор, что большая часть не говорящего по-японски зала не в состоянии оценить основной талант ракугоки – специфическое интонирование и пользование разными диалектами, таким образом, на долю слушателей оставалась фабула в чистом виде.

Камерный оперный театр, представивший музыкальную интерпретацию драмы «Самоубийство влюбленных в Сонэдаки», также вызвал интерес российского зрителя, уже знакомого с этой пьесой Дзэами по Кабуки. В целом, театр и кино дают ощущение большего резонанса и понимания, и немудрено, поскольку, находясь на более высокой стадии развития, они обращаются к личности. Этническая культура, т. е. танцы, музыка, обрядовые действия – все, что апеллирует к родовому сознанию, по понятной причине оставляет российского зрителя и слушателя достаточно равнодушным. Мелодический строй японской народной музыки непривычен для русского слуха, другое дело, когда японцы исполняют европейскую классику – один только совместный концерт Одзава Сэйдзи с Мстиславом Ростроповичем в конце 90-х в

Большом зале консерватории надолго осчастливил Москву. Музыкальный фаворит сегодняшнего дня – Цутида Садакацу, лучше которого никто не играет Рахманинова на родине композитора, как с тем согласилась комиссия и слушатели последнего международного конкурса имени Рахманинова в 2002 г.

Что касается художественных выставок (не берем в расчет всегда привлекательную старинную гравюру, нэцкэ или веера), приходится признать, что публика пока принимает их с вежливым интересом, но не более. Современная живопись или фотография (если это не Араки Нобуёси – лето 2002 г.) вызывают не больший ажиотаж, чем современная живопись или фотография любой другой страны. Японское искусство XX в. весьма слабо представлено в России. Возможно, такие выставки не вполне правильно отбираются или же по-прежнему получают недостаточную информационную поддержку. Скорее первое, поскольку осенью 2003 г. автору довелось посетить выставку гравюры эпохи Сёва (т. е. до 1989 г.) в Британском музее, любая из гравюр заслуживала название самобытной и талантливой. Очевидно, существует дифференциация в культурном отборе для Европы и для России, и она не в пользу российского японофила.

С момента, когда стало известно, что 2003 год объявлен в России Годом Японии, высказывались серьезные опасения, что идеализированные представления россиян о стране, какими они сформировались за последние пять-семь лет, только укрепятся. К счастью, разнообразная программа фестиваля представила Японию в разных ракурсах. Подобный подход помогает формировать более реалистическое отношение к японской культуре и обществу.

Однако достоин сожаления явный перекося, односторонность интереса, которую легко наблюдать в настоящее время. Пока русские осваивают Японию на всех уровнях, японцы застряли где-то между матрешками и самоварами. Ярким примером является отношение к классике. В ряд классических переводов, бодро раскупаемых в России, входят «Гэндзи моноготари» и «Сказание о годах Хогэн». Интернет-магазин My-shop.ru, в соответствии со спросом, помещает «Кодзики» (перевод Е. Пинус) в топ-лист бестселлеров. Это равносильно тому, как если бы в Японии сейчас пользовались спросом «Повесть временных лет», «Слово о Полку Игореве» и «Житие протопопа Аввакума», чего, безусловно, не происходит. Но японцам также безынтересна современная русская литература.

Взаимность плодотворна во всех без исключения отношениях, в том числе и между странами. Пока же процесс идет более или менее взаимно только в двух сферах: обмен писательскими делегациями, что подтверждает традиционный интерес к русской литературе; также

некоторую стабильность приобретает участие россиян на фестивалях в Сидзуока. Первый фестиваль русского театра прошел в Сидзуока в ноябре-декабре 2002 г. И теперь в мае-июне проводится очередной фестиваль «Русский сезон в Японии–2004». Как говорят японские организаторы фестиваля, они гордятся тем, что Сидзуока стала своего рода «мостом между культурой России и Японии». Японская культура, вероятно, способна ответить на вызов аудитории любого социального положения. Музей кино предлагает фильмы для узкого круга ценителей, на фестивалях в Центральном Доме предпринимателя опробуются фильмы для массового проката. Икэбана и оригами привлекает женщин в возрасте и детей, демонстрация воинских искусств – мужчин, преимущественно молодых, аниме и манга (комикс) – студенческую молодежь (впрочем, манга становится увлечением и вполне зрелых людей), барабаны и воздушные змеи – всех без исключения. Со времен перестройки изменились не только количественные, но и возрастные показатели. Во-первых, вместе с расширением произошло и омоложение в рядах российских японофилов: их наиболее активная часть – это, по преимуществу, люди от 16 до 40 лет. Во-вторых, их интересы стали более объективными и, на фоне существующих широких возможностей, более целенаправленными.

Постперестроечная ситуация, развитие политических и экономических связей между Россией и Японией позволили перевести все японское из разряда экзотики в ежедневный обиход многих россиян. Сегодня армия японофилов расколота на две части. Одна – это рекруты 70-х годов, по капле получавшие сведения о предмете своего интереса. Они, как и прежде, привержены классическим жанрам, изучению которых отдали годы, сохраняют верность унылым звукам сякухати и с недоверием относятся к новобранцам, относящимся ко второй части любителей Японии. Новобранцы предпочитают более динамичные и более осязаемые формы японской культуры – боевики Китано, последнюю «Субару Легаси», дорогую островную кухню, парфюм Ямамото и даже мультики-хэнтай.

В регионах, где меньше возможностей, ниже динамика событий, процветают классические формы японской культуры. Стало правилом, что в регионе, который входит в сферу потенциальных экономических интересов японцев, они начинают с открытия культурного центра, как это только что произошло в Днепрпетровске (Украина). Жителей этого города, по словам сотрудников центра, «будут учить традиционным японским искусствам, таким, как икэбана и чайная церемония». В это же время японцы, как следует из речи Чрезвычайного и Полномочного Посла Японии в Украине К. Амаэ, получают возможность

присмотреться к рынку украинской металлургии, который имеет значительный потенциал, а его продукция – приемлемые цены. Итак, культура как важный авангард экономического сотрудничества – вполне востребованный эквивалент экономики.

В крупных городах, особенно в Москве и Петербурге, «классическая» и «потребительская» Япония сохраняют относительный паритет. Сравнивая 37-й Фестиваль японского кино (билеты по 30 рублей) и гастроли Шоу Ямато, японские барабаны (билеты до 7 тыс. рублей), мы видим аншлаг в обоих случаях, т. е. востребованность российскими японофилами с разными предпочтениями и возможностями. Таким образом, сегодня интерес к японской культуре существует параллельно на двух уровнях: с одной стороны, по-прежнему поддерживается изучение традиционных форм японской культуры и искусства, с другой – широко и с удовольствием осваивается бытовая культура (включая еду, моду, технику и т. п.).

Возможное подтверждение культурной интеграции – языковые заимствования. Пока этот процесс еще малозаметен: россияне едва начинают использовать оригинальные японские слова, относящиеся преимущественно к бытовой культуре – еде и моде. Однако можно прогнозировать прогресс на этом пути, поскольку европейцы уже значительно продвинулись в этой области. В частности, как пишет газета «Майнити»: «Новые японские слова уверенно входят в обиход английского языка и других европейских языков. Многие из этих слов еще не внесены в английские словари, однако на сайтах Интернета вы достаточно быстро найдете объяснение их смысла»⁷. Одна из причин кроется в необычайной популярности во всем мире японской мультипликации, которую отличают красочность, оригинальность графики и живые характеры персонажей. Целый ряд слов звучат в японских мультфильмах настолько часто, что Йельское общество мультипликации даже открыло в Интернете страницу «100 наиболее употребительных японских слов», которые можно услышать почти в каждом мультфильме. В этот список вошли даже такие слова, как «ябай» («несчастный») и «наруходо» («в самом деле?»). К списку слов прилагается и детальное объяснение применения японских местоимений. Сайт Google дает около 30 млн. ссылок на слово «манга» и 27 млн. ссылок на слово «хэнтай» («извращение»). Имея в виду доступность и скорость в Интернет-пространстве, можно утверждать, что для русских пользователей освоение этих ресурсов измеряется не годами, а месяцами. Хотя, бесспорно, до момента, когда слово «онигири» станет настолько же русским, как бутерброд, пройдет не один десяток лет.

⁷ Mainichi Daily News. 06. 04. 2004.

Историк культуры В. Мазурик предлагает попробовать найти в европейских культурах примеры, где для восприятия классических жанров задействованы, помимо зрения или слуха, другие чувства, например, обоняние, и убедиться, что это невозможно. В то же время для японской культуры это норма: достаточно вспомнить икэбана или чайное действо. И затем В. Мазурик рекомендует воспринимать японскую культуру не интеллектуально, а через органы чувств – на вкус, на запах и даже на тактильные ощущения, предлагает «позаниматься одним из практических искусств Японии (каллиграфией, чайным действием, боевыми искусствами) и попробовать примерить на себя течение Дао, почувствовать его в себе. Если вы хоть немного попробуете это, вы очень многое поймете в этих культурах, познаете то, что непостижимо интеллектуальным образом»⁸.

В этом контексте совсем не выглядит предосудительным влечение российского неофита-японофила к потребительской стороне японской культуры. Коль скоро органы чувств – важнейший индикатор в ее постижении, то японские еда, чай, предметы быта являются столь же приемлемыми носителями культурной миссии, современной эманацией будо, тядо и прочих «до». Кроме того, Японии, более чем какой-либо другой цивилизации, свойственно выражать свою духовную культуру, ее развитие, через вещь, артефакт.

В то же время и сами японцы вполне здраво и даже с одобрением относятся к распространению «материальной» Японии среди россиян. Как говорит Саканоуэ-сан из информационного отдела посольства Японии: «Понять высокое искусство – трудновато (например, театр Но), но бытовую культуру легче понять, а в ней тоже есть японский характер и сущность. Почему посуда именно такая, почему кимоно? Какую красоту принимают в Японии, красота по-японски – это можно узнать из бытовой вещи, и японский вкус, и характер»⁹.

Российская японофилия имеет следующую характерную особенность: помимо официальных усилий сверху – со стороны посольства, Японского фонда и других компетентных организаций, идет спонтанный процесс снизу, на уровне частной инициативы и за частные деньги (что касается не только обеих столиц, но и российской глубинки). Такая ситуация невозможна практически ни в одной европейской стране. Объяснение этому лежит также в плоскости советского прошлого. В патерналистском государстве культура была единственной жилой, безопасной в разработке, чему служили многочисленные возможности. «Объем знаний, который накопила ваша интеллигенция в период

⁸ Мазурик В. Лекция в Музее кино. 14. 02. 2004.

⁹ Интервью с автором, март 2004.

избытка времени, просто поражает», – изящно высказался один высокопоставленный чиновник японского МИДа в частной беседе.

Государство закрывало одни возможности, но предоставляло другие. Избыток времени позволял частным гражданам культивировать свои интересы, с энтузиазмом заниматься непрактичными вещами и альтруистическими проектами, возвращать семена духовности в условиях отсутствия экономического продукта. Еще сохраняется инерция бескорыстных временных и душевных затрат. Вероятно, понемногу, с дальнейшим развитием рыночной экономики и сменой поколения, такой подход безвозвратно вытиснится более прагматичным.

Социальное расслоение затрагивает также сферу наших увлечений. Заниматься оригами не так накладно, как коллекционировать укиё-э (гравюры). Соответственно, каждый из частных энтузиастов прилагает усилия на наиболее близкой ему ниве, стремясь совместить профессию и хобби. Джазмен Сергей Манукян организует фестиваль «Джаз и Япония»; телережиссер Алексей Денисов 15 лет ждет возможности снять фильм о «Варяге» и русско-японской войне; переводчик Дмитрий Коваленин практически в одиночку выводит на российский книжный рынок Мураками Харуки, переводя одну за другой его книги в течение последних десяти лет и, главное, сумев заинтересовать издательства; бизнесмен Аркадий Новиков открывает пять ресторанов японской кухни. Это только несколько человек, результаты действий которых стали заметны общественности. Но заслуживают также быть отмеченными учителя Светлана Лопунова из Тамбова (школа № 34) и Елена Латышева из Нижнекамска (школа № 22), которые преподают уроки японской культуры в средней школе; руководитель хорового ансамбля из Красногорска Елена Володина, воспитанники которой исполняют песни на японском языке. Искренний и бескорыстный интерес этих и других, почти анонимных, японофилов способствует укреплению русско-японских связей на так называемом уровне «корней травы».

В свою очередь, подобный спрос на японскую тематику активизирует деятельность коммерческих институтов: издательств, торговых и туристических фирм, языковых курсов. Новобранцы, японофилы-неофиты инвестируют исключительно в проекты с коммерческой отдачей, внося свою долю в развитие японского сектора на российском потребительском рынке и рынке услуг. Меньше года назад открылся Интернет-магазин «Interia Japonica», отличающийся специфическим предложением: японский винтаж – одежда и декоративные предметы. Это пользуется спросом. Кимоно 50-х годов сметают по цене от нескольких сотен до тысячи с лишним долларов. Растет число магазинов посуды и косметики, появляются галереи японского дизайна,

уже несколько лет в Москве работает даже японская клиника. Несколько российских издательств открывают специальные «японские серии»: Тетта Nirronica («Гиперион»), Золотая серия японской литературы («Северо-Запад Пресс») или же «восточные серии» (издательства «Кристалл», «Амфора», «Толк», «Евразия» и др.), где печатают преимущественно японских авторов – от Сайгё до Оэ Кэндзабуро.

В этих условиях японская культура в России попадает в весьма благоприятную ситуацию и получает все возможности для дальнейшего укоренения на российской почве. Но очевидны и минусы такого положения. Если прежде культурный выбор регламентировался идеологическими установками, то теперь он регулируется требованиями рынка. Приоритеты в этом процессе не всегда отдаются аутентичности и качеству, а чаще – финансовым возможностям и конъюнктурному спросу. Безусловно, не стоит обольщаться насчет потребности обеспеченных русских почувствовать в себе течение Дао, преимущественное большинство из них следуют за конъюнктурой. Это способствует профанации и недоразумениям разного рода. Так, знаменитые японские бани-фуру, единственные в Москве, открываются при развлекательном центре «Распутин» в качестве поддержки основного бизнеса – стрип-площадок и казино, а это уже закладывает определенные репутационные характеристики. Принимая на уровне потребления сугубо национальные обычаи и местные предметы, русские, как правило, не имеют возможности узнать связанных с ними национальных ценностей и символики. Научившись орудовать хаши – палочками для еды и носить юката, радостные японофилы допускают ряд промахов, которые на родине этих вещей и обычаев показались бы весьма зловещими, как, например, запахивание на левую сторону, или втыкание хаши в недоеденную горку риса. Если подобное происходит в присутствии японцев, эмоциональное смущение неизбежно.

Сегодняшняя доступность когда-то закрытой японской культуры – не более чем обольщение и поверхностный взгляд. И в век глобализации по-прежнему сохраняется значительная культурологическая дистанция между европейской и восточной культурами. Чем шире круг российских японофилов-неофитов, тем больше им необходимы культурные посредники из числа профессионалов. На мой взгляд, наступает счастливое время, когда российские специалисты-японоведы понемногу оставляют знаменитый снобизм профи, и пытаются преодолеть нравственные страдания, связанные с их вовлечением в массовые, не элитные проекты. И это благо, ведь именно их участие превращает профанный проект в просветительский.

Безусловно, Россия, опять с опозданием, примкнула к тенденции западного мира – попытке выйти из цивилизации результатов в цивили-

лизацию процессов или попробовать примирить их. Однако в то время как Запад и Россия идут навстречу Востоку, в самой Японии зреет чувство растущего диссонанса между культурным наследием и требованиями цифровой цивилизации. Традиционная культура мало отвечает современному ритму жизни, коренное население пренебрегает ей как вчерашним днем. Иногда кажется, что ей грозит участь либо роскошного хобби для богатых и престарелых японцев, либо вырождение в экзотизм, востребованный только иностранцами. В то же время современная масскультура не может считаться прочной основой для сохранения национальной идентичности. Эти ощущения уже продуцируют слоган: «Cultural Strategist is Necessary for Japan» («Культурный стратег – необходимость для Японии»), и они отражены в недавней статье под названием: «Увлечь мир уникальной культурой – Новая киотская модель: признание творчества в каждодневной жизни»¹⁰. Японцы здесь опять идут вслед за американцами, которые уже в течение нескольких лет разрабатывают новую социокультурную модель: способ ее существования может быть описан как союз трех «Т»: технологии, талант, толерантность. Однако примечательно, что именно японцы активно подхватили и принимают на вооружение эту теорию. Смысл ее в том, чтобы, используя новые технологии, заново открыть высокое качество японской традиции, пересоздать феномены чисто японского существования применительно к условиям сегодняшнего мира. Такое, казалось бы, прежде непримиримое сочетание порождает инновации нового уровня, не существовавшие ранее, как-то компьютерный манзай, или Kyoto-Style Management – управление на основе баланса экономических и культурных ценностей. Иначе говоря, именно в эти годы берет начало новое направление, которое, похоже, намерены развивать японцы в поисках гармоничного совмещения культурных «вчера» и «завтра». Когда при изучении культуры из поля зрения выпадают такие тенденции, неизбежны aberrации и заблуждения уже нового поколения, вот почему сама японская сторона должна говорить об этих тенденциях в рамках информационно-культурных обменов.

Японскому фонду и японской стороне в целом следует грамотно разработать для своего присутствия в России то, что культурологи называют «адаптивной стратегией» (возникает впечатление, что до сих пор она не была сформирована). При создании культурного предложения необходимо учитывать сильные и слабые стороны национальных культур. Очевидно, что в стране великой литературы не стоит пытаться удивить читателя дебютами молодых авторов среднего дарования. Так сборник новой японской прозы (2002 г.) своим содержанием не

¹⁰ Nihon Keizai Shimbun. 17. 03. 2004.

произвел большого впечатления на российских читателей, не говоря уже о профессионалах, знакомых в оригинале с японской прозой, не переведенной в России. Развитие этого же проекта в 2003 г. не смогло изменить мнения о современной японской прозе как о прозе среднего уровня. Также довольно снисходительно воспринимаются попытки японской балетной школы представить россиянам русскую и мировую классику, аплодисменты в зале звучат скорее от уважения за попытку, нежели от зрительского восторга. Однако русские благодарно воспринимают то, что отсутствовало либо не было достаточно акцентировано в их национальной культуре и что не прервалось в Японии и в XX в.: гравюра, керамика, экологические направления в культурных жанрах – работа с цветами, бумагой, наконец, с территорией (в рамках сада или страны).

Хотя качественный характер культурных мероприятий изменился, возникла панорамность, все же лучшие образцы японской культуры предлагаются без должных объяснений. Если русскому получателю и удастся что-то понять, это происходит за счет увеличения событийной массы. Создается необходимый контекст, количественные впечатления переходят в качественные, а зритель, читатель и т. д. пробует почти самостоятельно осознать, что есть японская культура. Словом, каждое мероприятие должно получать большую информационно-просветительскую поддержку. Очень неэффективно используются образовательные возможности российского телевидения. Очевидно, в данном случае имеются реальные финансовые препятствия, но во многом это просто нежелание решать проблему.

Издательский отбор удивляет перешагиванием через целые имена и эпохи. Минуя добрую часть классического периода и XX века, издательства сразу перешли к постмодернизму. Спору нет, для культурной панорамы важно издавать молодых авторов, надеясь, что они не останутся авторами пары рассказов. Однако нельзя сказать, что в этих публикациях мы находим шедевры. Между тем российскому читателю до сих пор совершенно неизвестен поздний Кавабата Ясунари. Вероятно, кто-то из профессионалов-филологов скажет «И слава Богу!», но читатель имеет право получить информацию в полном объеме для совершения эстетического выбора. Известно, что у российских переводчиков старшего поколения лежат рукописи, которые коммерческие издательства не соберутся выпустить, поскольку не считают их прибыльными проектами. Финансируя приезд театра Кабуки, как не озаботиться тем, что в России никогда не издавалась драма Кабуки? У переведенных и любимых в России авторов (в частности Акутагава) есть неоднократные упоминания Кёкутэя Бакина, сам же Бакин

русскоязычному читателю незнаком. Таким образом, зияют культурные разрывы, которые следовало бы восполнять именно сейчас. Переводчики горюют по отсутствию на книжном рынке представителей комической прозы Дзиппэнся Икку и Сикитэя Самба. Что касается XX в., то Нацумэ Сосэки, который, как считают сами японцы, сделал для японского языка то же, что Пушкин для русского, переведился незаслуженно мало. Из его огромного наследия в России известны лишь несколько произведений. Гордость за высокий уровень современной японской культуры не может приводить к тому, что приоритеты получает культура в стиле глобализма. Это приводит к результату, при котором в книгоиздании, выставочной деятельности, на кино- и музыкальном рынке господствуют в основном образчики масскульта.

Пока официальные культурные проекты, ориентированные на Россию и предпринимаемые совместно японской и российской сторонами, зачастую носят экспериментальный характер. Для того чтобы быть более эффективными, они нуждаются в интроспективном экспертном взгляде. До сих пор не существует никакого специального совета, который объединил бы российских экспертов для оценки предлагаемых культурных инициатив. Возможно, такой совет помог бы не ошибиться в выборе адаптивной стратегии.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЯПОНСКОЙ РУСИСТИКЕ: ФАКТОРЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

Японская русистика все еще мало известна в России. Главной причиной, конечно же, является языковой барьер. Если почти каждый отечественный специалист по истории или культуре России владеет английским языком, многие – французским и/или немецким, то число ученых, знающих японский язык, близко к нулю. Лишь малая часть из них может знакомиться с трудами японских коллег в оригинале. А число японских работ по этой тематике, переведенных на английский и, тем более, на русский язык, невелико и для полноценного знакомства этого явно недостаточно. Впрочем, надо признать, что японская русистика и в количественном, и в качественном отношении пока еще уступает европейской и американской, не говоря уже о собственно российской. Однако это не значит, что достижения японской русистики можно игнорировать, а ее эволюция не представляет интереса.

За 10–15 лет, прошедшие со времени кризиса и распада СССР и мировой системы социализма, японская русистика претерпела немалые изменения, хотя ее основные особенности и тенденции развития остались прежними. Изучение России в Японии (как, впрочем, и весь комплекс гуманитарных наук) было традиционно ориентировано на введение в научный оборот новых источников, на перевод и публикацию документов и их «первичную» обработку, а не на создание концепций. «Там же новые материалы!» – с восхищением говорят японские коллеги порой даже об очень слабых работах. Глубина фактической проработки многих историографических проблем в японской русистике до сих пор соседствует с теоретической несамостоятельностью, с ориентированностью на советские/российские или европейско-американские каноны и концепции – в зависимости от эпохи, интеллектуальной моды и личных пристрастий ученых.

Поэтому открытие в начале 90-х годов прошлого века прежде недоступных иностранным исследователям российских архивов стало неоценимым подарком для японских русистов. Наряду с представителями академической науки туда буквально ринулись журналисты, использовавшие полученные материалы не только в научных, но и в политических целях, наиболее ярким примером чего стало так называемое «дело Носака». В 1992 г. авторитетный журнал «Бунгэй сьондзю» опубликовал письмо корифея коммунистического движения С. Носака (в момент публикации столетний Носака занимал пост почетного председателя КПЯ). Оно было адресовано председателю Исполкома Коминтерна Г. М. Димитрову и датировано 22 февраля 1939 г. (из фондов Российского государственного архива социально-политической истории). Письмо касалось судьбы представителя КПЯ в Профинтерне и Коминтерне К. Ямамото, арестованного органами НКВД по обвинению в шпионаже и позже казненного. Вырванное из исторического контекста письмо было использовано для кампании против Носака и КПЯ в японских средствах массовой информации. После публикации новых документов аналогичного содержания, также поданных как сенсация, Носака был снят с поста почетного председателя КПЯ, а затем с позором исключен из партии¹.

У этой скандальной истории была и положительная сторона: «дело Носака» вызвало массовый интерес японцев к «тайнам советских архивов». Поскольку там работали не только любители сенсаций, но и серьезные ученые, результаты их работы не заставили себя долго ждать. Один из лидеров японской русистики Х. Вада в 1996 г. выпустил книгу «Носака Сандзо. История», где, оперируя документами, в том числе показал, что пресловутое письмо не может считаться доносом. Обращая внимание на мелкие «прегрешения» Ямамото, автор фактически отводил от него главные обвинения². Кроме того, история Ямамото и Носака является только одним, пусть значимым, но частным эпизодом многолетних драматических отношений ВКП(б), Коминтерна и КПЯ, которые необходимо изучить со всей возможной полнотой, в том числе и для того, чтобы исключить политические спекуляции вокруг отдельных документов.

Японских исследователей и их читателей интересовали, прежде всего, материалы, непосредственно связанные с их страной: японские

¹ *Кобаяси Сюнъити, Като Акира*. Ями-но отоко: Носака Сандзо-но хякунэн (Человек тьмы: сто лет Носака Сандзо). Токио, 1993.

² *Вада Харуки*. Рэкиси то ситэ-но Носака Сандзо (Носака Сандзо. История). Токио, 1996; *Его же*. Судьба коммуниста: Носака Сандзо. – Япония второй половины XX века: проблемы и судьбы. М., 2003.

коммунисты в Коминтерне и Профинтерне, японцы – жертвы политических репрессий в СССР, «оккупация» Курил, судьба военнопленных и т. д.³ Следует особо отметить официальную публикацию КПЯ под редакцией председателя ЦК партии Т. Фува «Хроника вмешательства и измены в КПЯ: по документам архивов КПСС», изданную на японском, английском и русском языках. Она была призвана раскрыть «подлинную историю» «диктата Москвы» и показать, как КПСС с 1962 г. создавала с помощью советского посольства в Токио группу «предателей» внутри КПЯ (главным предателем *post factum* был объявлен исключенный из партии и уже скончавшийся Носака) с целью развалить японскую компартию изнутри⁴. Подобных публикаций, в том числе с использованием материалов из советских архивов и воспоминаний участников событий с советской стороны, появилось много. Однако они, как правило, не имеют научного характера и, представляя определенный интерес в контексте российско-японских отношений и формирования «образа России» в Японии, прямого отношения к нашей теме не имеют.

Но даже открытие архивов не стало принципиальной новостью для японских русистов, поскольку традиционно интересовавшие их темы не содержали особых секретов: аграрная история, революционное движение (в первую очередь народничество), классическая литература (обычно в рамках традиционного набора Достоевский–Толстой–Чехов). Поэтому они благополучно работали в архивах и в советское время. Препятствий им не чинили, в том числе и потому, что большая часть русистов в Японии занимала если не просоветские и прокоммунистические, то левые позиции. Например, Х. Вада, позиционирующий себя в качестве «шестидесятника», не раз выступал в защиту своих коллег-диссидентов М. Я. Гефтера и Э. Н. Бурджалова, протестуя против ущемлений свободы слова и академической деятельности как несовместимых с подлинной демократией и подлинным социализмом. Однако доступа к советским архивам (разумеется, в рамках существовавших тогда правил) его не лишили.

Перейдем к важнейшей особенности японской русистики – ориентации на зарубежные каноны, что связано и со степенью ее политизированности. Без этого понять ее нынешнюю эволюцию просто невозможно.

В довоенной Японии человек, занимающийся или интересующийся Россией, автоматически оказывался под подозрением властей как

³ *Като Тэцудзиро*. Мосукува дэ тайхо-сарэта нихондзин (Японцы, арестованные в Москве). Токио, 1994 и др.

⁴ *Фува Тэцудзо*. Нихон кёсанто-ни тайсуру кансэ то найцу-но кироку: Сорэн кёсанто бунсё кара (Хроника вмешательства и измены в КПЯ: по документам КПСС). Токио, 1993.

потенциальный «красный», даже если это был офицер штаба Квантунской армии, собиравший информацию о Красной Армии, или эстет, переводивший Тургенева. Изучение России воспринималось как знак причастности к коммунистическому движению или коммунистической пропаганде, к чему-то запретному или опасному. КПЯ была разгромлена в начале 30-х годов, но переводы Маркса и Ленина, равно как и марксистская литература (за исключением откровенно агитационной) продолжали издаваться в Японии вплоть до конца того же десятилетия, хотя периодически запрещались цензурой. Что касается ежемесячного журнала «Росиа гэкканси», на страницах которого «крипто-марксисты» соседствовали с националистами, то он выходил даже во время войны на Тихом океане.

Похожая ситуация сохранялась в японской русистике и после войны, только с противоположным знаком: Советская Россия и марксизм были в большой моде. Более того, первые полтора десятилетия после 1945 г. в японской историографии вообще прошли под знаком доминирования марксистов и левых⁵. Именно в таком политическом и интеллектуальном климате заинтересовались Россией, ее языком, историей и культурой представители того поколения японских русистов, которым сейчас за шестьдесят, поколения «мэтров», до сих пор активно работающих в науке.

Среди видных японских русистов членов КПЯ немного. Большинство ученых сторонилось жесткой линии партии, выражавшейся в крайней политической и идеологической нетерпимости. В результате ожесточенной внутренней борьбы из ее рядов были исключены «стоцентные» коммунисты. Среди них – ветеран подполья и многолетний член ЦК С. Хакамада (дядя русиста Хакамада Сигэки и российского политика Ирины Хакамады), который был исключен в 1977 г., видный философ-марксист Ё. Кодзай – в 1984 г. Кроме того, отношения КПЯ и КПСС, всегда бывшие, мягко говоря, не простыми, в первой половине 60-х годов пришли практически к полному разрыву. Но многих русистов действительно привлекали идеи марксизма, социализма и коммунизма (не обязательно в советском варианте!), они симпатизировали Советскому Союзу, в котором видели преемника России, как в советской культуре – преемницу русской культуры. Интенсивный культурный обмен в 60–80-е годы укреплял в сознании японцев образ СССР как великой культурной державы. Это отчасти компенсировало негативное воздействие военных интервенций в Венгрии, Чехословакии

⁵ См. подробнее: *Молодяков В. Э.* Между гордостью и стыдом (восприятие национальной истории в послевоенной Японии). – Япония: собрание очерков «вслед за кистью» (дзуйхицу). М., 2000.

и Афганистане. Они были крайне отрицательно встречены левой японской интеллигенцией, которая отказывалась признавать правомочность «исправления» неортодоксальных форм социализма с помощью танков.

Советская историография истории России и русской культуры долгое время оказывала определяющее воздействие на содержание и методологию изучения России в Японии, но это не значит, что японская русистика состояла только из правоверных марксистов-ленинцев, копировавших схемы и догмы «Краткого курса». Своих марксистов-догматиков здесь хватало, но их влияние в научной среде постепенно сошло на нет к началу 70-х годов. Некоторые заняли более гибкую позицию, интегрировавшись в академический истеблишмент, как Б. Эгути, автор известных работ об Октябрьской революции⁶. Другие, оставаясь верны догмам, оказались на периферии научной жизни и маргинализировались.

В выборе тем и направлений исследований большинство японских русистов ориентировалось на советскую историографию, даже при всей возможной разнице подходов и выводов. Этим объясняется обилие работ о революционном движении, о «великих реформах» 60-х годов XIX в., об аграрной истории как дореволюционной, так и послереволюционной России (исключая, до недавнего времени, крайности коллективизации), о марксистской философии разных направлений. В исследованиях по истории литературы доминировали классический роман XIX в. и ранняя советская литература. Изучение поэзии, если и не ограничивалось Пушкиным, то сосредоточивалось преимущественно на нем⁷. Отсюда же происходит явно недостаточная изученность таких важных тем, как русский консерватизм, деятельность правых партий, православие (за исключением православия в Японии), «белое дело» и послереволюционная эмиграция, литература Серебряного века или русского зарубежья. Коротко можно сказать, что у японских русистов Лорис-Меликов популярнее Победоносцева, а Лавров и Герцен – во сто крат популярнее двух первых. Андрею Белому или Набокову никогда не сравниться в этом смысле с Достоевским и Толстым, хотя поле для исследований там, что называется, непаханное. В Японии изданы многотомные собрания сочинения Вл. Соловьева и Н. А. Бердяева, но вряд ли можно представить себе появление здесь большого числа книг, скажем, И. А. Ильина или И. Л. Солоневича. Хотя, кто знает,

⁶ *Росиа какумэй-но кэнкю* (Исследования российской революции). Под ред. *Эгути Бокуро*. Токио, 1968 и др.

⁷ *Мамонов А. И.* Пушкин в Японии. М., 1986; по материалам последних лет эту книгу следует существенно дополнить.

может, их непрерывно растущая популярность в современной России пробудит интерес к ним у завтрашнего поколения японских историков.

Иными словами, темы, табуированные в официальной советской историографии, в основном оставались таковыми и для японской русистики. И без того нечастое обращение к ним молодых исследователей не поощрялось старшим поколением, представители которого придерживались более ортодоксальных, просоветских взглядов. Разница поколений и доминирование старших до сих пор остаются характерными чертами академической среды Японии. За последние годы положение с выбором тем исследований начало меняться, но, скорее, в сторону расширения, нежели качественного изменения диапазона. Привычные сюжеты остаются столь же популярными и среди молодых ученых, о чем свидетельствует недавний сборник «Новый мир истории России»⁸. Из 19 японских участников четверо посвятили работы аграрной истории (Х. Ёсида, К. Мацудзато, Н. Мацуи, К. Мацудо), еще восемь писали на такие традиционные темы, как народничество (Т. Сасаки о П. Л. Лаврове) и марксизм (М. Сато об А. А. Богданове), профсоюзы (Ё. Цутия), экономика и народное хозяйство (Ё. Судзуки, Т. Накасима), история права и внутренней политики (К. Такахаси о судебной реформе 1864 г., Т. Кано об Основном государственном законе 1906 г., Ц. Хасэгава о милицейских формированиях Временного правительства). Российские авторы обошли почти все эти проблемы стороной, что свидетельствует о несомненных различиях в исследовательских интересах и приоритетах.

Кое в чем японские исследователи обошли российских коллег: из работ еще советской эпохи надо упомянуть новаторскую книгу Х. Вада «Мир крестьянской революции. Есенин и Махно», биографию Р. В. Иванова-Разумника, написанную Х. Мацубара, или «Словарь героев Достоевского» К. Накамура⁹. Своевременно переведенные на русский язык, эти книги не только вызвали бы интерес у отечественных специалистов, но, как знать, могли бы в чем-то повлиять на них. За последние годы историки в России преуспели в изучении этих тем, но хронологический приоритет японских (и повлиявших на многих из них американских) русистов должен быть признан.

Рискнем высказать предположение еще об одной причине специфической популярности в японской науке таких тем, как аграрная история и народничество, – на сей раз никак не связанной с советским

⁸ Вада Харуки. Номин какумэй-но сэкай. Эсэнин то Мафуно (Мир крестьянской революции. Есенин и Махно). Токио, 1978; Мацубара Хироси. Росиа интэригэнция си (История русской интеллигенции). Киото, 1989; Накамура Кэнносукэ. Досутоэфусуки дзимбуцу дзин (Словарь героев Достоевского). Токио, 1990.

⁹ Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей. М., 2001.

влиянием. Традиционное японское общество было, прежде всего, аграрным, и в его социальной четырехсословной иерархии *си-но-ко-сё* крестьяне занимали второе место после самураев – господствующего военного сословия, сопоставимого с европейским и российским дворянством. В Японии до сих пор популярны теории так называемой «рисовой цивилизации». Их сторонники выводят основные черты японского общества как коллективистского (не только традиционного, но и современного!) именно из-за преобладания рисосеяния. Не отсюда ли давний и глубокий интерес японских русистов и просто интеллектуалов к крестьянской общине – излюбленному предмету исследования аграрных историков¹⁰. Интерес «образованного сословия», в котором удельный вес выходцев из деревни был весьма велик, не только к практическим проблемам сельского хозяйства, но и к аграрной истории и, можно сказать, аграрной философии своей страны, а затем и других стран был вполне закономерен. Поэтому и Льва Толстого в Японии почитали не только как великого мастера психологического романа и христианского моралиста, но и как выразителя крестьянского мировоззрения и миропонимания. Иными словами, типичному интеллигентному японцу, читающему Толстого, утопия Левина, наверно, будет ближе и интереснее, нежели любовная интрига Анны и Вронского или картины светской жизни, воспринимаемые как экзотика давно прошедших лет.

Здесь мы можем видеть и сходство, и различие между японской и советской историографией. Изучение «эксплуататорских классов» было не в почете в обеих странах, поэтому в Японии до сих пор мало работ о русской аристократии, чиновничестве, армии или духовенстве, а «помещики и капиталисты» изучаются главным образом в рамках экономической, а не социальной истории. Однако фабрично-заводской пролетариат также не пользовался особым вниманием японских историков, за исключением правоверных марксистов, некритически ориентировавшихся на советские образцы. Его история тоже рассматривается больше в рамках «истории фабрик и заводов», индустриализации и модернизации России и правительственной политики в этой области¹¹.

Аналогичное положение сложилось и в историографии революционного движения. Эпоха расцвета народничества совпала с эпохой

¹⁰ Судзуки Такэо. Тэйсэй Росиа-но кёдотай то ноумин (Община и крестьянство в императорской России). Токио, 1990 и мн. др.

¹¹ Содержательный историографический очерк: Хинада Сидзуо. Нихон-ни окэру Росиа кэйдзайси кэнкю-но аюми кара (Эволюция изучения экономической истории России в Японии). – Сякай бунка ронсю. 1999, № 6.

Мэйдзи (1868–1912 гг.) – периодом радикальных экономических, политических и социальных преобразований, интенсивной индустриализации и модернизации по западному образцу. В начале XX века в Японии зародилось и начало развиваться оппозиционное социал-демократическое движение, но еще раньше, в 70-е годы XIX в., появилось «движение за свободу и народные права», выразившее настроения той части самурайства и крестьянства, интересы которой оказались напрямую затронуты происходившими реформами. В Японии его любили сравнивать с народничеством, изучение которого таким образом связывалось с осмыслением собственной национальной истории. То же можно сказать и о русском пореформенном либерализме, хотя до популярности народничества ему далеко. В то же время русский консерватизм в Японии до сих пор известен мало и популярностью среди ученых не пользуется, а изучением русского марксизма занимались по большей части коммунисты или антикоммунисты, ставившие себе целью его критику. Тема была слишком идеологизированной, чтобы подходить к ней «без гнева и пристрастия».

Конечно, с изменением приоритетов российской историографии во второй половине 80-х и начале 90-х годов прошлого века японские историки стали больше писать о «командно-административной системе» и «большом терроре», об «истории инакомыслия в России» и особенно о русской эмиграции; литературоведы начали активнее переводить и изучать О. Мандельштама, В. Набокова, С. Довлатова, В. Пелевина и В. Сорокина. А ведь когда в 1982 г. университет Васэда усилиями специалиста по эмигрантской и диссидентской литературе Т. Кавасаки приобрел у американского антиквара Э. Штейна крупное собрание поэзии русского зарубежья, включающее архивные материалы, это выглядело исключением из правила. Происходящее можно истолковать как следование за коллегами в России, за перестроечной историографией. В немалой степени японская русистика является «зеркалом» российской и поэтому представляет интерес для изучения последних тенденций в нашей науке.

Интенсивно работая в архивах и свободно общаясь с российскими коллегами, осмысляя новые знания и теории, внимательно прислушиваясь к жарким дискуссиям в России, японские ученые за последнее десятилетие выпустили ряд крупных трудов, которые, несомненно, относятся к числу высших достижений русистики в этой стране. Не владея полным объемом информации, попытаемся выделить те работы, которые нам кажутся наиболее значительными и по-своему «знаковыми». Это – монографии Х. Вада о войне в Корее в контексте советской политики, Т. Томита о системе власти в эпоху Сталина, Н. Симотомай

об управлении Москвой в тот же период, Н. Исии о «Советском Союзе как цивилизации», Т. Накасима об инженерно-технической интеллигенции в первое послереволюционное десятилетие, К. Касама о роли масонов в русской литературе XIX в.¹² Особенно высокой оценки заслуживает полное комментированное издание дневников основателя Японской православной церкви Святителя Николая Японского (И. Д. Касаткина) под редакцией известных русистов Ё. Накамура, К. Накамура, М. Наганава и Р. Ясуи (в России этот ценнейший исторический памятник пока издан только во фрагментах), а также многочисленные публикации всех четырех редакторов книги¹³.

Подобные работы могут сделать честь любому иностранному и даже отечественному историку. Они показывают, что ведущие представители японской русистики вышли на мировой уровень, хотя знакомство с их трудами едва ли перевернет представления российских коллег о затронутых в них проблемах. Во всяком случае, отрадно, что фрагменты или изложение этих работ в виде отдельных статей все чаще появляются на русском языке в Японии, равно как и в России.

Вместе с тем японская русистика не освободилась и от традиционно присущего ей европейско-американского влияния, направленного на развенчание коммунистической идеологии и советской системы, – даже теперь, когда эта тематика потеряла свою актуальность.

На протяжении десятилетий японские дипломаты, занятые на советском направлении, и многие ученые-русисты стажировались не только в СССР, где волей-неволей находились «под колпаком», но и в США. В Москве они изучали русский язык и литературу, по возможности –

¹² Вада Харуки. Тёсэн сэно (Корейская война). Токио, 1995; Такэси Томита. Сутаринидзуму-но тоти кодзо: 1930 нэндай Сорэн-но сэйсаку кэтэй то кокумин того (Структура сталинской власти: выработка советской политики в 30-е годы и народное единство). Токио, 1996; Нобуо Симотомай. Сутарин то тоси Мосукува, 1931–1934 (Сталин и город Москва). Токио, 1994 (английский перевод: *Nobuo Shimotomai. Moscow under Stalinist Rule. L., 1996*); Норизэ Исии. Буммэй то ситэ Сорэн (Советский Союз как цивилизация). Токио, 1995; Такэси Накасима. Тэкунокурато то какумэй кэнрёку: Собизэто гидзюцу сэйсакуси. 1917–1929 (Технократы и революционная власть: история советской научно-технической политики. 1917–1929). Токио, 1999; Кэйдзи Касама. Дзюкюсэйки Росиа бунгаку то фуримэсон. (Русская литература XIX века и масоны). Токио, 1997

¹³ Дневники Святого Николая Японского. Т. 1. Саппоро 1994 (т. 2 готовится к изданию); частичный перевод на японский язык: Николай. Никорай-но мита бакумацу Нихон (Япония периода «бакумацу» <1853–1867 гг.> глазами Николая). Пер. Накамура Кэнносукэ. Токио, 1979; Николай. Мэйдзи-но Нихон Харисугосу сэйкёкай (Японская православная церковь в эпоху Мэйдзи). Пер. Накамура Кэнносукэ. Токио, 1996. Исследования: Накамура Кэнносукэ. Дэнкёси Никорай то Мэйдзи Нихон (Проповедник Николай и мэйдзийская Япония). Токио, 1996; Мицую Наганава. Никорай-до-но хитобито (Люди Николай-до). Токио, 1989 (Николай-до, «храм Николая» – обиходное японское название токийского собора Воскресения Христова, кафедрального собора Японской автономной православной церкви) и мн. др.

жизнь советского общества; в Гарварде или Стэнфорде – советологию, т. е. науку о вероятном противнике. В беседе с А. Кулановым знаток России дипломат и писатель А. Кавато (ныне Чрезвычайный и полномочный посол Японии в Узбекистане) рассказывал: «Особенность моего обучения в Гарварде состояла в том, что я досконально занимался советологией и очень много читал литературы по этому предмету – по 200 страниц английского текста в день. Я заметил, что главные факты о Советском Союзе излагались там довольно объективно, но вот вывод часто был очень тенденциозным. Здесь надо было иметь в виду особый образ мышления американцев – они всегда отталкиваются от вывода, т. е. от своего мнения. Сначала вывод, потом аргументы. От этого они копают и копают, собирают множество фактов, данных, но часто впустую – вывод был задан с самого начала. Это тупик. У меня же не было никогда антисоветизма в убеждениях, и я сразу обнаружил эту странную закономерность американского мышления, поэтому выводы я просто игнорировал, и старался руководствоваться фактами». Похожее вещи рассказывает о своем обучении в Америке и известный филолог-русист М. Нумано¹⁴.

Таким образом, формирование «образа России» даже у специалистов нередко шло под влиянием третьей стороны, причем настроенной, мягко говоря, недружественно в силу логики политического противостояния «холодной войны». Впрочем, дело не только в «холодной войне». Так было еще и во второй половине XIX в. (вспомним «миссию Ивакура», посетившую не только США, но и страны Европы). Об отрицательном влиянии Англии – в то время главного геополитического противника России – и отчасти Франции на формирование представлений о России в Японии еще в XIX в. писали И. А. Гончаров и М. И. Венюков.

Рецидивом попыток создания идеологически ангажированного негативного образа СССР (России) можно считать недавний выход японского перевода «Черной книги коммунизма» под редакцией С. Куртуа и кампанию некоторых средств массовой информации вокруг нее. Однако это была «буря в стакане воды». Публикация не оказала значимого влияния ни на академическое сообщество русистов, где откровенных русофобов почти нет, ни на интеллектуальную элиту (коммунисты не перестали быть коммунистами, а антикоммунисты – антикоммунистами), ни тем более на массовое сознание, для которого эти проблемы просто неактуальны. Видимо, вся эта шумиха (кстати, быстро закончившаяся) – проявление политической и идеологической

¹⁴ Куланов А. Тайва. Разговоры о Японии, разговоры о России. М., 2003, с. 120–121 (Кавато), 270–271 (Нумано).

борьбы внутри самой Японии, не связанное напрямую с образом России и динамикой ее восприятия.

Конечно, мы далеки от того, чтобы перечеркивать значение трудов американских и европейских русистов, да и речь идет не о политизированной прикладной «советологии» или «кремленологии», а об академическом изучении России. Х. Вада, посвятивший много лет исследованию народничества, с благодарностью называет своим первым учителем итальянского историка Ф. Вентури – автора классических работ по этой проблематике. Заметным событием в японской русистике последних лет стал перевод (скажем откровенно, запоздалый) таких работ, как «Икона и топор» Дж. Биллингтона и «Понять дореволюционную Россию» М. Раева. Переводчик второй книги Н. Исии в послесловии посетовал на малую известность книг Раева в Японии даже среди специалистов, меланхолично добавив, что здесь до сих пор нет полных переводов классических трудов В. О. Ключевского и П. Н. Милюкова, оказавших заметное влияние на европейскую и американскую историографию¹⁵. Конечно, специалисты читали их на европейских языках или в оригинале, но в интеллектуальный багаж сколько-нибудь широкого круга интеллигенции они не вошли и не войдут, пока не будут переведены. Зато недавно закончен перевод на японский язык работ М. Вебера о русской революции.

Следует сказать еще об одном важном обстоятельстве. В Японии академическая русистика, будь она идеологически ангажированной или нет, практически не оказывает воздействия на массовые представления о России. Дело не в русистике как таковой: научные книги, которые у нас до сих пор охотно читают десятки тысяч интеллигентов, в Японии считаются чем-то «по определению» скучным и нечитательным, а потому предназначенным лишь для узких специалистов в данной конкретной области. Поэтому большинство рядовых японцев и сегодня воспринимает нашу страну в рамках давным-давно созданного СМИ стереотипа «ушанки, медведи и “северные территории”», как иронически выразился переводчик Д. Коваленин. За пределами «цеха» образованное сословие знает лишь тех немногих русистов, кто регулярно выступает по телевидению и в газетах, например, Х. Вада, Х. Кимура или С. Хакамада. Их выступления обычно имеют политизированный характер, потому что ведущие и зрители ждут от знатоков России комментариев по поводу текущих событий или авторитетных прогнозов, а не рассуждений на отвлеченные темы или научных докладов.

Интересно проследить, какие изменения произошли за последние годы в организационной деятельности японских русистов, поскольку

¹⁵ Марк Раев. Росиаси-о ёму (Читая историю России). Пер. Н. Исии. Нагоя, 2001, с. 232.

наука – это не только книги и статьи, но и симпозиумы, лекции, научные обмены и командировки. Прежде всего, это люди, которые делают науку. Роль больших и малых научных обществ, регулярных семинаров, открытых и закрытых симпозиумов и публичных лекций в японских гуманитарных науках чрезвычайно велика, несомненно, больше, чем в России. Наука развивается в непрерывном личном общении и обмене мнениями, который, впрочем, редко переходит в открытую полемику. Таковы законы социальных отношений – не только в академической среде, – не допускающие критику старших со стороны младших («нарушение субординации») и не приветствующие резкую критику младших со стороны старших (нормы сообщества предписывают, чтобы она была мягкой, «отеческой»). Серьезно критиковать друг друга, полемизировать между собой могут только «равные», представители одного поколения, что, конечно, является тормозящим фактором. В прошлом острота дискуссий часто определялась принципиальными идеологическими различиями, нахождением «по разные стороны баррикады», но сейчас этот фактор во многом утратил свое значение.

Еще одной характерной чертой японских научных обществ является их открытость для неспециалистов, для широкой публики, которая выступает не только как зритель/слушатель, внимающий профессионалам и в лучшем случае задающий вопросы, но и как активный участник диалога. Японцам вообще присуще почтительное отношение к университетским преподавателям и обладателям ученых степеней, а также просто к старшим по возрасту, но путь в научные общества не закрыт и тем, у кого регалий и титулов нет, но есть знания и личный опыт. Конечно, человек, много лет проработавший в России представителем торговой компании, выйдя на пенсию, может рассчитывать на место преподавателя только в заштатном университете, если не обладает необходимыми связями, но в профильном научном обществе – заниматься он может не только экономикой, но чем угодно – ему всегда предоставят слово и выслушают с должным почтением к возрасту и положению.

Японская академическая среда очень консервативна в социальном плане, хотя в русистике это проявляется, пожалуй, в наименьшей степени. Большинство научных обществ, связанных с Россией, объединяет единомышленников, а опыт жизни в нашей стране или общения с русскими заметно раскрепощает японцев. За последние годы в работе таких структур все более активное участие принимают российские ученые – не знаменитости, время от времени приглашаемые на короткий срок в качестве почетных гостей, но те, кто постоянно живет и работает в Японии. Большинство их свободно владеет японским языком и, собственно говоря, принадлежит уже не к российской, а к японской

академической среде, внося в нее новые элементы как в научном, так и в социально-психологическом плане.

Как для российской, так и для японской академической среды огромное значение имеет неформальное общение. Практически любая конференция или заседание научного общества заканчивается коллективным походом в ресторан или хотя бы фуршетом, когда у участников есть время и возможность поговорить друг с другом «без протокола». Ссылаясь в том числе и на собственный опыт, автор может с уверенностью сказать: именно здесь высказываются наиболее интересные и смелые суждения, здесь идет «обкатка» новых идей и откровенный обмен мнениями, полемика ученых, не связанных (точнее, менее связанных) рамками условностей публичного выступления и академического «политеса».

За последние десять лет принципиальных изменений в «количественных показателях» деятельности японских обществ и организаций, изучающих Россию, не произошло. Время сгладило имевшиеся между ними противоречия идейно-политического характера, появилась тенденция к объединению или хотя бы координации действий, например, при проведении симпозиумов и конференций¹⁶. Важно другое – принципиально изменился характер диалога, научного сотрудничества с российскими коллегами, и этот аспект необходимо рассмотреть особо.

Во-первых, все большее число японских ученых стало приезжать в Россию, получив здесь широкие возможности для научной работы. Они не только работают в архивах и библиотеках или общаются с коллегами в стенах академических институтов, но и свободно читают курсы лекций в ведущих университетах России. Например, в сентябре 2002 г. лекции студентам-японистам Института стран Азии и Африки при МГУ читал Х. Вада, а в октябре его сменил М. Нумано. Именно эти авторитетные ученые особенно активны в организации двустороннего научного и культурного сотрудничества. Часто выступают в российских СМИ политологи С. Хакамада и Х. Кимура, чьи острые высказывания, по понятным причинам, нравятся не всем, но вызывают неизменный интерес своей глубиной и проработанностью. Давние и тесные связи с русской творческой интеллигенцией у Р. Ясуи, который гордится дружбой с В. Кожинным, В. Беловым и И. Шафаревичем. Русист-энциклопедист Ё. Накамура был в 1999 г. удостоен Большой золотой медали РАН им. М. В. Ломоносова. Это ли не признание!

В отличие от советского времени, работы японских авторов в российских изданиях печатаются без какой-либо цензуры. Только один

¹⁶ Характерный пример – открытые симпозиумы «Япония и Россия: история, сотрудничество, сосуществование» (Токийский университет иностранных языков, 23–24 июня 2001 г.) и «Новый взгляд на Россию и Восточную Европу в XXI в» (Университет Хосэй, 01. 12. 2001), организованные при участии нескольких научных обществ и университетов.

пример. На VI советско-японском симпозиуме историков (ноябрь 1983 г.) Х. Вада выступил с докладом «Представления о России в Японии: учитель, враг, собрат по страданиям». В предисловии к советскому изданию материалов симпозиума, куда был включен и его доклад, уклончиво говорилось: «Учитывая, что публикация предназначена не только для специалистов-японистов, редакция сочла возможным несколько сократить некоторые из докладов за счет отдельных фактов, не имеющих прямого отношения к теме сборника». Каковы были эти «некоторые сокращения» и чем они мотивировались, нетрудно понять, сравнив эту книгу и сборник избранных работ Х. Вада на русском языке: купюрам подверглась критика действий Сталина и вступления СССР в войну с Японией в 1945 г.¹⁷

Во-вторых, наши специалисты по истории России стали ездить в Японию. При этом по сравнению с практикой советского периода японская сторона (университеты и научные общества, а не государственные структуры, что важно!) сама выбирает и приглашает тех, кто ей действительно интересен, а не «назначен» соответствующими органами. Российских ученых активно приглашают Ассоциация историков России, Ассоциация исследователей русской литературы, Центр славяноведения Университета Хоккайдо, Токийский университет, Университет Васэда и др. В ряде случаев пребывание гостей финансируется министерством образования и науки или Японским фондом. Правда, последний чаще выделяет средства на приглашение из-за рубежа ученых-японистов или деятелей культуры. Разумеется, их пребывание в Японии, выступления перед японской аудиторией с рассказами о России, а затем перед российской аудиторией – о Японии, тоже играют большую роль в развитии научных и культурных связей, а в конечном счете – в деле улучшения отношений между нашими странами.

В-третьих, в среду японских русистов активно вливаются русские ученые, работающие в Японии. Специалистов по истории России и русской культуры среди них, как правило, нет. В основном – это специалисты по японской истории или культуре. Однако знание языка и «правил игры» местной академической среды позволяет им говорить со своими коллегами «на их языке» не только в лингвистическом смысле. Более того, они очень удачно дополняют друг друга. Для японских русистов характерно преобладание узкой специализации в ущерб широте кругозора и знанию контекста, которыми как раз обладают их русские коллеги, пусть даже не имеющие «русистских» дипломов.

¹⁷ Латышев И. А. От редакции. – Россия и Япония в исследованиях советских и японских ученых. М., 1986, с. 3; цензурованный текст: там же, с. 50–61; полный текст: Вада Х. Россия как проблема всемирной истории. М., 1999, с. 299–313.

Раньше на последних в Японии смотрели только как на «носителей языка» или, в лучшем случае, элементарных знаний о России. Теперь же их начинают воспринимать как полноправных русистов-профессионалов, хотя не везде и не в такой мере, как они того достойны. Как пример хочу отметить деятельность профессора Токийского университета иностранных языков А. А. Долина, совмещающего преподавание русского языка и литературы с участием в исследовательских проектах японских русистов. Известный исследователь и переводчик японской поэзии, он в последние годы часто выступает с работами о русской литературе XX в., которые публикуются как в Японии, так и в России¹⁸.

От такого содружества, несомненно, выигрывают обе стороны. Заслуживает внимания пример Ассоциации по изучению восточной ветви русского зарубежья, объединяющей японских русистов, потомков русских эмигрантов и российских ученых. Она была создана в 1978 г. как исследовательская группа «Россия и Япония» усилиями Ё. Накамура и Р. Ясуи, а с декабря 1995 г. существует под нынешним названием как научное общество, работа которого поддерживается министерством образования и науки. Изменение в статусе наглядно отражает перемены в положении вещей как в академической среде, так и в отношении к этому государственным органам.

Деятельность ассоциации – хороший пример соединения усилий профессиональных русистов (историки, культурологи, филологи, архивисты, библиотечные работники), недипломированных «любителей России», среди которых немало знатоков предмета, потомков эмигрантов, включая старейшин русской колонии в Токио Е. Н. Аксенова и Л. С. Швеца, российских ученых, работающих в японских университетах (Л. М. Ермакова, Ю. Д. Михайлова, В. Э. Молодяков, П. Э. Подалко, Э. Б. Саблина), и периодически приглашаемых гостей из России. Ассоциация налаживает сотрудничество с другими научными обществами, архивами и библиотеками, изучая эмигрантские фонды и материалы. Некоторые ее члены публикуют свои работы по данной тематике и в России.

В 1987, 1990 и 1992 гг. ассоциация, получив гранты министерства образования Японии, выпустила три сборника статей, содержательных

¹⁸ Долин А. Пророк в своем отечестве (Профетические и мессианские мотивы в русской поэзии и живописи Серебряного века). – Рётэйсэн канки Росиа-но сэйдзи то бунка-но рэкиситэки косацу (Исторические исследования политики и культуры России межвоенного периода). Токио, 2001; *Ego же*. Russian Poets Facing Apocalypse (October Revolution as Reflected in the Poetic Vision of the Classics). – Токио гайкокуго дайгаку ронсю (Труды Токийского университета иностранных языков). 2001, № 62; *Ego же*. Пророк в своем отечестве. (Мессианские мотивы в русской поэзии и общественной мысли). М., 2002.

и разнообразных по тематике, но в основном касавшихся политически нейтральных тем. Четвертый и пятый тома ее трудов, вышедшие в 2001–2003 гг. в отличие от предыдущих томов были посвящены, прежде всего, послереволюционной эмиграции, хотя никакой политической ангажированности в этом академическом издании нет¹⁹. Сборники, в которых из российских исследователей участвовали П. Э. Подалко, часто выступающий со статьями по истории русской эмиграции в Японии в российских («Япония сегодня») и японских («Росиаси кэнкю», «Acta Slavica Japonica», «Japanese Slavic and East European Studies») научных изданиях, и Э. Б. Саблина, получили сочувственный отклик в японской прессе, включая ведущие ежедневные газеты. Наличие содержания и резюме на русском и/или английском языках делают их доступными и для исследователей, не владеющих японским языком, что тоже отнюдь не бесполезно. Следует упомянуть также выступления авторов из России на страницах журнала «Мадо» («Окно»), который выпускает токийская издательская и книготорговая фирма «Наука», специализирующаяся на русских книгах и книгах о России, и рецензии автора этих строк на новинки японской русистики, периодически появляющиеся в нью-йоркском «Новом журнале».

Новые возможности сотрудничества японских и российских специалистов по России реализовались в ряде недавних издательских проектов, осуществленных в нашей стране. Первым стал выпуск издательством Ассоциации исследователей российского общества XX в. (АИРО–XX) тома избранных работ Х. Вада «Россия как проблема всемирной истории» (1999 г.). Отбор статей, осуществленный автором в содружестве с редактором книги Г. А. Бордюговым, показывает широту и разнообразие его научных интересов. Аргументированная критика романа В. Пикуля «У последней черты» (статья «Нечистая сила») соседствует здесь с размышлениями о судьбах российской и советской исторической науки, работы о русской революции – с представлением неизвестных страниц сталинской внешней политики.

За ним последовал большой сборник «Новый мир истории России. Форум российских и японских исследователей» (2001 г.), выпущенный издательством АИРО–XX к 60-летию Х. Вада, который был составлен из работ его коллег, друзей и учеников. Едва ли не впервые такой юбилейный сборник выходит не на родине ученого, а в стране, изучению которой он посвятил свою жизнь. Публикация на русском языке

¹⁹ Кёдо кэнкю. Росиа то Нихон (Россия и Япония. Сборник статей). Вып. 1. Под ред. Р. Ясуи. Токио, 1987.; Вып. 2. Под ред. Ё. Накамура. Токио, 1990; Вып. 3. Под ред. Ё. Накамура. Токио, 1992; Икё-ни икиру. Райнити Росиадзин-но сокусэки. (Жизнь на второй родине. Исторические следы русских в Японии). Под ред. М. Наганави и К. Савада. Токио, кн. 1, 2001, кн. 2, 2003.

обстоятельных статей 19 японских и 13 российских историков, представляющих различные поколения, научные направления и школы (фамилии многих участников уже фигурировали на этих страницах), стала хорошим смотром новейших достижений русистики. «Форум» показывает, что никакой пропасти между учеными двух стран нет, что диалог не просто возможен, а давно и успешно идет (об этом свидетельствует обилие ссылок авторов друг на друга), что работы японских и российских историков удачно дополняют друг друга как по тематике исследований, так и по избранным методам и подходам. В отличие от материалов разного рода симпозиумов и конференций, сборник содержит не тезисы или краткие изложения докладов, но большие статьи и даже фрагменты монографий. У культурологов и филологов такой совместной работы пока, к сожалению, нет, но надеемся, что будет, потому что пространство для сотрудничества – огромное.

Не меньшим событием стал и вышедший в издательстве РОССПЭН 800-страничный сборник документов из российских архивов «ВКП(б), Коминтерн и Япония, 1917–1941» (2001 г.) под общей редакцией Х. Вада и Г. М. Адиебекова – первый российско-японский исследовательский проект такого типа и масштаба. В работе над ним с японской стороны принимали участие Х. Вада, С. Ёкотэ, Н. Исии и Т. Томита, с российской – Г. М. Адиебеков, Ж. Г. Адиебекова, Ю. В. Георгиев и К. К. Шириня. Знаючи архивов и специалисты по истории Коминтерна, досконально знающие кухню «мастерской мировой революции», не просто обнародовали внушительный комплекс документов, но, благодаря участию в работе специалистов по истории Японии того же периода, смогли дать многомерную картину событий, в том числе с использованием материалов и публикаций, недоступных исследователям в России. Публикация наглядно показала практическую пользу сотрудничества японских русистов и российских японоведов.

Из работ японских литературоведов-русистов, с которыми в последние годы смог познакомиться российский читатель, надо отметить «изборники» К. Накамура «Чувство жизни и смерти у Достоевского» (1998 г.) и Ё. Накамура «Незримые мосты через японское море» (2003 г.), выпущенные петербургскими издательствами «Дмитрий Буланин» и «Гиперион». Данный первым автором психологический портрет Аполлинарии Суловой, «роковой женщины» великого писателя, ничуть не уступает лучшим страницам В. В. Розанова, одно время женатого на ней, или Л. П. Гроссмана, посвятившего изучению Достоевского более полувека. Его однофамилец и старший коллега интересуется буквально всем – от самых ранних русско-японских контактов и жизни староверов в Маньчжурии до сопоставления «Слова о полку Игореве» с «Повестью о доме Тайра» и встречами японских русистов с Анной Ахматовой. Поэтому в

книге Ё. Накамура каждый образованный человек непременно найдет что-то интересное для себя. Видно, что оба автора не просто прилежно «изучали» Россию, но, пользуясь образным выражением поэта Д. Самойлова, «протащили» ее «сквозь душу и шкуру». А ведь настоящая наука только так и делается.

Значение этих книг, увидевших свет в лучших научных издательствах Москвы и Петербурга, трудно переоценить. Их читают, о них спорят, в том числе и в прессе, – значит, диалог идет. Будем надеяться, что это только начало нового этапа сотрудничества ученых двух стран в деле изучения истории России и российско-японских отношений.

* * *

«Холодная война» в японской русистике закончилась, а если и громыхают где-то ее последние зарницы, то лишь на периферии, на границе с политически ангажированной «кремленологией». Часть авторов продолжает писать о России, как будто с советских времен ничего не изменилось, но представителей академической науки среди них почти нет. История японской русистики последних 10–15 лет – это история отказа от логики противостояния, ухода от него, преодоления его влияния. Наука о России постепенно освобождается от идеологических шор и предрассудков разного толка, хотя, конечно, полного избавления от них ждать не приходится. Да это едва ли возможно – в любой стране и в любой гуманитарной дисциплине, так или иначе связанной с политикой.

Оглядывая более чем столетнюю историю японской русистики через призму последних бурных и динамичных лет, мы видим, что она непрерывно развивается, оставаясь при этом самой собой, со своими достоинствами и недостатками. Но путей и возможностей развития впереди много, пожалуй, больше, чем когда-либо. В том числе через количественное и качественное расширение диалога с коллегами в России.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

На начало будущего года намечен визит президента В. В. Путина в Японию. Значение этого события трудно переоценить, учитывая важность развития всесторонних отношений с нашим дальневосточным соседом – второй экономической державой мира. Хотелось бы надеяться, что предстоящая встреча лидеров двух стран будет иметь практические результаты, а не сведется к одним лишь декларациям о намерениях. В этой связи особенно важно, чтобы президент России имел к этому визиту всю необходимую информацию – объективную и конкретную – как о состоянии российско-японских отношений, так и о самой Японии. Авторы данной книги постарались проанализировать нынешние российско-японские отношения (с учетом исторических корней и перспективы на будущее) во всем их многообразии и взаимосвязи, а также выявить в них новые тенденции.

Развитие российско-японских связей в постсоветский период характеризуется, прежде всего, тем, что государство отказалось от монополии в этой области. Если раньше любые связи, будь то экономика, наука, культура или народная дипломатия, жестко контролировались властью, то теперь открылись практически неограниченные возможности для частной инициативы в этой сфере. Такое развитие событий можно считать однозначно позитивным. Однако, роль государства в этой сфере по-прежнему остается чрезвычайно значимой.

Особенно важным является развитие экономических отношений. Несмотря на некоторые успехи в этой области, объем их абсолютно неудовлетворителен. Тем не менее, отрадным представляется нынешнее многообразие таких связей (совместные проекты, развитие сотрудничества с отдельными регионами или предприятиями), то есть теперь экономические отношения не замкнуты на центральную власть и дают широкий простор для частной инициативы. При этом следует отчетливо понимать, что у Японии (по крайней мере, на сегодняшний день) весьма специфические и ограниченные интересы в России (в первую очередь, Дальний Восток и Восточная Сибирь в региональном плане,

и сырье как основная цель бизнеса). Что касается роли нашей государственной власти, то ей, во-первых, следует создать четкие и понятные правила деятельности японского бизнеса в России, во-вторых, следить за соблюдением российских экономических интересов.

Следует отметить явно недостаточное научно-техническое сотрудничество, несмотря на отдельные положительные примеры. В этой связи хочется выделить два момента. Во-первых, в сегодняшних либеральных условиях руководители научных организаций должны сами проявлять инициативу в поиске и привлечении японских партнеров. Во-вторых, соединение российской фундаментальной науки с японскими достижениями в области техники и технологии могло бы принести отличные результаты, в том числе и в плане практического применения.

При этом совершенно очевидно, что многое в японском опыте развития экономики может быть полезным для России. В то же время авторы сборника совершенно правильно отмечают, что нельзя слепо копировать все методы и механизмы, не учитывая огромные различия между нашими странами. Японский опыт следует тщательно изучать, анализировать и использовать то, что применимо в российских условиях. И еще раз стоит подчеркнуть роль государства. Как ясно из книги, государственная власть в Японии активно участвует в экономических процессах, направляет их; т. е. ни о каком самоустранении государства из экономики речь не идет. Другой важный момент – государство уделяет огромное значение социальным проблемам, социальной стабильности в обществе. Этот японский опыт для нынешней России можно считать поистине бесценным.

Культурные связи, с одной стороны, менее подвержены политической конъюнктуре, с другой – имеют принципиальное значение для улучшения взаимопонимания между народами двух стран, что, в конечном счете, необходимо для общего прогресса в российско-японских отношениях. Многообразие культурных связей в постсоветский период, когда они уже не сковываются диктатом государства и официальной идеологии, а также широко открыты для частных инициатив, позволяет с оптимизмом оценивать перспективы на будущее. При этом следует отметить особую роль профессиональных японоведов в этом процессе. Во-первых, объективная информация и компетентные оценки позволяют, в какой-то степени, избавиться от старых стереотипов и избежать создания новых. Во-вторых, следует учитывать, что возможность непосредственных контактов с Японией, ее культурой и людьми, для подавляющего большинства россиян весьма ограничена, поэтому большинству наших сограждан, интересующихся Японией, на сегодняшний день совершенно необходима помощь компетентных «посредников».

В целом же нет никаких сомнений, что культурные связи между Россией и Японией будут успешно и стабильно развиваться, даже если в ближайшее время не будет значительного прогресса в политических и экономических отношениях.

Совершенно очевидно, что развитию отношений мешает отсутствие мирного договора между двумя странами. Главным препятствием является требование японской стороны о возврате четырех Южно-Курильских островов. В этом плане следует отметить, что по проблеме территориального спора официальный Токио занимает четкую и жесткую позицию (не будем сейчас оценивать ее обоснованность и конструктивность). Что касается нынешней, официальной и конкретной позиции Москвы по этому вопросу, то, наверно, следует разработать столь же четкую позицию в качестве основы для переговоров с нашей стороны, так как при отсутствии таковой любые переговоры бессмысленны. При этом нужно исходить из того, что в ходе переговоров позиция может подвергаться корректировке в зависимости от конкретной ситуации.

В заключение хотелось бы отметить, что данная книга, написанная авторитетными специалистами-японоведами и в доступной форме освещающая различные аспекты российско-японских отношений, рассчитана на массового читателя, проявляющего интерес ко всему, что связано с Японией и нашими двусторонними связями. Она, безусловно, способствует утверждению более осознанного и доброжелательного взаимного восприятия русскими и японцами, без чего невозможны никакие успехи ни в политических, ни в экономических отношениях.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

<i>Герасимова Майя Петровна</i>	кандидат филологических наук, Институт востоковедения РАН
<i>Денисов Юрий Дмитриевич</i>	кандидат технических наук, Институт востоковедения РАН
<i>Катасонова Елена Леонидовна</i>	кандидат филологических наук, Институт востоковедения РАН
<i>Куланов Александр Евгеньевич</i>	главный редактор, «Японский журнал – japon.ru»
<i>Лебедева Ирина Павловна</i>	кандидат экономических наук, Институт востоковедения РАН
<i>Матрусова Татьяна Николаевна</i>	кандидат экономических наук, Институт востоковедения РАН
<i>Молодяков Василий Элинархович</i>	доктор философии, университет Такусёку (Япония)
<i>Молодякова Эльгена Васильевна</i>	доктор исторических наук, Институт востоковедения РАН
<i>Стоногина Юлия Борисовна</i>	генеральный директор, PR-агентство «Инсайдер»
<i>Стрельцов Дмитрий Викторович</i>	доктор исторических наук, Институт востоковедения РАН
<i>Тимонина Ирина Львовна</i>	доктор экономических наук, Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М. В. Ломоносова
<i>Чугров Сергей Владиславович</i>	кандидат исторических наук, Институт мировой экономики и международных отношений РАН

CONTRIBUTORS

<i>Chugrov Sergey Vladislavovich</i>	Ph. D. (History), Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences
<i>Denisov Yuri Dmitrievich</i>	Ph. D. (Technology), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
<i>Gerasimova Maya Petrovna</i>	Ph. D. (Philology), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
<i>Katasonova Yelena Leonidovna</i>	Ph. D. (Philology), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
<i>Kulanov Aleksandr Evgenyevich</i>	Chief Editor of the “Japanese magazine – japon.ru”
<i>Lebedeva Irina Pavlovna</i>	Ph. D. (Economics), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
<i>Matrusova Tatyana Nikolayevna</i>	Ph. D. (Economics), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
<i>Molodyakov Vasily Elinarkhovich</i>	Ph. D. (History), Takushoku University
<i>Molodyakova Elgena Vasilyevna</i>	Prof. (History), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
<i>Stonogina Yulia Borisovna</i>	“Insider” PR-agency general director
<i>Streltsov Dmitriy Viktorovich</i>	Prof. (History), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
<i>Timonina Irina Lvovna</i>	Prof. (Economics), Institute of Afro- Asian Studies, Moscow State University
